

ISSN 1813-3274

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
экономика, политика, право**

**PACIFIC RIM:
Economics, Politics, Law**

№ 1/2021

АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:

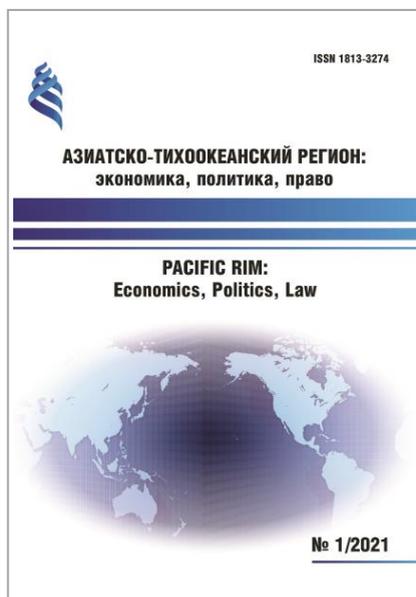
экономика, политика, право

Научный
журнал

Основан в 1999 году

2021
№ 1

Учредитель:

- Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- ISSN 1813-3274 (печатная версия)
- ISSN 2499-9474 (онлайн)
- Индекс 83612
- DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>
- Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich и др.

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
корп. А(24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2021

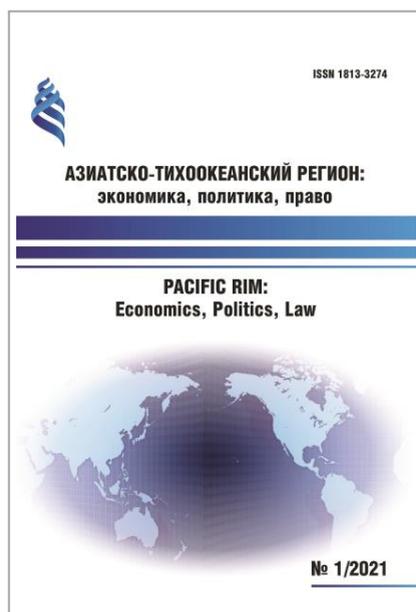
PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

The Journal was established in 1999

2021
No 1

Founder:

- Registration certificate ПИ № ФС 77-65746 of May 20, 2016
- ISSN 1813-3274 (Print)
- ISSN 2499-9474 (Online)
- Index 83612
- DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich, & others.

Address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay, FEFU Campus

Building A (24), office A920–923

Far Eastern Federal University

Phone: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

© FEFU, 2021

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич**   судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович**   заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович**   доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталья
Викторовна**   профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич**   профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович**   заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор по общим вопросам Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея; почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

- СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич** профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
- ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна** заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
- ФУ Куенчен** профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
- ХУАН Даосю** председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
- Редакционная коллегия журнала*
- АРАНОВСКИЙ Константин Викторович** судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
- ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна** член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
- ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
- КОРОТКИХ Наталья Николаевна** профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
- НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич** профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
- ПЕСЦОВ Сергей Константинович** профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochoentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

- Anatoly Ya. Kapustin** Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia
- Alexey S. Koshel** Vice-President for General Affairs, Far Eastern Federal University, Candidate in Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People’s Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center fo International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
ЭКОНОМИКА	
<i>Черняев А. П., Сухорукова И. В., Фомин Г. П., Меерсон А. Ю.</i> Построение модели управления с ограничениями в микроэкономических системах	15
<i>Сысоева М. С.</i> Отечественный и зарубежный опыт внедрения эффективных инноваций	27
<i>Волкова Е. М., Колесова В. М.</i> Построение городской транспортной системы на базе интеллектуальных технологий	38
ПОЛИТИКА	
<i>Песцов С. К.</i> Глобальный порядок и глобальное управление: практические вызовы и теоретические дебаты	53
<i>Демчук Ф. Г.</i> Трамп и Япония: новый тихоокеанский поворот? Итоги политики Дональда Трампа в Японии	70
ПРАВО	
<i>Васильева М. А.</i> Обстановка как элемент криминалистической характеристики экологических преступлений	84
<i>Холкина М. Г., Кравченко А. Г.</i> Правовое регулирование нотариальных действий в условиях становления цифровой экономики	92
<i>Белобородов М. В.</i> Правовое содержание независимой гарантии как способа обеспечения обязательств на рынке публичных торгов	104
<i>Терехов А. Ю.</i> Предпосылки введения в УК РФ состава преступления за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве	118
<i>Гайнутдинов А. К.</i> Коронавирус как обстоятельство непреодолимой силы и основание для закупки товаров, работ и услуг у единственного поставщика	115
<i>Квасникова Т. В., Лобач Д. В., Сиссоко М.</i> Суицидальный терроризм как разновидность террористической деятельности	126

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	
<i>Chernyaev Alexander P., Sukhorukova Irina V., Fomin Gennady P., Meerson Alla U.</i> Building a constrained control model in microeconomic systems	15
<i>Sysoeva Margarita S.</i> Domestic and foreign experience of implementing effective innovations	27
<i>Volkova Elena M., Kolesova Valentina M.</i> Development of urban transport system based on digital technologies	38
POLITICS	
<i>Pestsov Sergey K.</i> Gglobal order and global governance: practical challenges and theoretical debate	53
<i>Demchuk Faina G.</i> Trump and Japan: A New Pacific Twist? Results of Donald Trump's policy in Japan	70
LAW	
<i>Vasilieva Maria A.</i> Situation as an element of the forensic characterization of environmental crimes	84
<i>Kholkina Marina G., Kravchenko Artur G.</i> Legal regulation of notarial actions in the context of the formation of the digital economy	92
<i>Beloborodov Maxim V.</i> Legal substance of an independent guarantee as a method to ensure completion of commitments in the public procurement market	104
<i>Terekhov Aleksey Yu.</i> Preconditions for the introduction of a crime into the Criminal Code of the Russian Federation for raising citizen's funds in violation of the legislative requirements of the Russian Federation on shared-equity construction	118
<i>Gaimutdinov Adel K.</i> Coronavirus as a force majeure event and the reason for the purchase of goods, works and services from a single supplier	115
<i>Kvasnikova Tatyana V., Lobach Dmitry V., Sissoko Muktar.</i> Suicide terrorism as a kind of terroristic actions	126

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

В своей публикационной активности журнал имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 25 декабря 2020 года журнал включён в Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

08.00.01 – Экономическая теория.

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности).

08.00.14 – Мировая экономика.

Юридические науки:

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.10 – Международное право; Европейское право.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Политические науки:

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, оформленные по образцу журнала, объемом не более 20 страниц машинописного текста, включая список литературы;
- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках;
- название статьи, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20) – всё на русском и английском языках;
- e-mail для связи с читателями, УДК;
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;
- список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике.

Рукопись необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14. *Образец оформления статьи необходимо посмотреть на сайте.*

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, профессору А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: dvfu.ru/apr-magazine/

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of December 25, 2020 the Journal was included into the list of journals indexed by the Higher Attestation Commission (VAK) on the following academic fields:

Economic science:

08.00.01 – Economic Theory.

08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and areas of activity).

08.00.14 – Global Economics.

Science of Law:

12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law.

12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law.

12.00.05 – Labor law; social security law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal and penal law.

12.00.10 – International law; European Law.

12.00.12 – Forensics; forensic expertise; criminal intelligence.

Political Science:

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies.

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries, RFE and Primorye;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

- materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;
- reviews of the work of regional organizations;
- messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, formatted in accordance with the journal's standards, with a volume of no more than 20 pages of text, including references;
- Full name (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages;
- The manuscript's title, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20) – in Russian and English languages;
- Access to e-mail for communication means with readers, UDC;
- Links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";
- List of Literatours (in Russian) and References (BSI transliteration, translated into English) should be placed at the end of the article; Be sure to specify the total number of pages in the printed source.

The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14. *A sample design can be viewed on the site.*

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax village, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: dvfu.ru/apr-magazine/
Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

УДК УДК 330.45:519.862.5
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/15-26>

А. П. Черняев¹, Московский физико-технический институт
(государственный университет), г. Долгопрудный, Россия
E-mail: chernyaev49@yandex.ru

И. В. Сухорукова², Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия
E-mail: suhorukovair@yandex.ru

Г. П. Фомин³, Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия
E-mail: gpfomin@mail.ru

А. Ю. Меерсон⁴, Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия
E-mail: allameerson@yandex.ru

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ С ОГРАНИЧЕНИЯМИ В МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Аннотация. В микроэкономике практически часто встречаются задачи, в которых имеются ограничения на множество допустимых состояний экономической системы. Особенно это актуально в экономических задачах, где часто накладыва-

---

¹ Александр Петрович Черняев, д.ф.-м.н., профессор кафедры высшей математики, Московский физико-технический институт (государственный университет), г. Долгопрудный, Россия.

² Ирина Владимировна Сухорукова, доктор экономических наук, профессор кафедры высшей математики, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия.

³ Геннадий Петрович Фомин, кандидат технических наук, профессор кафедры математических методов в экономике, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия.

⁴ Алла Юрьевна Меерсон, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математических методов в экономике, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Черняев А. П., Сухорукова И. В., Фомин Г. П., Меерсон А. Ю. Построение модели управления с ограничениями в микроэкономических системах // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2021. № 1. С. 15–26. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/15-26>.

ются ограничения на неотрицательность фазовых переменных, например, связанных с объёмом выпуска продукции или величины производственной мощности предприятия. Эти ограничения задаются требованием, чтобы рассматриваемые траектории не покидали некоторой заданной области пространства существования управления. Чаще всего эти ограничения для всех моментов времени задают в виде неравенства, и накладываются определённые требования к функции фазовых координат, их значению объекта в заданный момент времени. Данная задача классифицируется как задача оптимального управления со смешанными и фазовыми ограничениями. Несомненно, эта сфера представляет научный интерес и достойна исследования. В данном случае рассматривается микроэкономическая модель экономики домашнего хозяйства как наиболее устойчивого объекта в условиях кризисов. На накопленные сбережения накладывается естественное фазовое ограничение неотрицательности. Это привело к изучению особенностей микроэкономической формулировки проблемы поиска метода оптимального разделения материальных средств на потребляемую и накапливаемую части, поскольку всё значительно усложняется наложением естественного фазового ограничения неотрицательности накопленных сбережений. Так же, как и в макроэкономике оптимизируется потребление, но не в чистом виде, а максимизируется интегральная дисконтированная полезность потребления. Уравнение связи в рассматриваемой работе отличается от аналогичного макроэкономического уравнения, поскольку домашнее хозяйство существует и выживает в кризисных условиях не так, как это делают масштабные социальные организмы и крупные предприятия. Именно поэтому в работе формулируются и доказываются достаточные условия для решения поставленной задачи с фазовым ограничением.

Ключевые слова: оптимальное потребление, накопленные сбережения, фазовое ограничение, индикаторная функция, микроэкономическая модель, экономика домашнего хозяйства, интегральная дисконтированная полезность потребления, уравнение связи, минимизирующая последовательность траекторий, балансовое тождество, вариационный метод, задача Коши, штрафная функция, доход, инвестиции, процент по наличным деньгам, функция полезности, коэффициент дисконтирования, приращение функционала, уравнение Эйлера, задача с закрепленными концами, полезность, устойчивость, материальные средства.

Alexander P. Chernyaev¹, Moscow Institute of Physics and Technology (State University), Dolgoprudny (Moscow Region), Russia
E-mail: chernyaev49@yandex.ru

Irina V. Sukhorukova², Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: suhorukovaira@yandex.ru

Gennady P. Fomin³, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: gpfomin@mail.ru

Alla U. Meerson⁴, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: allameerson@yandex.ru

BUILDING A CONSTRAINED CONTROL MODEL IN MICROECONOMIC SYSTEMS

Abstract. In microeconomics, problems are often encountered in which, of course, there are restrictions on the set of permissible states of the economic system. This is especially true in economic problems, where restrictions are often imposed on the non-negativity of phase variables, for example, those related to the volume of output or the value of the production capacity of an enterprise. These constraints are set by the requirement that the considered trajectories do not leave some given region of the control existence space. Most often, these restrictions for all points in time are specified in the form of an inequality and certain requirements are imposed on the function of phase coordinates, their value of the object at a given point in time. This problem is classified as an optimal control problem with mixed and phase constraints. In general, this area is of interest and necessary for consideration. In this case, the microeconomic model of the household economy is considered as the most stable object in a

---

¹ Alexander P. Chernyaev, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Higher Mathematics, Moscow Institute of Physics and Technology (State University), Dolgoprudny (Moscow Region), Russia.

² Irina V. Sukhorukova, Doctor of Economics, Professor of the Department of Higher Mathematics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

³ Gennady P. Fomin, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Mathematical Methods in Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

⁴ Alla U. Meerson, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematical Methods in Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

For citing: Alexander P. Chernyaev, Irina V. Sukhorukova, Gennady P. Fomin, Alla U. Meerson. Building a constrained control model in microeconomic systems // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 1. P. 15–26. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/15-26>.

crisis. The accumulated savings are subject to a natural phase constraint of non-negativity. This led to the study of the features of the microeconomic formulation of the problem of finding a method for the optimal division of material resources into consumed and accumulated parts, since everything is significantly complicated by the imposition of a natural phase constraint on the non-negativity of accumulated savings. Also, as in macroeconomics, consumption is optimized, but not in its pure form, but the integral discounted utility of consumption is maximized. The communication equation in the work under consideration differs from the analogous macroeconomic equation, since the household exists and survives in crisis conditions not in the same way as social organisms and large enterprises do. That is why in the present work sufficient conditions are formulated and proved for solving the problem with a phase constraint.

Key words: optimal consumption, accumulated savings, phase constraint, indicator function, microeconomic model, household economics, discounted integral consumption utility, coupling equation, minimizing sequence of trajectories, balance identity, variational method, Cauchy problem, penalty function, income, investment, interest on cash money, utility function, discount coefficient, functional increment, Euler's equation, problem with fixed ends, utility, stability, material resources.

Введение. В рассмотренной нами ранее постановке задачи оптимального управления предполагалось, что область изменения фазовой координаты $x(t)$ неограничена и совпадает со всем пространством управления [1; 2]. Однако на практике это не всегда выполнимо. В связи с этим выполним постановку задачи оптимального управления микроэкономической системой, учитывающую наличие именно фазовых ограничений. Моменты времени начальные t_0 и конечные t_1 , а также начальное состояние x_0 будем считать фиксированными. Таким образом, составленные соотношения позволяют определить все параметры оптимальной траектории, если она существует и не выходит на фазовое ограничение. Исходя из изложенного, целесообразно рассмотреть подход к предъявлению требований, в основе которого – формирование некоторых фазовых ограничений, обеспечивающих решение задачи и, в свою очередь, основанных на некоторых достаточных условиях [3–7]. Локальное направление связано с построением минимизирующей последовательности траекторий, причем в качестве независимого аргумента берётся не управление, а фазовая траектория, то есть метод вариаций в фазовом пространстве. При таком подходе легко учитываются фазовые ограничения, однако возникают другие трудности [8–12]. Следует заметить, что в условиях экономических кризисов домашние хозяйства демонстрируют стабильную выживаемость, которой могут позавидовать многочисленные предприятия. Аналогично постановке задачи оптимального разделения материальных средств на потребляемую и накапливаемую части [1; 2] максимизируется потребление, однако не в чистом виде, как в [8–12]

максимизируется интегральная дисконтированная полезность потребления. В рассматриваемой математической модели экономики домашних хозяйств обыкновенное дифференциальное уравнение баланса, которое в задаче оптимального управления играет роль уравнения связи, имеет ярко выраженную микроэкономическую специфику [13–14]. Экономические характеристики, как известные, так и неизвестные, будем считать непрерывными функциями времени, используя вариационный метод решения.

1. Балансовое тождество и уравнение связи. Мы будем исходить из основного балансового тождества [1; 2]

$$Y = C + I, \quad (1.1)$$

где Y – это доход, I – инвестиции, C – потребление. Положим теперь, что

$$Y = P + \rho x, I = x'_t, \quad (1.2)$$

где P – зарплаты и пенсии, ρ – банковский процент по наличным деньгам, x – накопленные сбережения, t – время. В таком случае естественно банковская система инвестирует накопленные сбережения домашнего хозяйства. Подставляя (1.2) в (1.1), мы получим

$$P + \rho x = C + x'_t,$$

или

$$x'_t = P + \rho x - C. \quad (1.3)$$

Уравнение (1.3) можно понимать и в другом балансовом смысле, отличном от (1.1), а именно: скорость приращения накопленных сбережений равна мгновенной разности прихода и расхода. Именно (1.3) и выступает как уравнение связи в задаче оптимального управления.

Для уравнения (1.3) формулируем задачу Коши для начального момента времени t_0 :

$$x(t_0) = x_0 \geq 0. \quad (1.4)$$

На накопленные сбережения накладываем фазовое ограничение неотрицательности

$$x \geq 0. \quad (1.5)$$

2. Максимизация интегральной дисконтированной полезности потребления. В качестве штрафной функции возьмём интегральную дисконтированную полезность потребления

$$J(C) = \int_{t_0}^{t_1} u(C(t)) \exp(-\delta t) dt. \quad (2.1)$$

Здесь t_1 – конечный момент времени, u – функция полезности δ – коэффициент дисконтирования, а (2.1) – функционал, который нужно максимизировать. Следуя [8–12], считаем, что домашние хозяйства оценивают полезность потребления функцией $u(C)$, которая описывает постоянное отвращение к риску по Эрроу–Пратту:

$$a = -\frac{u''(C)C}{u'(C)} > 0 \quad (2.2)$$

Следуя [4–6], из (2.2) получаем

$$u'(C) = \frac{\gamma}{C^a} = \gamma C^{-a}. \quad (2.3)$$

Выражение для самой функции потребления нам не понадобится.

Рассматривая приращение функционала (2.1): $J(C(t) + h(t)) - J(C(t))$, добавляем условие на правом конце

$$x(t_1) = x_1 \geq 0 \quad (2.4)$$

и получаем существование максимума функционала (2.1) и справедливость уравнения Эйлера

$$u'(C(t))\rho(t)e^{-\delta t} + \frac{d}{dt}[u'(C(t))e^{-\delta t}] = 0. \quad (2.5)$$

Проводим замену

$$w = u'(C(t))e^{-\delta t}, \quad (2.6)$$

что упрощает уравнение Эйлера (2.5)

$$\frac{dw}{dt} + \rho(t)w = 0.$$

Причём последнее легко интегрируется

$$w = De^{-\int_0^t \rho(s) ds}, \quad D = \text{const}. \quad (2.7)$$

Из (2.6) и (2.7) имеем

$$u'(C(t))e^{-\delta t} = De^{-\int_0^t \rho(s) ds}.$$

Выражая из последнего равенства производную функции полезности и сравнивая полученное с равенством (2.3), получаем

$$u'(C(t)) = De^{\delta t - \int_0^t \rho(s) ds} = \frac{\gamma}{[C(t)]^a}. \quad (2.8)$$

Выражая потребление из (2.8), будем иметь

$$[C(t)]^a = \frac{\gamma}{D} e^{\delta t - \int_{t_0}^t \rho(s) ds}, \quad C(t) = \left(\frac{\gamma}{D} \right)^{\frac{1}{a}} e^{\frac{\delta}{a} t - \frac{1}{a} \int_{t_0}^t \rho(s) ds}. \quad (2.9)$$

3. Использование конечного условия. Уравнение (1.3) линейное, и из [10] следует

$$x(t) = \int_{t_0}^t e^{\int_{\tau}^t \rho(s) ds} [P(\tau) - C(\tau)] d\tau + x_0 e^{\int_{t_0}^t \rho(s) ds}. \quad (3.1)$$

Формула (3.1) дает решение задачи Коши (1.3), (1.4) и проверяется непосредственно. То, что (3.1) удовлетворяет (1.4), очевидно, а то, что (3.1) удовлетворяет уравнению (1.3), следует из формулы Лейбница [9]. Подставляя в (3.1) $t = t_1$ и используя (2.4), можно записать

$$x_1 = \int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{\tau}^{t_1} \rho(s) ds} [P(\tau) - C(\tau)] d\tau + x_0 e^{\int_{t_0}^{t_1} \rho(s) ds}. \quad (3.2)$$

Преобразуем теперь (3.2) следующим образом

$$\int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{\tau}^{t_1} \rho(s) ds} C(\tau) d\tau = \int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{\tau}^{t_1} \rho(s) ds} P(\tau) d\tau + x_0 e^{\int_{t_0}^{t_1} \rho(s) ds} - x_1. \quad (3.3)$$

Подставим правую формулу (2.9) в (3.3)

$$\left(\frac{\gamma}{D} \right)^{\frac{1}{a}} \int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{\tau}^{t_1} \rho(s) ds} e^{\frac{1}{a} \int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds - \frac{\delta}{a} \tau} d\tau = \int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{\tau}^{t_1} \rho(s) ds} P(\tau) d\tau + x_0 e^{\int_{t_0}^{t_1} \rho(s) ds} - x_1.$$

Возводя последнее в степень $a > 0$, будем иметь

$$\frac{\gamma}{D} = \left(\int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{\tau}^{t_1} \rho(s) ds} P(\tau) d\tau + x_0 e^{\int_{t_0}^{t_1} \rho(s) ds} - x_1 \right)^a \left(\int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{\tau}^{t_1} \rho(s) ds} e^{\frac{1}{a} \int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds - \frac{\delta}{a} \tau} d\tau \right)^{-a}. \quad (3.4)$$

Т. о. из последнего равенства можно выразить искомую постоянную

$$D = \gamma \left(\int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{\tau}^{t_1} \rho(s) ds} e^{\frac{1}{a} \int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds - \frac{\delta}{a} \tau} d\tau \right) \left(\int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{\tau}^{t_1} \rho(s) ds} P(\tau) d\tau + x_0 e^{\int_{t_0}^{t_1} \rho(s) ds} - x_1 \right)^{-a}, \quad (3.5)$$

если знаменатель дроби (3.5) отличен от нуля.

4. Фазовое ограничение на накопленные сбережения. Подставив (2.9) в (3.1), получим

$$x(t) = \int_{t_0}^t P(\tau) e^{\int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds} d\tau - \left(\frac{\gamma}{D}\right)^{\frac{1}{a}} \int_{t_0}^t e^{\int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds + \frac{1}{a} \int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds - \frac{\delta}{a} \tau} d\tau + x_0 e^{\int_{t_0}^t \rho(s) ds}. \quad (4.1)$$

Для упрощения введём обозначение

$$\Theta(t) = \int_{t_0}^t P(\tau) e^{\int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds} d\tau + x_0 e^{\int_{t_0}^t \rho(s) ds} > 0. \quad (4.2)$$

С учётом (4.2) выражение (4.1) выглядит более просто

$$x(t) = \Theta(t) - \left(\frac{\gamma}{D}\right)^{\frac{1}{a}} \int_{t_0}^t e^{\int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds + \frac{1}{a} \int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds - \frac{\delta}{a} \tau} d\tau. \quad (4.3)$$

Из (3.4) и (4.2) имеем

$$\left(\frac{\gamma}{D}\right)^{\frac{1}{a}} = (\Theta(t_1) - x_1) \left(\int_{t_0}^{t_1} e^{\int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds + \frac{1}{a} \int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds - \frac{\delta}{a} \tau} d\tau \right)^{-1}. \quad (4.4)$$

Введём обозначение

$$\Psi(t) = \int_{t_0}^t e^{\int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds + \frac{1}{a} \int_{t_0}^{\tau} \rho(s) ds - \frac{\delta}{a} \tau} d\tau > 0. \quad (4.5)$$

Тогда с учётом (4.5) выражения (4.4) и (4.3) выглядят теперь достаточно просто:

$$\left(\frac{\gamma}{D}\right)^{\frac{1}{a}} = \frac{(\Theta(t_1) - x_1)}{\Psi(t_1)}, \quad (4.6)$$

$$x(t) = \Theta(t) - \left(\frac{\gamma}{D}\right)^{\frac{1}{a}} \Psi(t). \quad (4.7)$$

Подставляем теперь (4.6) в (4.7)

$$x(t) = \Theta(t) - (\Theta(t_1) - x_1) \frac{\Psi(t)}{\Psi(t_1)} = \Psi(t) \left(\frac{\Theta(t)}{\Psi(t)} - \frac{\Theta(t_1)}{\Psi(t_1)} + \frac{x_1}{\Psi(t_1)} \right). \quad (4.8)$$

Введём индикаторную функцию

$$\Phi(t) = \frac{\Theta(t)}{\Psi(t)}. \quad (4.9)$$

С учётом (4.9) накопленные сбережения (4.8) могут быть представлены в виде

$$x(t) = \Psi(t) \left(\Phi(t) - \Phi(t_1) + \frac{x_1}{\Psi(t_1)} \right). \quad (4.10)$$

Представление накопленных сбережений в виде (4.10), то есть через индикаторную функцию (4.9) довольно удобно для изучения фазового ограничения (1.5). Наиболее простым достаточным условием выполнения (1.5) является справедливость неравенства

$$\Phi(t) - \Phi(t_1) \geq 0. \quad (4.11)$$

Заключение. В условиях экономического хаоса и нестабильности домашние хозяйства демонстрируют стабильную выживаемость, которой могут позавидовать многочисленные предприятия. В очень важной задаче оптимального разделения материальных средств на потребляемую и накапливаемую части в микроэкономике и макроэкономике должны быть сходства и различия. Как и в макроэкономике [1; 2], нужно максимизировать потребление, однако не в чистом виде. Как и в работах [8–12], максимизируется интегральная дисконтированная полезность потребления. Дополнительное фазовое ограничение (1.5), имеющее естественный экономический смысл, серьёзно усложняет задачу. Представление (4.10) при (4.9) даёт эффективное достаточное условие (4.11) для справедливости (1.5). Как и в работах [1; 2], здесь использовался вариационный метод и рассматривалась задача с закреплёнными концами.

Таким образом выполнены постановка и решение задачи оптимального управления микроэкономической системой, учитывающие наличие именно фазовых ограничений. При этом моменты времени начальные и конечные, а также начальное состояние фиксированы. Эти ограничения необходимы, чтобы рассматриваемые траектории не покидали заданной области пространства, что и необходимо реальным микроэкономическим системам. Вычислительные процедуры по полученным моделям в настоящее время проходят апробацию на основе материалов отчёта о финансовых результатах компании этого года*.

Список литературы

1. Chernyaev, A. P. Methods for optimal separation of income in consumable and accumulated parts / A. P. Chernyaev, A. Yu. Meerson, I. V. Sukhorukova, G. P. Fomin // International Journal of Recept Technology and Engineering (IJRTE). – 2020. – Vol. 8, iss. 6, March 2020. – P. 797–801.

---

* *Примечание.* Фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу: Черняев А. П. – 25%, Сухорукова И. В. – 25%, Фомин Г. П. – 25%, Меерсон А. Ю. – 25%.

2. Chernyaev, A. P. Features of mathematical formulation and solution of the problem of optimal division of funds in the construction business / A. P. Chernyaev, A. Yu. Meerson, I. V. Sukhorukova, G. P. Fomin. – DOI 10.1088/1757–899X/945/1/012002 // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Builditech BIT 2020. Innovations and Technologies in Construction. – 2020. – Vol. 945 (1). – Art. no. 012002.
3. Hybrid method for multi-criteria risk minimization / I. V. Sukhorkova, G. P. Fomin, I. L. Ekareva, V. A. Mushrub // *Espacios*. – 2019. – Vol. 40. – P. 14–22.
4. Попов, В. А. Inflation and consumer basket // *Journal of Reviews on Global Economics*. – 2018. – Vol. 7, special iss. – P. 453–456.
5. Фомин, Г. П. Методы оценки операционных рисков в торговле / Г. П. Фомин, И. В. Сухорукова, В. А. Мушруб // *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. – 2019. – № 5 (107). – С. 156–162.
6. Власов, Д. А. MS EXCEL как система поддержки принятия решений / Д. А. Власов, А. В. Синчуков // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 50–59.
7. Sukhorukova, I. V. Methods of risk minimization in investment and construction projects / I. V. Sukhorukova, D. A. Maksimov, G. P. Fomin // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Builditech BIT 2020. Innovations and Technologies in Construction. – 2020. – Vol. 945 (1). – Art. no. 012013.
8. Гуриев, С. М. Модель общего равновесия экономики переходного периода / С. М. Гуриев, И. Г. Пospelov // *Математическое моделирование*. – 1994. – Т. 6, № 2. – С. 3–21.
9. Комарова, Е. В. О существовании управлений для задачи оптимального управления с фазовыми ограничениями // *Учёные записки Российского государственного социального университета*. – 2009. – № 7-2 (70). – С. 211–213.
10. Сумин, М. И. Параметрическая задача оптимального управления полулинейным эллиптическим уравнением с поточечным фазовым ограничением и граничным управлением // *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Естественные и технические науки*. – 2000. – Т. 5, № 4. – С. 495–497.
11. Тагиев, Р. К. Задача оптимального управления для квазилинейного параболического уравнения с управлениями в коэффициентах и с фазовыми ограничениями // *Дифференциальные уравнения*. – 2013. – Т. 49. – № 3. – С. 380.
12. Дивеев, А. И. Решение задачи группового управления с фазовыми ограничениями методом синтезированного оптимального управления / А. И. Дивеев, Е. Ю. Шмалько // *Вопросы теории безопасности и устойчивости систем*. – 2019. – № 21. – С. 85–96.
13. Власов, Д. А. Методика количественного анализа при принятии решений в различных информационных условиях // *Системные технологии*. – 2018. – № 4 (29). – С. 18–29.

14. Рьжкова, Т. В. Оптимизационная модель производственной функции в комплексной форме // Сборник методических рекомендаций по вопросам социально-экономического развития. – Нижний Новгород, 2019. – С. 5–8.

References

1. Chernyaev A. P., Meerson A. Yu., Sukhorukova I. V., Fomin G. P. Methods for optimal separation of income in consumable and accumulated parts. *International Journal of Recept Technology and Engineering (IJRTE)*, March 2000, vol. 8, iss. 6, pp. 797–801.
2. Chernyaev A. P., Meerson A. Yu., Sukhorukova I. V., Fomin G.P. Features of mathematical formulation and solution of the problem of optimal division of funds in the construction business. In: *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Builditech BIT 2020. Innovations and Technologies in Construction*, 2020, vol. 945 (1), art. no. 012002, doi: 10.1088/1757-899X/945/1/012002.
3. Sukhorukova I. V., Fomin G. P. Ekareva I. L., Mushrub V. A. Hybrid method for multi-criteria risk minimization. *Espacios*, 2019, vol. 40, pp. 14–22.
4. Popov V. A. Inflation and consumer basket. *Journal of Reviews on Global Economics*, 2018. Vol 7, special iss., pp. 453–456.
5. Fomin G. P., Sukhorukova I. V., Mushrub V. A. Metody otsenki operatsionnykh riskov v torgovle [Methods for assessing operational risks in trade]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova*, 2019, no. 5 (107), pp. 156–162.
6. Vlasov D. A., Sinchukov A. V. MS EXCEL kak sistema podderzhki prinyatiya reshenii [MS EXCEL as a decision support system]. *International Journal of Open Information Technologies*, 2019, vol. 7, no. № 3, pp. 50–59.
7. Sukhorukova I. V., Maksimov D. A., Fomin G. P. Methods of risk minimization in investment and construction projects. In: *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Builditech BIT 2020. Innovations and Technologies in Construction*, 2020, vol. 945 (1), art. no. 012013.
8. Guriev S. M., Pospelov I. G. Model' obshchego ravnovesiya ekonomiki perekhodnogo perioda [General equilibrium model of the economy in transition]. *Matematicheskoe modelirovanie*, 1994, vol. 6, no. 2, pp. 3–21.
9. Komarova E. V. O sushchestvovanii upravlenii dlya zadachi optimal'nogo upravleniya s fazovymi ogranicheniyami [Existence of controls for an optimal control problem with phase constraints]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2009, no. 7-2 (70), pp. 211–213.
10. Sumin M. I. Parametricheskaya zadacha optimal'nogo upravleniya polulineinym ellipticheskim uravneniem s potochechnym fazovym ogranicheniem i granichnym upravleniem [A parametric optimal control problem for a semilinear elliptic equation with a pointwise phase constraint and boundary control]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, 2000, vol. 5, no. 4, pp. 495–497.

11. Tagiev R. K. Zadacha optimal'nogo upravleniya dlya kvazilineinogo parabolicheskogo uravneniya s upravleniyami v koeffitsientakh i s fazovymi ogranicheniyami [Optimal control problem for a quasilinear parabolic equation with controls in the coefficients and with phase constraints]. *Differentsial'nye uravneniya*, 2013, vol. 49, no. 3, pp. 380.
12. Diveev A. I., Shmalko E. Yu. Reshenie zadachi gruppovogo upravleniya s fazovymi ogranicheniyami metodom sintezirovannogo optimal'nogo upravleniya [Solution of the group control problem with phase constraints by the synthesized optimal control method]. *Voprosy teorii bezopasnosti i ustoichivosti system*, 2019, no. 21, pp. 85–96.
13. Vlasov D. A. Metodika kolichestvennogo analiza pri prinyatii reshenii v razlichnykh informatsionnykh usloviyakh [Quantitative analysis technique for making decisions in various information conditions]. *Sistemnye tekhnologii*, 2018, no. 4 (29), pp. 18–29.
14. Ryzhkova T. V. Optimizatsionnaya model' proizvodstvennoi funktsii v kompleksnoi forme [Optimization model of production function in an integrated form. In: *Sbornik metodicheskikh rekomendatsii po voprosam sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Collection of guidelines on socio-economic development]. Nizhny Novgorod, 2019, pp. 5–8.

УДК 338.1:001.895(100)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/27-37>

М. С. Сысоева¹, Институт экономики, управления и сервиса Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия
E-mail: ms_sysoeva@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ ИННОВАЦИЙ

Аннотация. В статье представлен отечественный и зарубежный опыт выстраивания эффективной инновационной деятельности. Кризис 2020 г. изменил привычный уклад мироустройства. Кризис, начавшийся в здравоохранении в Китае, привёл к глобальному пересмотру существования всех сфер жизнедеятельности во всех странах мира. Разворачивающийся в настоящее время экономический кризис резко сократил расходы на исследования и инновации в компаниях, в то время как обременённые долгами правительства столкнулись с многочисленными конкурирующими потребностями в финансовой поддержке. Однако, как показывает история, после каждого кризиса начинается новый виток развития, который, как правило, связан с прорывными технологиями и внедрением эффективных инноваций. Рассмотрены основные источники финансирования НИОКР. Внедрение и использование эффективных инноваций в разных странах происходит по-разному и зависит от заинтересованности самого государства в данных инновациях, что выражается в инвестициях в инновационную деятельность. Выделены отличия построения инновационной деятельности в Российской Федерации и развитых странах. В Российской Федерации наблюдается отличие по соотношению источников финансирования. Развитые страны тратят миллиарды долларов на поддержку прорывных технологий, которые в последующем внедряются в их хозяйственную практику. Это позволяет экономикам этих государств оставаться конкурентоспособными. За счёт повышения производительности труда удаётся нивелировать недостатки, такие как отсутствие собственных природных ресурсов, небольшие территориальные размеры и рост числа стареющего населения. Несмотря на то, что в структуре валовых внутренних расходов на НИОКР по источникам финансирования в развитых стра-

---

¹ Маргарита Сергеевна Сысоева, доцент кафедры бухгалтерского учёта и налогового контроля Института экономики, управления и сервиса, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия.

Для цитирования: Сысоева М. С. Отечественный и зарубежный опыт внедрения эффективных инноваций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 1. С. 27–37. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/27-37>.

нах основную часть занимают коммерческие предприятия, роль государства заключается не только в финансировании. Государству для улучшения своих позиций в мировом инновационном пространстве необходимо привести в соответствие статистические показатели к показателям международных организаций; эффективнее использовать государственно-частное партнёрство с целью привлечения частного капитала в финансирование инноваций и снижения оттока научных кадров; расширять налоговые и кредитные льготы для деятельности предприятий в сфере инноваций; формировать эффективную инфраструктуру для осуществления инноваций; развивать человеческий капитал посредством культурного просвещения нации.

Ключевые слова: эффективные инновации, источники финансирования, наукоёмкая продукция, государственно-частное партнёрство, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), развитые страны, образование, глобальный инновационный индекс, человеческий капитал, инновационная среда.

Margarita S. Sysoeva¹, Institute of Economics, Management and Service of Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia
E-mail: ms_sysoeva@mail.ru

DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE OF IMPLEMENTING EFFECTIVE INNOVATIONS

Abstract. The article presents domestic and foreign experience in building effective innovative activities. The 2020 crisis has changed the usual way of world order. The crisis that began in China's healthcare has led to a global rethinking of the existence of all spheres of life in all countries of the world. The unfolding economic crisis has sharply reduced research and innovation spending in companies, while debt-ridden governments are faced with numerous competing needs for financial support. However, as history shows, after each crisis, a new round of development begins, which, as a rule, is associated with breakthrough technologies and the introduction of effective innovations. The main sources of R&D funding are considered. The introduction and use of effective innovations in different countries occurs in different ways and depends on the interest of the state itself in these innovations, which is expressed in investments in innovative activities. The differences in the construction of innovative activities in the Russian Federation and developed countries are

---

¹ Margarita Sergeevna Sysoeva, Associate Professor of the Department of Accounting and Tax Control of the Institute of Economics, Management and Service, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia.

For citing: Sysoeva M. S. Domestic and foreign experience of implementing effective innovations // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 1. P. 27–37. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/27-37>.

highlighted. In the Russian Federation, there is a difference in the ratio of funding sources. Developed countries spend billions of dollars to support breakthrough technologies, which are subsequently introduced into their economic practice. This allows the economies of these states to remain competitive. By increasing labor productivity, it is possible to neutralize disadvantages such as the lack of its own natural resources, small territorial size and an increase in the number of an aging population. Despite the fact that in the structure of gross domestic expenditures on R&D by sources of financing in developed countries the main part is occupied by commercial enterprises, the role of the state is not only in financing. To improve its position in the global innovation space, the state needs to bring statistical indicators into line with those of international organizations; more efficiently use public-private partnerships in order to attract private capital to finance innovation and reduce the outflow of scientific personnel; expand tax and credit incentives for enterprises in the field of innovation; create an effective infrastructure for innovation; to develop human capital by means of cultural education of the nation.

Keywords: effective innovations, funding sources, high technology products, public-private partnerships, research and development work (R&D), developed countries, education, global innovation index, human capital, innovation environment.

Кризис 2020 г. изменил привычный уклад мироустройства. Обычно кризис затрагивает лишь один какой-либо аспект – финансы, политику, здравоохранение, экологию – и не все страны одновременно. Кризис, начавшийся в здравоохранении в Китае, привёл к глобальному пересмотру существования всех сфер жизнедеятельности во всех странах мира [2]. В данных условиях началась рецессия во всех областях экономики. Разворачивающийся в настоящее время экономический кризис резко сократил расходы на исследования и инновации в компаниях, в то время как обременённые долгами правительства столкнулись с многочисленными конкурирующими потребностями в финансовой поддержке. Однако, как показывает история, после каждого кризиса начинается новый виток развития, который, как правило, связан с прорывными технологиями и внедрением эффективных инноваций. Поэтому изучение опыта ведущих стран в сфере организации инновационной деятельности является весьма актуальным вопросом.

Цель работы заключается в изучении и сравнении особенностей внедрения эффективных инноваций в развитых странах и в Российской Федерации и на этой основе – разработке рекомендаций по повышению конкурентоспособности Российской Федерации в данной сфере.

Осуществление поставленной цели предполагает решение следующих задач: определить содержание инновационной деятельности и эффективных инноваций; изучить источники финансирования инновационной деятельности; выявить лиде-

ров наукоёмких отраслей; определить место России в мировой экономике инноваций; предложить рекомендации по повышению эффективности внедрения эффективных инноваций в Российской Федерации.

Изучение поставленных задач основано на приёмах и методах статистического, экономико-математического анализа, а также методах сравнения и группировок.

Эффективные инновации по своей сути являются сложным элементом человеческой жизнедеятельности. От идеи до внедрения продукта проходит достаточно продолжительное время, поэтому процесс внедрения требует детального рассмотрения.

Внедрение и использование эффективных инноваций в разных странах происходит по-разному и зависит от заинтересованности самого государства в данных инновациях, что выражается в инвестициях в инновационную деятельность. Целью производства инновационных продуктов является удовлетворение нужд и потребностей конечных пользователей, то есть населения, которые формируются, как правило, не одновременно с развитием рынка.

Ключевым индикатором инновационного развития страны являются затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Являясь относительной величиной, они рассчитывается путём сложения всех затрат на НИОКР, как государственных, так и частных в течение года. В табл. 1 представлены данные о валовых внутренних расходах (ВР) на НИОКР в развитых странах за 2005–2018 гг.

Таблица 1

**Валовые внутренние расходы на НИОКР (ВРНИОКР)
в текущих ценах и ППС за 2005–2018 гг., млрд долл. [3; 4; 5]**

Государства, союзы	2005	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Европейский Союз (28 стран)	226	355	371	386	406	438	464
Российская Федерация	18	38	40	38	39	42	41
Китай	86	323	346	366	393	420	468
США	328	454	476	495	516	548	581
Япония	128	164	169	168	160	166	171
Развитые страны в целом*	779	1149	1202	1240	1286	1369	1447

*Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Колумбия, Латвия, Литва, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, США, Турция, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Эстония, Республика Корея, Япония.

Валовые внутренние затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки за 2005–2018 г. увеличились в Европейском Союзе, Китае, США, Японии. В Российской Федерации до 2018 г. наблюдался рост данного показателя, однако в 2018 г. произошло сокращение на 1 млрд долл. Наиболее высокий темп роста валовых внутренних расходов на НИОКР в Китае, они увеличились в 5,5 раз. За аналогичный период расходы в США увеличились с 328 млрд долл. до 581 млрд долл., т.е. на 177%, в Японии на 133%, в Европейском Союзе на 205%. Из представленных данных очевидно, что РФ значительно отстает от наиболее развитых стран по данному показателю в абсолютном значении.

Расходы на НИОКР в РФ составляют лишь 8% от расходов Европейского Союза, 8% от расходов Китая, 7% от расходов США и 24% от расходов Японии. Абсолютным лидером по валовым внутренним расходам на НИОКР являются США. В 2018 г. на эти цели они направили 581 млрд долл., что составляет 40% от расходов всех развитых стран в целом (1447 млрд долл.).

На рис. 1 представлены графики валовых внутренних расходов на НИОКР (ВРНИОКР) в процентах от ВВП.

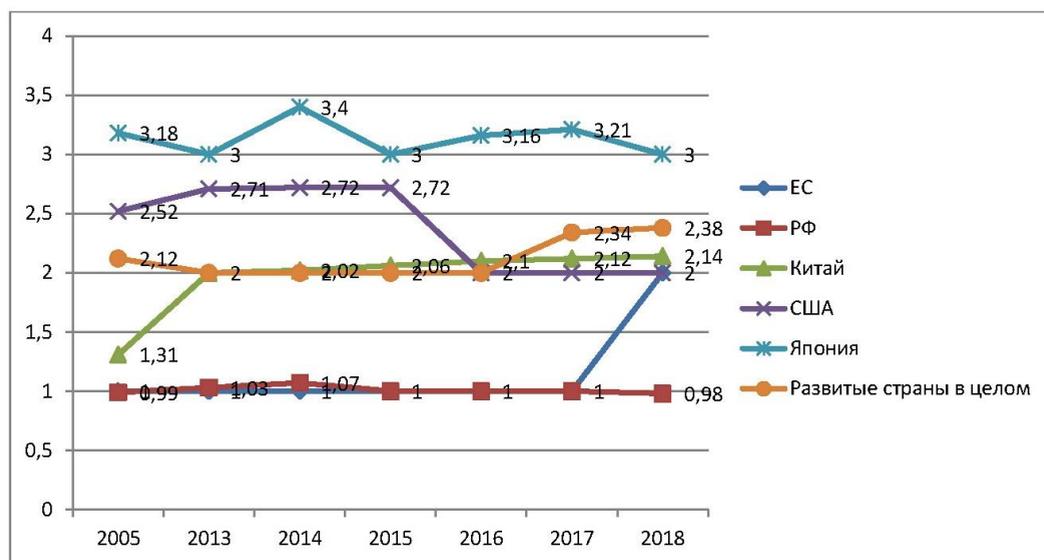

Рис. 1. Изменение валовых внутренних расходов на НИОКР в процентах от ВВП по странам за 2005–2018 гг. [3; 4; 5]

Ежегодные валовые внутренние расходы всех развитых стран выросли на 85%, с 779 млрд долл. до 1447 млрд долл. При этом их вложения в НИОКР были выше, чем темп их экономического роста; рост расходов на НИОКР по отношению к ВВП был всего лишь на 0,26% (2,38% – 2,12%). Наибольшая доля валовых внутренних

расходов на НИОКР в 2018 г. в Японии – 3,28%, наименьшая в РФ – 0,98%, у остальных стран доля от 2% до 3%.

Развитые страны тратят миллиарды долларов на поддержку прорывных технологий, которые в последующем внедряются в их хозяйственную практику. Это позволяет экономикам этих государств оставаться конкурентоспособными. За счёт повышения производительности труда удаётся нивелировать недостатки, такие как отсутствие собственных природных ресурсов, небольшие территориальные размеры и рост числа стареющего населения (рис. 2). В целом это позволяет улучшать уровень жизни своих граждан за счёт улучшения условий труда, возможности получения высокотехнологичной медицинской помощи, современного передового образования. Под влиянием новых знаний и технологий постоянно происходит трансформация экономической деятельности.

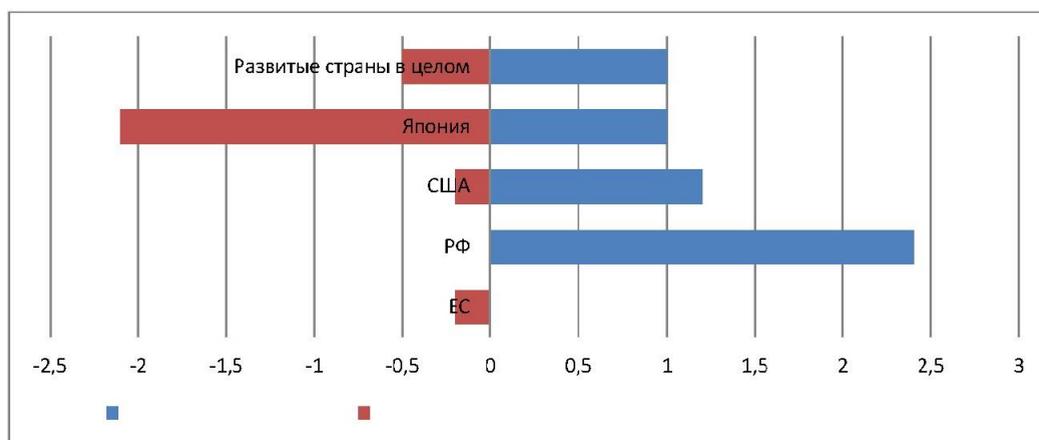

Рис. 2. Зависимость прироста ВВП на душу населения от изменения производительности и продолжительности труда по странам в 2019 г. [3; 4; 5]

Каждая страна отличается численностью населения, поэтому необходимо рассмотреть и такой показатель, как валовые внутренние расходы на НИОКР (ВРНИОКР) на душу населения в текущих ценах и ППС (рис. 3).

Динамика валовых внутренних расходов на НИОКР на душу населения в текущих ценах и ППС по странам за 2005–2018 г. подтверждает, что США являются мировым лидером в области прорывных технологий и эффективных инноваций. Данный показатель на протяжении анализируемого периода рос и в 2018 г. составил 1 776 долл. на душу населения. Далее следует Япония – 1 354 долл. на душу населения, Европейский Союз – 905 долл. на душу населения, Китай – 335 долл. на душу населения, РФ – 282 долл. на душу населения.

Развитые страны уделяют большое внимание инновационным технологиям, что подтверждается данными статистики. На протяжении 13 лет они лишь увеличи-

чивали расходы на НИОКР как в абсолютном отношении, так и наращивали долю расходов от ВВП, валовые внутренние расходы на НИОКР на душу населения также росли. Однако РФ уступает значительно по данным показателям. Доля расходов от ВВП за анализируемый период всегда примерно в рамках 1%, а в 2018 г. снизилась до минимума и составила 0,98%. Несмотря на то, что численность населения РФ уменьшалась до 2012 г., а с 2012 г. до 2018 г. незначительно увеличилась, валовые внутренние расходы на НИОКР на душу населения составляли 260–280 долл. за 2005–2018 гг., что говорит о стагнации инновационной деятельности и ухудшении финансовой стабильности, в частности из-за санкционной агрессивной политики других стран по отношению к РФ.

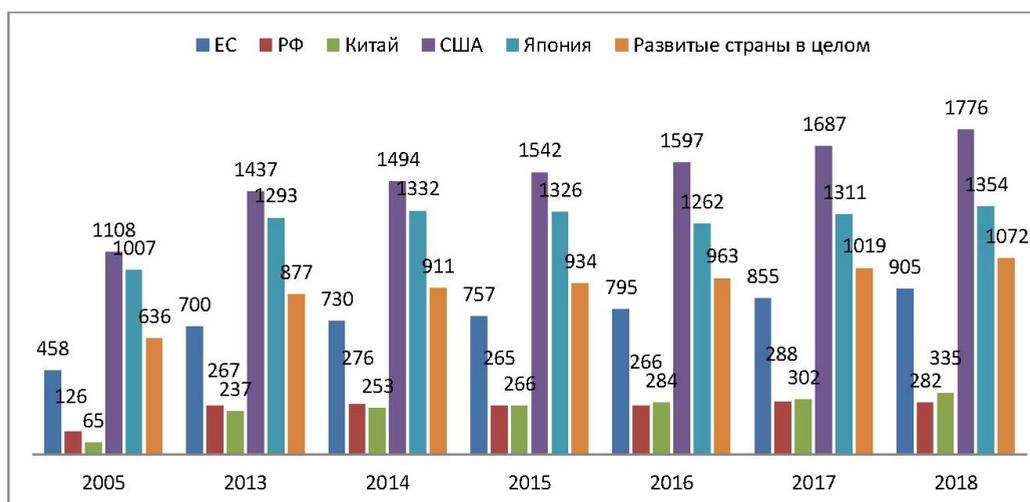

Рис. 3. Изменение валовых внутренних расходов на НИОКР на душу населения в текущих ценах и ППС по странам за 2005–2018 гг., долл. [3; 4; 5]

Постоянный рост инвестиций в НИОКР развитыми странами позволяют им оставаться мировыми лидерами наукоёмкой продукции и знаниеёмкого производства (рис. 4).

Как видим, Российская Федерация, обладающая значительными территориальными, природными и человеческими ресурсами, занимает минимальную долю в экспорте наукоёмкой продукции. Также для мирового сообщества характерна специализация, как правило, только на одной какой-либо сфере. Лидеры мирового рынка экспортируют не только готовые изделия, но и сами технологии. Для РФ характерно обратное, экспорт природных ресурсов занимает весомую долю ВВП.

В Европейском Союзе половина предприятий (50,3%), на которых работает не менее 10 человек, сообщили об инновационной активности за трехлетний период, 2016–2018 гг., что немного больше, чем в период 2014–2016 гг. (49,5%). В Эстонии (73,1%), Кипре (68,2%), Бельгии и Германии (по 67,8%), Италии (63,2%), Швеции

(63,1%), Австрии (62,6%), Финляндии (61,9%) и Греции (60,3%) всего было более 60% инновационных предприятий. Напротив, эта доля составляла около 30% или меньше в Румынии (14,6%), Польше (23,7%), Венгрии (28,7%) и Болгарии (30,1%) [5].

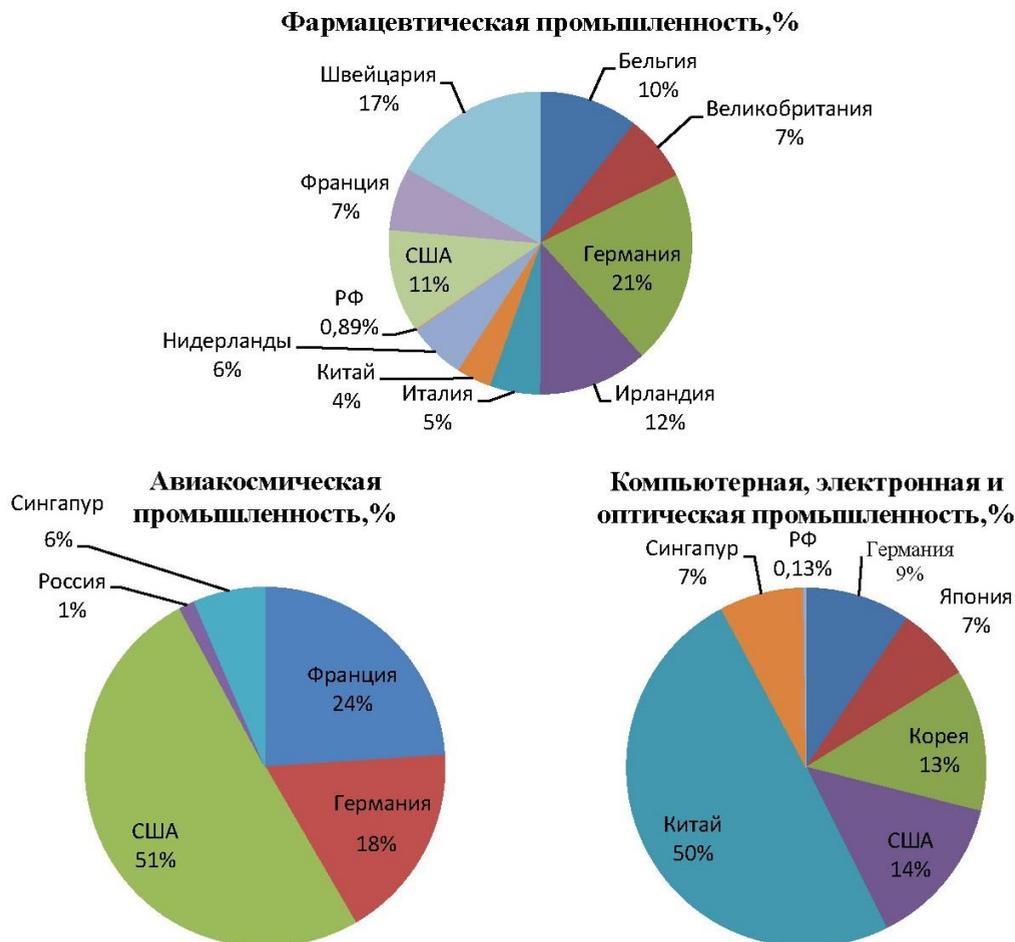

Рис. 4. Доля экспортного рынка наукоёмкой продукции в 2018 г. [3; 4; 5]

Основой развития прогрессивных технологий, продукции и услуг в развитых странах является заинтересованность не только государства, но и частных компаний [1]. Причём с каждым годом объём финансирования инновационной деятельности частными компаниями только увеличивается (рис. 5).

По рис. 5 можно проследить тенденцию взаимодействия государства и коммерческих предприятий при финансировании НИОКР в соотношении как 1:2 или 1:3 в пользу коммерческих предприятий, при этом даются значительные льготы и преференции коммерческим предприятиям на инновационную деятельность.

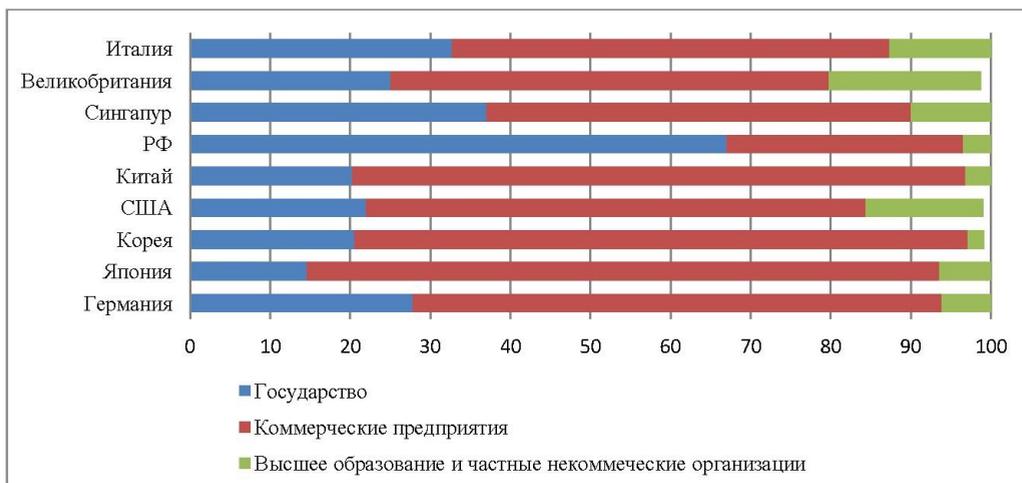

Рис. 5. Структура валовых внутренних расходов на НИОКР по источникам финансирования в 2018 г., % [3; 4; 5]

Однако в Российской Федерации наблюдается отличие по соотношению источников финансирования. Наибольшую долю занимают государственные источники финансирования. По сравнению с наиболее развитыми странами, инновационная деятельность в Российской Федерации носит тенденцию инертности, что подтверждается глобальным инновационным индексом (ГИИ).

Глобальный инновационный индекс сформирован из 80 показателей, объединённых в направления (институты, инфраструктура, результаты креативной деятельности, уровень развития рынка, развитие технологий и экономики знаний, уровень развития бизнеса, человеческий капитал и наука) по 131 стране. По результатам проведенного исследования, в 2020 г. Российская Федерация занимает 47-е место, что ниже на одну позицию по сравнению с предыдущим периодом. Возглавляют данный рейтинг развитые страны, такие как Швейцария, Швеция и США. Динамика позиций РФ в Глобальном инновационном индексе представлена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика позиций РФ в ГИИ в 2015–2020 гг. [6]*

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ГИИ (место РФ в рейтинге)	48	43	45	46	46	47
Ресурсы инноваций	52	44	43	43	41	42
Результаты инноваций	49	47	51	56	59	58

*Количество стран: 2015 г. – 141; 2016 г. – 128; 2017 г. – 127; 2018 г. – 126; 2019 г. – 129; 2020 г. – 131.

Несмотря на то, что в структуре валовых внутренних расходов на НИОКР по источникам финансирования в развитых странах основную часть занимают коммерческие предприятия, роль государства заключается не только в финансировании. На рис. 6 представлено сравнение позиций России по элементам глобального инновационного индекса.

Недостаточная эффективность инноваций определяется слабой развитостью инновационной инфраструктуры, а также институтов, создающих условия для коммерческих предприятий. Развитие Российской Федерации находится на уровне третьего и четвёртого технологического уклада, развитие пятого происходит, в отличие от других развитых стран, медленнее.

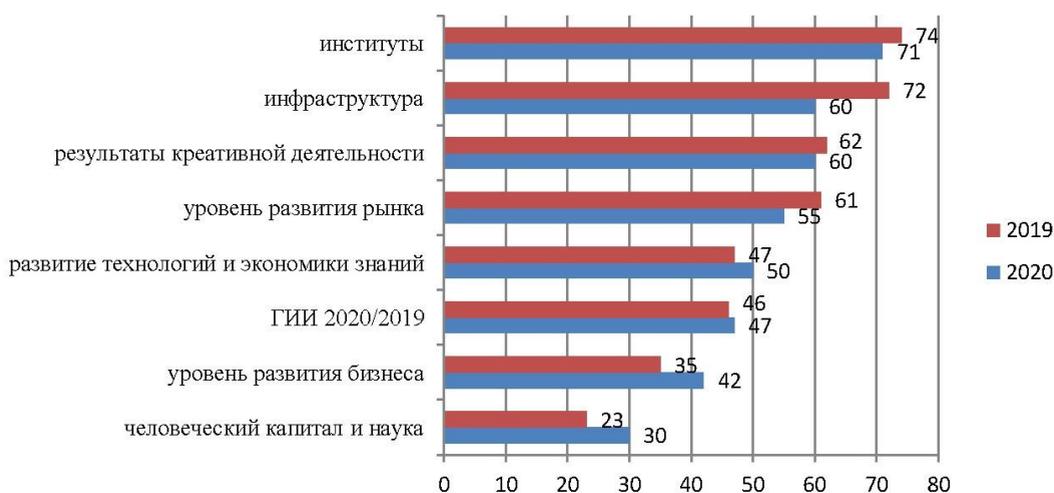

Рис. 6. Позиции России в ГИИ-2019 и ГИИ-2020 по элементам инновационного индекса [6]

Российской Федерации с целью повышения конкурентоспособности в области внедрения передовых технологий и продуктов необходимо:

- привести свои статистические показатели в соответствие с показателями международных организаций;
- эффективнее использовать государственно-частное партнёрство с целью привлечения частного капитала в финансирование инноваций и снижения оттока научных кадров;
- расширять налоговые и кредитные льготы для инновационной деятельности предприятий;
- формировать эффективную инфраструктуру инноваций;
- развивать человеческий капитал посредством культурного просвещения нации.

Реализация мер по эффективному внедрению инноваций должна привести к улучшению инновационного климата для бизнес-структур и повысить конкурентоспособность страны в целом в системе международных отношений.

Список литературы

1. Соловьева, Ю. Н. Структура источников финансирования НИОКР в разных странах / Ю. Н. Соловьева, И. А. Галанина // Научные записки ТОГУ. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 296–301.
2. Сысоева, М. С. Влияние экономического кризиса 1998, 2008 и 2020 годов на бизнес-структуры: сравнительный аспект / М. С. Сысоева, И. Н. Махонина // Проблемы развития народного хозяйства на современном этапе : материалы междунар. науч.-практ. конф., 25 ноября 2020 г. / под ред. А. А. Бурмистрова [и др.] ; Московский гос. ун-т науки и высшего образования Рос. Федерации, ФГБОУ ВО «Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина». – Тамбов : Державинский, 2020. – С. 325–333.
3. Организация экономического сотрудничества и развития : офиц. сайт. – URL: <http://www.oecd.org/> (дата обращения: 15.03.2021).
4. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: www.gks.ru (дата обращения: 15.03.2021).
5. EUROSTAT. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 15.03.2021).
6. Глобальные инновации Index-2020. – URL: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (дата обращения: 15.03.2021).

References

1. Solov'eva Yu. N., Galanina I. A. Struktura istochnikov finansirovaniya NIOKR v raznykh stranakh [Structure of sources of R&D financing in different countries]. *Nauchnye zapiski TOGU*, 2017, vol. 8, no 4, pp. 296–301.
2. Sysoeva M. S., Mahonina I. N. Vliyanie ekonomicheskogo krizisa 1998, 2008 i 2020 godov na biznes-struktury: sravnitel'nyi aspekt [The impact of the economic crisis of 1998, 2008, and 2020 on business structures: a comparative aspect]. In: *Problemy razvitiya narodnogo khozyaistva na sovremennom etape: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 25 noyabrya 2020 g. / pod red. A. A. Burmistrova [i dr.]* [Burmistrov A. A. et al., eds. Problems of the development of the national economy at the present stage: materials of the International Scientific and Practical Conference. November 25, 2020]. Tambov: Publ. House «Derzhavinsky», 2020, pp. 325–333.
3. *Official website Organisation for Economic Cooperation and Development*. Available at: <http://www.oecd.org/> (accessed 15 March 2021).
4. *Official website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation*. Available at: www.gks.ru. (accessed 15 March 2021). (In Russian).
5. *EUROSTAT*. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat>. (accessed 15 March 2021).
6. *Global Innovation Index-2020*. Available at: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (accessed 15 March 2021). (in Russian)

УДК 656.1.025.2(1-21):004

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/38-52>

Е. М. Волкова¹, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: moonlight34@ya.ru

В. М. Колесова², Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: vkolesova08@rambler.ru

ПОСТРОЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ НА БАЗЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. На сегодняшний день актуальны проблемы взаимодействия видов пассажирского транспорта в крупных городах. Концентрация населения в мегаполисах и высокие темпы автомобилизации приводят к нерациональному распределению пассажиропотоков по видам транспорта, неэффективному использованию ресурсов транспортного комплекса, значительным потерям времени в пути. Решение перечисленных проблем должно быть комплексным. В первую очередь оно предполагает кооперацию субъектов рынка транспортных услуг по собственной инициативе, то есть формирование «бесшовной» городской транспортной системы. С другой стороны, резервы повышения эффективности использования ограниченных ресурсов кроются в применении цифровых технологий. В статье показаны результаты применения алгоритма «умного» дорожного регулирования на выбранном объекте транспортной инфраструктуры. Данные результаты получены в ходе эксперимента в среде имитационного моделирования Anylogic. По итогам исследования обозначены перспективы применения цифровых технологий в городских транспортных системах и поставлен вопрос о сложности экономической оценки эффектов, генерируемых подобными проектами.

---

¹ Елена Михайловна Волкова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика транспорта» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия.

² Валентина Михайловна Колесова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия.

Для цитирования: Волкова Е. М., Колесова В. М. Построение городской транспортной системы на базе интеллектуальных технологий // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2021. № 1. С. 38–52. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/38-52>.

Ключевые слова: городская транспортная система, агломерация, мегаполис, цифровизация, «бесшовная» транспортная система, дорожное регулирование, имитационное моделирование, перекрёсток, транспортная инфраструктура.

Elena M. Volkova¹, Emperor Alexander I Petersburg State Transport University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: moonlight34@ya.ru

Valentina M. Kolesova², Emperor Alexander I Petersburg State Transport
University, St. Petersburg, Russia
E-mail: vkolesova08@rambler.ru

DEVELOPMENT OF URBAN TRANSPORT SYSTEM BASED ON DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. Nowadays, problems of interaction between passenger transport modes in large cities are relevant. Concentration of population in megacities and the high level of motorization lead to ineffective distribution of passenger flows between different modes of public and private transport, decreasing of the economic efficiency of urban transport systems, wasting time by passengers and drivers. Solution of these problems should be comprehensive. At first, it should be based on the cooperation of transport companies in a seamless transport system. On the other hand, possibilities of increasing the effectiveness of urban passenger transport lie in digital technologies implementation. In this research, one direction of digitalization of urban transport system is highlighted: implementation of smart technologies for road traffic management. These results are based on the experiment in AnyLogic software. Perspective ways of digital technologies implementation in urban transport systems are highlighted.

Keywords: urban transport system, agglomeration, megacity, digitalization, seamless transport system, road traffic regulation, simulation modeling, crossroad, transport infrastructure.

---

¹ Elena Mikhailovna Volkova, Associate Professor of Department of Economics of Transport, Emperor Alexander I Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russia.

² Valentina Mikhailovna Kolesova, Associate Professor of Department of Management and Marketing, Emperor Alexander I Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russia.

For citing: Volkova E. M., Kolesova V. M. Development of urban transport system based on digital technologies // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No 1. P. 38–52. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/38-52>.

1. Эволюция подходов к управлению городскими транспортными системами

Подходы к развитию городских транспортных систем в последние полвека менялись в соответствии с одним из философских законов диалектики – законом отрицания отрицания, сформулированным Г. Гегелем. Сущность данного закона в упрощенном виде можно описать как закономерность циклического развития явления или процесса в три условных этапа, характеризующихся определённой степенью преемственности: от исходного состояния к противоположному, а затем к очередному состоянию, в котором можно обнаружить ряд сходств с исходным. Образно это можно представить как развитие «по спирали», где каждый новый виток сохраняет некоторые черты прежнего. Попытаемся проиллюстрировать действие данного закона на примере эволюции подходов к управлению отечественными транспортными системами.

В период директивного планирования экономики (XX век) управление развитием транспортных систем на всех уровнях (национальном, региональном, местном) осуществлялось централизованно, исходя из поставленных целей, уровня развития транспортной инфраструктуры, объективных характеристик видов общественного пассажирского транспорта. Целью управления была минимизация общественно необходимых затрат на перевозки при выполнении запланированных значений объёмных и качественных показателей. Транспортные системы в тот период отличались высоким уровнем согласованности всех видов общественного пассажирского транспорта. Так, в 1967 г. в постановлении Совета Министров СССР была закреплена обязанность горисполкомов крупных городов (более 250 тыс. чел.) разрабатывать комплексные транспортные схемы развития всех видов пассажирского транспорта. Учёные и специалисты в области транспорта занимались методологией построения единых транспортных систем разного уровня. Например, в работе Э. В. Шабаровой [9] отмечается отсутствие единой методики разработки комплексной транспортной схемы для городских агломераций и предложен подход к их построению.

Переход к системе рыночных отношений (рубеж XX–XXI вв.) сопровождался децентрализацией управления транспортными системами при сохранении необходимых функций государственного регулирования. Сформировались многочисленные рынки транспортных услуг, которые в зависимости от локализации и иных многочисленных факторов приобрели характерные черты монополии, олигополии или работающей конкуренции. Обострение межвидовой конкуренции в последнее десятилетие было обусловлено сокращением ёмкости рынка пассажирских перевозок, вызванным прежде всего ускоренной автомобилизацией. Очевидно, что конкурентные преимущества транспортной организации по-прежнему определяются особенностями технологии перевозки, характерной для того или иного вида транспорта, и уровнем развития транспортной инфраструктуры.

С переходом к рыночным отношениям связи между транспортными организациями в городском и пригородном сообщении во многом потерялись. Планирование размеров движения городского пассажирского транспорта осуществляется на основе имеющейся сети маршрутов, а развитие конкуренции «за маршрут» предполагает процедуру выбора перевозчика путём проведения конкурсных процедур региональными органами исполнительной власти.

Однако в ряде случаев интенсивное развитие межвидовой конкуренции на рынках пассажирских перевозок не способствовало росту эффективности функционирования транспортных систем. Например, в мегаполисах появились многочисленные дублирующие маршруты разных видов общественного транспорта, произошёл массовый отток пассажиров на личный автотранспорт, что стало причиной потерь времени в заторах на автодорогах и ухудшения экологической ситуации, привело к ряду иных транспортных проблем. Сложившуюся ситуацию можно проиллюстрировать парадоксом Доунса-Томсона, который был выявлен ещё в середине прошлого века в ходе математического моделирования транспортных потоков, а также парадоксом Браеса. Суть первого парадокса состоит в следующем: существует прямая зависимость скорости движения частных транспортных средств (автомобилей) от средней скорости движения городского общественного транспорта. Объясняется это переходом пассажиров с общественного транспорта на личный из-за того, что изначальное уменьшение спроса вынуждает транспортные организации увеличивать интервалы движения транспортных средств, тем самым порождая дополнительный отток. Парадокс Браеса по смыслу схож с одним из следствий парадокса Доунса-Томсона и гласит о том, что расширение городской транспортной сети при независимом поведении её элементов (например, как в мультимодальной транспортной системе) может привести к снижению эффективности её функционирования. Объясняется данный факт тем, что при появлении дополнительной полосы движения водители личного автотранспорта, ранее стремившиеся совершить поездку во внепиковые часы (например, ранним утром), начинают выезжать на дорогу в часы «пик». Это, в свою очередь, приводит к резкому росту транспортных потоков и возникновению ещё больших заторов на расширенной автодороге. Перечисленные парадоксы ещё в 1960-х гг. стимулировали разработку новых подходов к управлению развитием городских транспортных систем в рыночной экономике.

Участники рынка транспортных услуг, а также регулирующие государственные органы в настоящий период осознают необходимость частичного отказа от конкурентной борьбы и возвращения к кооперации видов транспорта (в этом и проявляется, на наш взгляд, действие философского закона отрицания отрицания). Однако в рыночных условиях основой кооперации не сможет стать централизованное управление, как это было в плановой экономике. Она должна развиваться на основе взаимовыгодного сотрудничества субъектов рынка пассажирских перевозок при

поддержке регулирующих органов. Необходимым условием кооперации становится и ощутимая выгода для пользователей транспортных услуг – пассажиров, которая выражается прежде всего в сокращении времени поездок.

Факторы, обеспечивающие сокращение общего времени мультимодальных поездок, представлены на рис. 1.

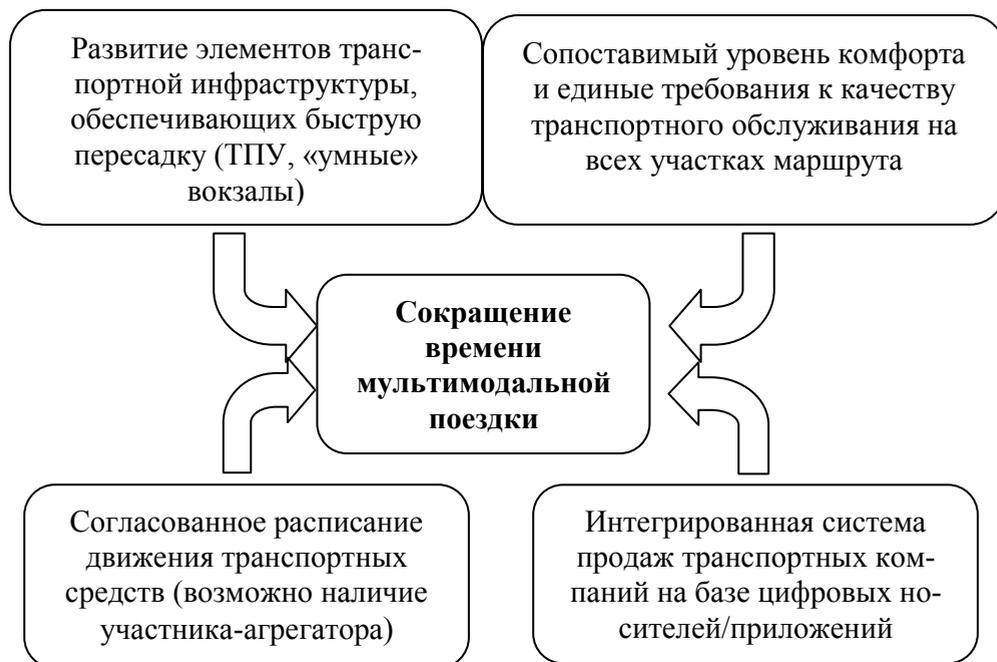

Рис. 1. Факторы, обеспечивающие сокращение общего времени мультимодальной пассажирской перевозки

Транспортные системы нового типа, основанные на интеграции видов транспорта в рыночных условиях, обозначаются в литературе терминами «интермодальные», «мультимодальные», «смешанные» или «бесшовные» (от англ. seamless). Если речь идёт о грузовых перевозках, терминология в этой области гораздо более обширна: так, известны многочисленные трактовки терминов «мультимодальная перевозка», «интермодальная перевозка», «комбинированная перевозка». Всё чаще говорят о концепции синхромодализма, под которым понимается возможность оперативной смены вида транспорта и пересмотра логистической схемы в процессе перевозки с целью максимизации её эффективности. Автор не ставит целью уточнение терминологии в данной области, однако обращает внимание на её разнообразие. В пассажирских перевозках всё чаще и исследователи, и корпоративный менеджмент используют понятие «бесшовная транспортная система», поэтому далее будет использоваться именно оно.

Понятие бесшовной транспортной системы и её детерминанты в отечественной научной литературе впервые упоминаются в работе Б. М. Лapidуса и Л. В. Лapidус [5]. Авторы подчёркивают, что основой бесшовных транспортных систем для обслуживания устойчивых интенсивных пассажиропотоков может стать только высокопроизводительный транспорт: традиционный железнодорожный, высокоскоростной, в том числе на основе технологии магнитной левитации.

Л. П. Левицкая [7] даёт классификацию городских транспортных систем по критерию согласованности функционирования видов пассажирского транспорта и описывает основные преимущества развития бесшовных транспортных систем в мегаполисах.

В работе С. П. Вакуленко [1] описаны характеристики бесшовных транспортных систем (автор использует термин «интермодальные перевозки») и принципы комбинирования видов общественного пассажирского транспорта.

Н. А. Журавлева и И. Л. Сакович [3] приводят экономическое описание эффектов, возникающих в результате интеграции железнодорожных пригородных перевозок в городские транспортные системы и их взаимодействия с другими видами пассажирского транспорта.

Также развиваются проекты мультимодальных перевозок в городском и пригородном сообщении. Здесь можно привести в пример не только проект Московского центрального кольца, но и пригородных пассажирских компаний, обслуживающих другие мегаполисы. Например, АО «Краспригород» и ряд других ППК реализуют на своих полигонах обслуживания проект «Городская электричка», который способствует росту доходов и интенсивности использования ресурсов пригородного комплекса.

Хотя приведённые примеры связаны с мультимодальными перевозками, их нельзя отождествлять с формированием бесшовных транспортных систем в полном смысле этого слова. Во-первых, потому, что на сегодняшний день существуют в основном локальные проекты, реализуемые на отдельных маршрутах или вблизи мегаполисов. Во-вторых, потому, что бесшовная транспортная система должна иметь все необходимые элементы транспортной инфраструктуры, обеспечивающие возможность интеграции её участников и синхронизации движения транспорта. Кроме того, требуется постоянная координация действий её участников, в том числе в оперативном режиме (в рамках координационных центров, совместных проектов в специальных командах, выделенных структурных подразделений или бизнес-единиц). Соответственно, её формирование и развитие требует определённых инвестиций. Однако не все участники рынка транспортных услуг осознают выгоды согласованного взаимодействия и проявляют интерес к инвестированию в подобные проекты. В связи с этим приобретает актуальность разработка адекватных методов экономической оценки развития мультимодальных перевозок, позволяющих оценить их результаты и затраты для каждого стейкхолдера.

Из обзора эволюции подходов к управлению транспортными системами можно сделать очевидный вывод о том, что интермодальная (бесшовная) транспортная система должна целенаправленно формироваться в крупных городах и мегаполисах. Сочетая преимущества различных видов городского транспорта, она способна сократить общественные издержки и удовлетворить растущий спрос на перевозки. Основой бесшовной транспортной системы мегаполиса может стать рельсовый транспорт, поскольку именно он обеспечивает удовлетворение массового спроса на перевозки в пиковые часы. Приоритизация рельсового транспорта достигается путём увеличения размеров движения, регулирования транспортных тарифов и ограничительных мер в отношении других видов транспорта, прежде всего личного.

Использование иных видов городского общественного транспорта также целесообразно для решения определённых задач. Во-первых, они могут использоваться с целью подвоза пассажиров к станциям рельсового транспорта. Во-вторых, применение иных видов транспорта может осуществляться с целью развития конкуренции на дублирующих маршрутах и для перевозок пассажиров между специализированными зонами конурбаций во внепиковые часы.

Что касается личного автотранспорта, в бесшовных транспортных системах мегаполисов необходим контроль его использования, в том числе в форме взимания определённой платы за въезд на территорию города, в определённые районы или в исторический центр. Кроме того, ограничение использования личного автотранспорта в мегаполисах может осуществляться за счёт организации платных парковок. Ограничительные меры объясняются нерациональностью использования дефицитного городского пространства одним автомобилем, который обладает минимальной производительностью. Кроме того, принимается во внимание экологическая нагрузка: в пересчёте на одного пассажира выбросы вредных веществ личным автотранспортом гораздо больше по сравнению с выбросами общественного транспорта.

2. Влияние цифровизации на городские транспортные системы

Начиная с 1990-х годов стремительными темпами развиваются информационные технологии. Их интенсивное использование в различных отраслях промышленности и сфере услуг называется цифровизацией. Это процесс, приводящий к кардинальному изменению технологий производства продукции и оказания услуг и переходу к четвёртому технологическому укладу. К примерам, иллюстрирующим результаты цифровизации, можно отнести предоставление услуг 3D-печати, использование блокчейн-технологий в контрактной работе, онлайн-торговлю, онлайн-банкинг и др. Особую значимость приобретает ускоренное внедрение цифровых технологий в транспортную отрасль, что подчёркивается в работах Б. М. Лапидуса [6], Е. Н. Розенберга и В. В. Батраева [8], А. Кирилловой [4]. Цифровые технологии применяются в том числе в планировании и организации пассажирских пере-

возок в мегаполисах. Эксперты оценивают эффекты от их использования как весьма значительные.

На рис. 2 приведены ключевые цифровые технологии, которые находят применение в городских транспортных системах.

Рис. 2. Использование цифровых технологий в городских транспортных системах

Уровень развития современных информационных технологий (появление Internet of things и Big Data) создаёт условия для появления интеллектуальных транспортных систем, позволяющих управлять транспортом в режиме реального времени. Как было уже показано выше, важной задачей сити-логистики является развитие согласованного взаимодействия видов транспорта и формирования бесшовных транспортных систем. Одна из прикладных задач формирования бесшовной транспортной системы – организация оказания комплексных транспортных услуг в форме смешанных перевозок. Термин «смешанная перевозка» определяется в проекте Федерального закона «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках» как

перевозка грузов, пассажиров, багажа различными видами транспорта по единому транспортному документу, оформленному на весь путь следования.

С. П. Вакуленко определяет интермодальные пассажирские перевозки как перевозки, которые осуществляются операторами двух и более видов транспорта с применением единых перевозочных документов (билета и квитанции сверхнормативного багажа) на весь маршрут перевозки. В случае, если смешанная перевозка осуществляется операторами трёх и более видов транспорта, допускается использование термина мультимодальная перевозка [1].

Таким образом, неотъемлемым признаком комплексной транспортной услуги для пассажиров является наличие единого проездного документа на весь путь следования.

Комплексные транспортные услуги возможно развивать только по инициативе самих участников рынка – транспортных организаций, осуществляющих городские и пригородные пассажирские перевозки. Важным резервом сокращения времени на обслуживание пассажиров является развитие приложений для мобильных устройств, позволяющих планировать поездку, а также применение единых билетов на несколько видов транспорта.

Как видно из рис. 2, спектр применения цифровых технологий довольно широк, однако в рамках одного исследования рассмотреть все перечисленные возможности невозможно. Поэтому далее будет более подробно рассмотрено применение технологий имитационного моделирования для оценки эффектов внедрения алгоритма «умного» дорожного регулирования.

3. Использование «умных» технологий дорожного регулирования в мегаполисах

Одно из перспективных направлений цифровизации городских транспортных систем – внедрение алгоритмов дорожного регулирования, основанных на принципах нечёткой логики, теории очередей или на базе генетического алгоритма. Работу подобных алгоритмов представляется целесообразным предварительно оценивать, используя имитационное моделирование. Из-за возрастающей производительности вычислительных машин возможность моделирования и применения виртуальной реальности в процессе городского планирования становится более практичной и осуществимой.

Анализ публикаций показал, что в настоящий период за рубежом проводится больше прикладных исследований, связанных с моделированием работы объектов транспортной инфраструктуры, чем в России.

В зарубежных публикациях по теме преобладают результаты исследований, нацеленных на выявление существенных факторов, влияющих на параметры работы моделируемых объектов (светофоров), и последующую оптимизацию режима их

работы. В работе Mădălin-Dorin Pop [10] обоснованы перспективы использования технологии агентного моделирования в программной среде AnyLogic для решения подобных задач. Автор подчёркивает необходимость учёта пассажирских потоков при управлении дорожным движением, а также важность калибровки имитационных моделей для отражения реальной ситуации на улично-дорожной сети.

Большинство имеющихся исследований, посвященных моделированию работы объектов транспортной инфраструктуры, нацелены на анализ построенной имитационной модели и оптимизацию параметров её работы.

Совместно с магистрантом НИУ «Высшая школа экономики» Д. М. Соловьёвым мы разработали имитационную модель, иллюстрирующую работу одного из перекрёстков в Санкт-Петербурге. Результаты нашего совместного исследования опубликованы в научном журнале «Логистика и управление цепями поставок», № 4 (2020 г.) [2].

В качестве объекта моделирования был выбран перекрёсток в Центральном районе города – пересечение Свечного пер. и ул. Марата. Выбранный объект отличается дефицитом пропускной способности во время часов пиковой нагрузки. Предлагается оборудовать данный объект светофорами и сенсорами учёта машин, оснащёнными «умной» системой дорожного регулирования. Предполагаемая конфигурация объекта приведена на рис. 3.

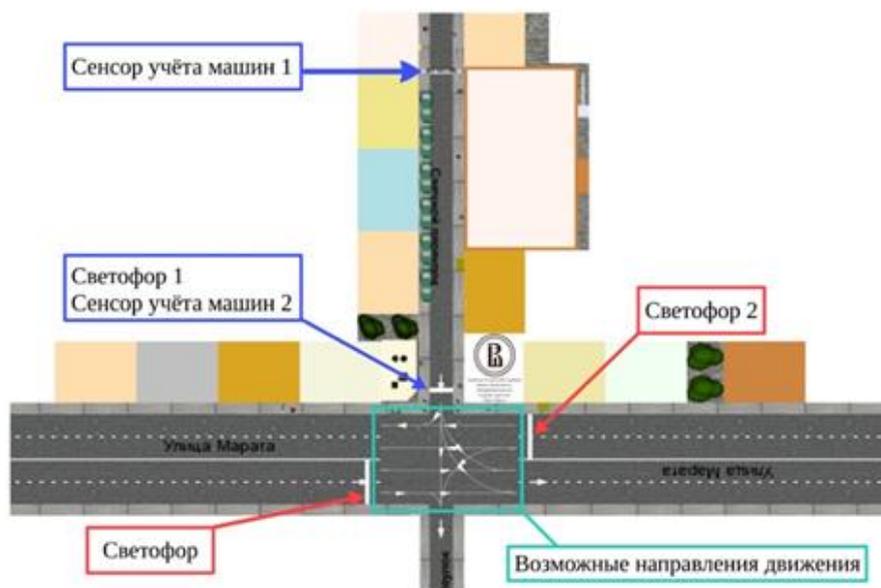

Рис. 3. Предполагаемая конфигурация объекта дорожной инфраструктуры

Как видно из рис. 3, на перекрёстке предлагается установить три светофора, регулирующих автомобильное движение. Светофор 1, расположенный на Свечном

переулке, контролируется алгоритмом, который опирается на показания сенсора учёта машин. Последний находится выше по направлению переулка. Для оптимизации процесса регулирования и решения проблемы транспортных заторов на Свечном переулке Д. М. Соловьёвым был разработан алгоритм, опирающийся на теорию очередей [2]. Эксперимент, иллюстрирующий работу выбранного объекта при описанных выше условиях, проводился в программной среде AnyLogic с использованием технологии агентного моделирования.

Алгоритм работы модели схематично изображён на рис. 4. Поясним значение элементов, изображенных на рис. 4. “SideStreetCheck” является циклом, обновляющим данные сенсора каждые 100 миллисекунд. Пока сенсор учёта машин 1 не обнаружит машину, цикл будет сохранять следующую конфигурацию светофоров (рис. 3): Светофор – зелёный, Светофор 1 – красный, Светофор 2 – красный. При обнаружении сенсором учёта машин 1 автомобиля следует блок “allYellow”, задающий всем светофорам системы жёлтый сигнал продолжительностью 3 секунды.

Спустя 3 секунды жёлтого сигнала система переводит светофоры улицы Марата на запрещающий движение сигнал, при этом открывая движение со стороны Свечного переулка на 15 секунд (Светофор 1 на рис. 3).

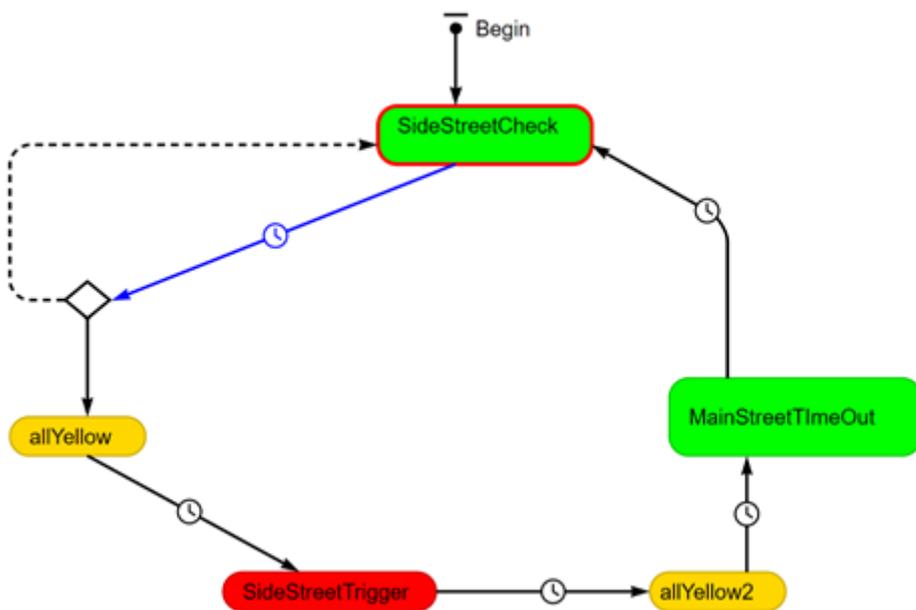

Рис. 4. Схематичное изображение алгоритма дорожного регулирования

Затем снова следует 3-секундный жёлтый сигнал светофора, задаваемый блоком “allYellow2”. Во избежание злоупотребления разработанным алгоритмом в

случаях, когда поток машин со стороны Свечного переулка равномерен, был добавлен блокирующий элемент “MainStreetTimeOut”. Он призван ограничить количество блокировок улицы Марата, снижая транспортную напряжённость на дороге.

Таким образом, количество срабатываний цикла по Свечному переулку не может превышать одного раза в 60 секунд. Минимальная продолжительность зелёного сигнала светофора для улицы Марата будет равна 60 секундам соответственно.

Анализ результатов имитационного моделирования позволил сделать вывод о том, что предложенный алгоритм эффективно справляется с задачей дорожного регулирования на выбранном перекрёстке (рис. 5). Количество автомобилей в очереди перед светофором за время эксперимента в среднем составляло 2 ед.

Рис. 5. Динамика числа автомобилей в очереди перед светофором, ед.

Как видно из рис. 5, максимальное число автомобилей в очереди перед светофором в ходе эксперимента составляло 4 ед., что свидетельствует о результативности использования предложенного алгоритма.

Нами также было проанализировано среднее время в пути, которое тратят автомобили, осуществляющие дорожные манёвры со Свечного переулка. Для демонстрации результатов эксперимента проведён сравнительный анализ затраченного времени в ситуации «с алгоритмом» и «без алгоритма» по направлениям движения, результаты которого представлены на рис. 6.

Из рис. 6 видно, что применение предложенного алгоритма дорожного регулирования обеспечивает значительное сокращение затрат времени ожидания автомобилей и их общего времени в пути на выбранном участке. Таким образом, предложенный алгоритм результативен, поскольку обеспечивает рост пропускной способности объекта транспортной инфраструктуры и экономию времени за счёт сокращения ожидания разрешающего сигнала светофора.

Рис. 6. Результаты сравнения показателей затраченного времени до и после применения предложенного алгоритма

Экономическая оценка эффектов цифровизации и формирования бесшовных городских транспортных систем – достаточно сложная задача, требующая комплексного подхода к решению, в процессе которого возникает ряд трудностей. Однако очевидно, что проекты цифровизации на транспорте генерируют значительные эффекты для всех групп стейкхолдеров и способствуют лучшей координации всех видов транспорта. Поэтому можно заключить, что подобные проекты требуют как можно более полной идентификации положительных эффектов и их оценки для определения рациональной структуры источников финансирования и обоснования степени участия в них представителей бизнес-сообщества, общественных организаций и государственных структур.

Список литературы

1. Вакуленко, С. П. Интермодальные перевозки в пассажирском сообщении с участием железнодорожного транспорта / С. П. Вакуленко. – Москва : Учеб.-метод. центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2013. – 263 с.
2. Волкова, Е. М. Применение инструментов имитационного моделирования в сити-логистике и экономическая оценка полученных результатов / Е. М. Волкова, Д. М. Соловьев // Логистика и управление цепями поставок. – 2020. – № 4 (99). – С. 50–56.
3. Журавлева, Н. А. Интеграция железнодорожных перевозок в транспортные системы городских агломераций / Н. А. Журавлева, И. Л. Сакович // Транспорт Российской Федерации. – 2018. – № 6 (79). – С. 26–29.

4. Кириллова, А. Цифровые транспортные системы – близкая реальность // Интеллектуальные транспортные системы России. – 2018. – № 6. – С. 50–57. – URL: http://itsrussiaforum.ru/magazine/magazine_6.pdf (дата обращения: 15.03.2021).
5. Лapidус, Б. М. Гладкая бесшовная транспортная система – инновационная модель будущего: природа, сущность, детерминанты качества / Б. М. Лapidус, Л. В. Лapidус // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. – 2017. – № 2. – С. 45–64.
6. Лapidус, Б. М. О влиянии цифровизации и Индустрии 4.0 на перспективы развития железнодорожного транспорта // Бюллетень Объединенного Ученого совета ОАО «РЖД». – 2018. – № 1. – С. 1–8.
7. Левицкая, Л. П. Стратегия развития городской транспортной системы / Л. П. Левицкая, М. А. Кретов // Экономика железных дорог. – 2016. – № 9. – С. 68–74.
8. Розенберг, Е. Н. О стратегии развития Цифровой железной дороги / Е. Н. Розенберг, В. В. Батраев // Бюллетень Объединенного Ученого совета ОАО «РЖД». – 2018. – № 1. – С. 9–27.
9. Шабарова, Э. В. Система пассажирского транспорта города и агломерации: системный анализ и проектирование / Э. В. Шабарова. – Рига : Знание, 1981. – 280 с.
10. Pop, Mădălin-Dorin. Traffic lights management using optimization tool // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2018. – No. 238. – P. 323–330.

References

1. Vakulenko S. P. *Intermodal'nye perevozki v passazhirskom soobshchenii s uchastiem zheleznodorozhnogo transporta* [Intermodal transport in passenger traffic involving rail transport]. Moscow: Uchebno-metodicheskij centr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte, 2013. 263 p.
2. Volkova E., Solovev D. *Primenenie instrumentov imitatsionnogo modelirovaniya v siti-logistike i ekonomicheskaya otsenka poluchennykh rezul'tatov* [Implementation of simulation modeling in city logistics and economic evaluation of the results]. *Logistika i upravlenie tsepyami postavok*, 2020, vol. 99, no. 4, pp. 50–56.
3. Zhuravleva N. A., Sakovich I. L. *Integratsiya zheleznodorozhnykh perevozok v transportnye sistemy gorodskikh aglomeratsii* [Integration of railways in urban transport systems]. *Transport Rossiiskoi Federatsii*, 2018, vol. 79, no. 6, pp. 26–29.
4. Kirillova A. *Tsifrovye transportnye sistemy – blizkaya real'nost'* [Digital transport systems – close reality]. *Intellektual'nye transportnye sistemy Rossii*, 2018, no. 6, pp. 50–57. Available at: http://itsrussiaforum.ru/magazine/magazine_6.pdf (accessed 09 February 2021).
5. Lapidus B. M., Lapidus L. V. *Gladkaya besshovnaya transportnaya sistema – innovatsionnaya model' budushchego: priroda, sushchnost', determinanty kachestva* [Seamless transport system – innovative model of future: essence, nature, quality determinants]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6, Ekonomika*, 2017, no. 2, pp. 45–64.

6. Lapidus B. M. O vliyaniі tsifrovizatsii i Industrii 4.0 na perspektivy razvitiya zheleznodorozhnogo transporta [On the impact of digitalization and Industry 4.0 on the prospects for the development of railway transport]. *Byulleten' Ob"edinennogo Uchenogo soveta OAO «RZhD»*, 2018, no. 1, pp. 1–8.
7. Levickaya L. P., Kretov M. A. Strategiya razvitiya gorodskoi transportnoi sistemy [Strategy for the development of the urban transport system]. *Ekonomika zheleznykh dorog*, 2016, no. 9, pp. 68–74.
8. Rozenberg E. N., Batraev V. V. O strategii razvitiya Tsifrovoi zheleznoi dorogi [About the Digital Railway Development Strategy]. *Byulleten' Ob"edinennogo Uchenogo soveta OAO «RZhD»*, 2018, no. 1, pp. 9–27.
9. Shabarova E. V. *Sistema passazhirskogo transporta goroda i aglomeratsii: sistemnyi analiz i proektirovanie* [City and agglomeration Passenger Transport System: System analysis and design], Riga: Znanie, 1981. 280 p.
10. Pop Mădălin-Dorin. Traffic lights management using optimization tool. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2018, no. 238, pp. 323–330.

УДК 327

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/53-69>

С. К. Песцов,¹ Центр глобальных и региональных исследований
ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, Россия
E-mail: skpfox@yandex.ru

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

Аннотация. Современные дебаты о глобальном управлении и международном порядке отражают растущую обеспокоенность переменами, которые переживает современный мир. Данная работа, основываясь на предшествующих обсуждениях, предлагает модифицированный подход к содержательной дифференциации концептов «глобальный порядок» и «глобальное управление». Он исходит из очевидного отличия этих концептов по нескольким ключевым параметрам, включая (а) потребности и стимулы, лежащие в основе появления глобального порядка и вызывающих необходимость глобального управления; (б) характер действий, связанных с конструированием порядка и организацией управления; (в) результат этих действий; (г) состав акторов и их ролевые функции. Более чёткое смысловое разграничение концептов глобального порядка и глобального управления расширяет пространство обоснованных суждений относительно проблем, с которыми сталкивается мировое сообщество в ходе своего эволюционного развития. Благодаря этому появляется возможность более чёткого понимания того, свидетельствуют ли кризисные ситуации о непреодолимых дефектах сложившегося международного порядка в целом или же в большей степени отражают неспособность найти адекватные механизмы преодоления частичных возмущающих воздействий и появляющихся новых вызовов.

---

¹ Сергей Константинович Песцов, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской Академии наук, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Песцов С. К. Глобальный порядок и глобальное управление: практические вызовы и теоретические дебаты // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2021. № 1. С. 53–69. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/53-69>.

Ключевые слова: международное общество, международная система, международный порядок, власть, геополитика, глобальное управление, международные институты, глобализация, взаимозависимость, региональная интеграция, государство, международные акторы, растущие державы, неправительственные организации.

Sergey K. Pestsov¹, Center for Asia-Pacific Studies, IHAЕ FEBAS,
Vladivostok, Russia
E-mail: skpfox@yandex.ru

GLOBAL ORDER AND GLOBAL GOVERNANCE: PRACTICAL CHALLENGES AND THEORETICAL DEBATE

Abstract. The current debate about global governance and international order reflects a growing concern for the changes that the modern world is undergoing. This work is based on previous discussions; it suggests a modified approach to the meaningful differentiation of the concepts of «global order» and «global governance». It proceeds from the obvious difference between these concepts in several key parameters, including (a) the needs and incentives that underlie the emergence of a global order and necessitate global governance; (b) the nature of the actions associated with the construction of order and organization of management; (c) the result of these actions; (d) the composition of the actors and their role functions. A clearer semantic distinction between the concepts of global order and global governance expands the space of informed judgments regarding the problems that the world community faces during its evolutionary development. This makes it possible to better understand whether crisis situations indicate insurmountable defects of the established international order as a whole or to a greater extent reflect the inability to find adequate mechanisms to overcome partial disturbing influences and emerging new challenges.

Keywords: international society, international system, international order, power, geopolitics, global governance, international institutions, globalization, interdependence, regional integration, state, international actors, emerging powers, non-governmental organizations.

---

¹ Sergey Konstantinovich Pestsov, Doctor of Political Science, Chief Researcher at the Center for Global and Regional Studies of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

For citing: Pestsov S. K. Global order and global governance: practical challenges and theoretical debate // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No 1. P. 53–69. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/53-69>.

Активные дискуссии о глобальном управлении и глобальном порядке, в которые включаются всё более широкие круги исследователей международных отношений, отражают растущую обеспокоенность переменами, которые переживает современный мир. Эти перемены, полагают некоторые специалисты, ведут к господству глобального беспорядка, где однополярные, биполярные и многополярные порядки находятся в постоянном движении, создавая так называемый мир «G Zero», лишённый способности выработки глобальной повестки и предоставления глобальных коллективных благ [18]. «То, что мы привыкли называть мировым порядком, – соглашаются представители российского экспертного сообщества, – закончилось, упорядоченной системы норм, правил, форм поведения больше не будет, мир вступает в эпоху, которую можно назвать международной анархией – вольницей, когда каждый действует по своему усмотрению» [10].

При этом сложно не заметить парадокса, который отличает складывающуюся ситуацию. С одной стороны, по общему признанию, мир, полностью лишённый правил, не является ни желательным, ни предпочтительным [26]. Уровень его взаимосвязанности существенным образом увеличивает потребность в эффективном управлении межгосударственными отношениями. Взаимосвязи эти ныне не ограничиваются экономическими делами или вопросами безопасности, но включают также проблемы общественного здоровья, охраны окружающей среды и множество других аспектов совместной жизнедеятельности [30]. Вместе с тем, с другой стороны, существующее положение дел вызывает всё более широкое недовольство. Настойчивая критика сложившегося порядка раздаётся не только со стороны растущих держав, хотя и добившихся успеха в его рамках, тем не менее считающих его несправедливым и устаревшим [32]. Не устраивает оно и признанные мировые державы, которые, как предполагается, являются авторами и основными бенефициарами нынешнего порядка и потому должны быть заинтересованы в его поддержке и защите [7, с. 5–6; 41, р. 195]. Опасения, связанные с возрастанием ощущения своей уязвимости и неустойчивости, всё громче выражают средние региональные державы и малые страны [31]. Наконец, растущее недовольство внутри отдельных стран и на международной арене демонстрируют самые разные – организованные и стихийные – общественные движения и инициативы, указывая на неспособность решения в рамках существующего мирового порядка всё более острых проблем климатических изменений, бедности, миграции и террористических угроз [20].

При этом каждый из этих акторов связывает ухудшение ситуации с поведением и действиями других. В США нынешние проблемы связывают с растущей мощью Китая, поведением России при президенте В. Путине и событиями на Ближнем Востоке [17, р. 16]. В Европе убеждены, что угрозу дезорганизации увеличивают действия Китая, России и США, представляющие собой демонстративный отказ от основ либерального международного порядка [33, р. 1]. Сложные вопросы

для будущего существующего международного порядка, считают в Китае, с одной стороны создают «ударные волны Брексита, Трамп и рост этнонационализма на Западе», а уже потом – подъём остальных (т. е. стран не-Запада) [43, р. 117]. «Три важных события в 2016 году, – полагают специалисты в Индии, – ускорили распад мирового порядка, уже ослабленного сопротивлением Запада реформе институтов, которые не справляются с новыми политическими и экономическими реалиями». Ими стали: отказ Китая от решения международного трибунала по поводу его претензий в Южно-Китайском море, голосование за выход из ЕС в Великобритании и выборы Дональда Трампа в США [22]. «В основе нового мирового беспорядка, – уверены в России, – лежит тройная неудовлетворенность положением дел. Одновременно (хотя и по разным причинам) недовольны: а) элиты ведущих стран Запада, б) общества западных стран и в) крупные державы не-Запада» [7, с. 5–6].

Множество вызовов и проблема теоретического осмысления

Парадокс почти всеобщей неудовлетворенности, на наш взгляд, может быть объяснен двумя основными обстоятельствами. Первое из них, объективное, связано с одновременным вступлением современного мира в три разных по своему содержанию, хотя и взаимосвязанных, перехода (транзита), каждый из которых характеризуется беспрецедентностью масштабов и глубины. Первый из них – «вертикальный» переход – связан с наметившейся сменой соотношения сил, относительным упадком традиционных великих держав и появлением новых растущих государств со своими собственными интересами и целями. Второй – «горизонтальный» переход – отражает диффузию государственной власти и рост числа активных участников международных отношений в лице разного рода негосударственных акторов, включающих, наряду с традиционными международными организациями, «различные формы негосударственной власти, такие как транснациональные корпорации, неправительственные организации, отраслевые ассоциации, международные эксперты и эпистемологические сообщества» [21; 8, с. 334]. Наконец, третий из этих переходов представляет собой окончательное оформление глобального мира, стирающее «некогда столь прочное различие между внутренним и внешним» [25, р. 10]. Следствием этого становится неспособность даже наиболее мощных акторов индивидуально справиться с вызовами, создаваемыми глобализацией, которая из гипотетической превращается в реальную [6].

Второе, субъективное, является отражением характера современных дискуссий, разворачивающихся вокруг темы мирового порядка и управления международными делами. Особенность этих дискуссий заключается в том, что, несмотря на изобилие мнений и комментариев касательно дефектов международного (глобального) управления и существующего мирового порядка, оба эти концепта, став привычными и общераспространёнными, концептуально остаются довольно плохо

определёнными. Порядок, как часто отмечается, представляет собой один из тех терминов, о которых много говорят, но которые никогда не были строго определены, не говоря уже об их измерении [43, р. 118]. Ненамного большая ясность отличает и понятие глобального управления. «Глобальное управление, – как часто признаётся, – очень спорная концепция как с точки зрения его определения, так и с точки зрения желательности его различных форм» [36, р. 2]. «Мы говорим «управление», – заметил в своё время Л. Финкельштейн, – потому что в действительности не знаем, как назвать то, что происходит», и потому «глобальное управление выглядит практически ничем» [24, с. 368]. В результате возникает реальная угроза оказаться вовлечёнными в порочный замкнутый круг, где многомерность происходящих перемен осложняет задачу теоретического осмысления, что, в свою очередь, ведёт к неверным рекомендациям и выбору не вполне корректных политических стратегий, способных ещё больше запутать ситуацию.

Всё это делает весьма актуальной задачу уточнения и конкретизации смысла и содержательного ядра концептов глобального порядка и глобального управления. Потребность в этом, кроме прочего, обуславливается «постоянной проблемой, которую обманчиво легко сформулировать, но чрезвычайно трудно решить в теории и на практике: с одной стороны, разные люди могут использовать одни и те же термины / фразы для обозначения разных вещей (конкретных или абстрактных). С другой стороны, разные люди могут использовать разные термины / фразы для обозначения одной и той же вещи» [14, р. 121]. Как вполне справедливо в своё время заметил по этому поводу Э. Я. Баталов, «если не произвести... необходимого понятийного упорядочения..., то мы можем прийти, в конечном счете, к концептуальному коллапсу, когда люди, пользующиеся одними и теми же понятиями, будут на самом деле говорить о разных вещах, а одни и те же вещи обозначать с помощью разных понятий» [2, с. 44].

Международный порядок и глобальное управление: варианты интерпретации

В современной отечественной и зарубежной литературе можно встретить огромное множество определений как мирового (международного, глобального) порядка, так и глобального (международного) управления, которые иногда совпадают или даже перекрывают друг друга, иногда расходятся в отдельных деталях или даже полностью. Одним из достаточно распространённых подходов является их интерпретация как концептов взаимозаменяемых или же описывающих разные аспекты одного явления. В одном из первых исследований глобального управления оно было определено как мировой порядок, в котором отсутствуют центральный регулирующий орган и потенциал для реализации глобальных решений [38, р. 7]. Другими словами, глобальное управление представляет собой существующий порядок управле-

ния взаимозависимостью в отсутствие государства. Более поздние определения стали включать в глобальное управление «все законы, правила, политики и институты, которые составляют и опосредуют отношения между гражданами, бизнесом, рынками и государствами на международной арене [44, р. 233; 47, р. 6]. Благодаря этому оно практически становится синонимом глобального порядка, который, в свою очередь, обычно определяется как «система авторитетных правил, норм, институтов и практик, посредством которых любой коллектив управляет своими общими делами» [40]. Смысловое различие в этом случае сводится к неявному и условному разграничению действий (глобальное управление) и результата (глобальный порядок). «Управление – это способ приведения практических состояний объектов в соответствие с некими идеальными целями, в том числе упорядочивания связей и отношений на основе их подчинения определённым правилам и нормам. В связи с этим, ...управление было бы более правильно рассматривать как процесс наведения порядка, а порядок – как результат этого процесса» [5, с. 17]. Соответственно, приходят к выводу некоторые авторы, самое простое толкование глобального управления может состоять в том, чтобы рассматривать его как механизм поддержания международного порядка [46]. Основной недостаток такого подхода связан с возникновением логического противоречия, когда одно неясное понятие определяется с помощью другого, столь же содержательно неопределённого.

Второй подход отличают попытки содержательного разведения концептов – международного порядка и управления – посредством уточнения и конкретизации последнего. Глобальное управление, по утверждению А. Ачарья, вовсе не то же самое, что глобальный порядок, хотя первое может повлиять, изменить и переустановить последний [15, с. 14]. Комиссия ООН по глобальному управлению определила глобальное управление как «сумму множества способов, которыми индивиды и институты, общественные и частные, управляют своими общими делами» [45, р. 26]. Оно представляет собой «широкий, динамичный и сложный процесс принятия решений, который постоянно реагирует на *новые вызовы* [курсив наш. – С. П.] и происходит на разных уровнях, позволяя согласовывать и реализовывать разные и конфликтующие интересы [28, р. 6]. Это же отличие подчёркивается и в других определениях глобального управления, трактующих его как «сумму всех институтов, процессов и взаимодействия между различными субъектами на всех уровнях социо-политической системы, *которые адресованы, неиерархическим образом, конкретной глобальной проблеме* [курсив наш. – С. П.], описывая неявные и явные нормы и правила поведения, вызывая, по крайней мере, некоторые транснациональные последствия [35, р. 15]. Управление, таким образом, является механизмом, который направляет социальные системы к их целям. Последние не являются постоянными или же внешне детерминированными, а, скорее, зависят от времени и места [39, р. 296]. Таким образом, полагает Т. Синклер, глобальное управление

сводится к прагматическому *решению реально определённых и решаемых проблем* [курсив наш. – С. П.] и не связано прямо и непосредственным образом с международным порядком или глобальной архитектурой [42, р. 5]. «...Глобальное управление – это процесс совместного руководства, объединяющий национальные правительства, многосторонние государственные учреждения и гражданское общество в достижении общих целей. Оно обеспечивает стратегическое направление и руководит коллективными усилиями по решению глобальных задач» [4].

Международный порядок и глобальное управление: содержательная дифференциация

Потенциально являясь более продуктивным, данный подход, тем не менее, зачастую оставляет разделительные линии между глобальным управлением и международным порядком довольно размытыми и не вполне очевидными. Возможность сделать водораздел между ними более чётким и операциональным требует более последовательного и системного разграничения данных концептов по нескольким ключевым параметрам, включая (а) потребности и стимулы, лежащие в основе появления глобального порядка и вызывающие необходимость глобального управления; (б) характер действий, связанных с конструированием порядка и организацией управления; (в) состав акторов и их ролевые функции; (г) конечный результат действий.

Потребности и стимулы. В случае международного порядка в качестве основной выступает фундаментальная потребность в организации совместного (коллективного) *существования*. «На любом уровне, – отмечает по этому поводу Х. Маулл, – порядок состоит в том, чтобы находить способы, позволяющие группам людей жить вместе достаточно хорошо, с минимально возможным насилием» [29]. Один из первых и весьма авторитетный исследователь мирового порядка Х. Булл сводит эту фундаментальную потребность к трём понятиям: «жизнь» («обеспечение того, чтобы жизнь была в какой-то мере защищена от насилия, приводящего к смерти или физическому ущербу»), «правда» («эти обещания, когда-то сделанные, будут сохранены, или что соглашения, как только они будут заключены, будут выполнены») и «собственность» («что владение вещами будет оставаться стабильным до некоторой степени и не будет подвержено постоянным и неограниченным изменениям») [19, р. 4–5]. Потребность глобального управления, в отличие от этого, связана с необходимостью совместной (коллективной) *деятельности*, временным объединением усилий, чтобы справиться с проблемами, выходящими за рамки возможностей отдельных акторов, создающими общую угрозу или связанными с общим интересом. «Глобальное управление – это система сложных взаимодействий и взаимозависимостей между различными государственными и негосударственными субъектами. Оно охватывает вопросы, начиная от разрешения конфликтов и нераспространения ядерного оружия – до международного развития и

глобального здравоохранения. Проще говоря, глобальное управление можно понимать как «разделение труда» и «специализацию» отдельных участников международных отношений» [27, р. 2].

Содержание и характер действий. Хотя реализация соответствующих потребностей в обоих случаях предполагает действия, характер этих действий, равно как и их результаты, также будут различаться. В случае международного порядка деятельность предполагает выработку (и реализацию) набора *фундаментальных принципов* и конституирующих норм, определяющих состав и характер международной системы, её общую архитектуру и набор институтов, придающих ей устойчивость. Эти правила, согласно Х. Буллу, бывают трёх типов: «комплекс правил, который устанавливает то, что можно назвать фундаментальным или конституционным нормативным принципом мировой политики», «правила сосуществования» и «комплекс правил, касающихся регулирования сотрудничества между государствами» [19, р. 67, 79]. Глобальное управление, в свою очередь, представляет собой, скорее, прагматичный подход к *организации и участию в коллективных усилиях* по решению возникающих в процессе жизнедеятельности и развития международного общества функционально ограниченных проблем. «Глобальное управление неразрывно связано с стремлением повысить эффективность в решении конкретных задач; оно прагматично, поскольку служит достижению конкретных целей» [28, р. 7].

Основные акторы и их роли. Международные порядки, чаще всего, определяются наиболее влиятельными акторами международной системы (великие державы) и принимаются, по тем или иным причинам, в качестве авторитетных (легитимных) всеми другими. Они, таким образом, с неизбежностью являются продуктом иерархических взаимоотношений между *государствами*. «...Все политические порядки содержат принципы и нормы, определяющие, как люди и группы должны вести себя по отношению друг к другу, и все они включают в себя механизмы осуществления власти и урегулирования конфликтов внутри и между отдельными коллективами. Любой политический порядок основывается на распределении власти между его членами: «порядок» (то есть попытка управлять) требует способности влиять на поведение других, возможно, даже преодолевая сопротивление» [29]. Круг участников глобального управления, что чаще всего подчёркивается в качестве отличительной характеристики многими авторами, является значительно *более широким*, включая правительства, межправительственные (МПО) и неправительственные (НПО) структуры, гуманитарные организации, общественные движения, сети и т.п. Существенным образом отличается в этом случае и доминирующий подход к организации деятельности. «Международное управление, – особо выделяется многими, – является результатом неиерархической сети взаимосвязанных международных (главным образом, но не исключительно, государственных) институтов, которые регулируют поведение государств и других международных акторов в раз-

личных проблемных областях мировой политики» [37, р. 198]. В этом смысле центральной характеристикой глобального управления является отсутствие формального авторитета в глобальном масштабе, как международного, так и транснационального, а в качестве базового основания вступает консенсус. Управление представляет собой «непрерывный процесс, посредством которого могут быть учтены противоречивые или различные интересы и могут быть предприняты совместные действия» [45, р. 26]. Он включает в себя формальные институты и режимы, уполномоченные обеспечивать соблюдение, а также неформальные договорённости, с которыми люди и учреждения либо согласились, либо считают, что они отвечают их интересам»).

Конечный результат. В качестве результата международный порядок выступает в виде совокупности акторов, а также принципов, норм, правил и институтов, упорядочивающих их отношения. Другими словами, глобальный (мировой) порядок *создает международное общество*, представляющее собой «группу государств (или, более широко, группу независимо политических сообществ), которые не только образуют систему, в том смысле, что поведение одного из них является фактором, необходимым для учёта другими, но и создают с помощью диалога и взаимного согласия правила и институты для управления их отношениями, а также признают наличие общего интереса в соблюдении этих договорённостей» [23]. Основными целями в этом случае выступают (а) сохранение системы и общества государств как такового; (б) сохранение независимости или внешнего суверенитета государств; (в) поддержание мира; (г) удовлетворение базовых потребностей общества [19]. Поскольку далеко не все государства обладают равными возможностями, их роли определяются различиями в их силе и влиянии. «Отношения между членами международного сообщества и, значит, международный порядок, – указывает А. Д. Богатуров, – определяются взаимодействием разнородных факторов, наиболее важную роль среди которых играет соотношение совокупных потенциалов отдельных игроков и построенная на нем иерархия, взаимное положение стран, чаще всего условно понимаемое как вертикальное соподчинение» [3, с. 1]. Таким образом, «международный порядок представляет собой систему межгосударственного взаимодействия на основе чёткой иерархии государственных акторов и вертикального подчинения» [13, с. 116]. В случае глобального управления таковым выступает *набор участников коллективной деятельности*; нормы и правила, определяющие меру и характер их участия, а также институты, призванные содействовать эффективности коллективных усилий в рамках отдельной проблемной области. Таким образом, по общему мнению, глобальное управление опирается на горизонтальные связи и сетевые взаимодействия, больше полагаясь на «региональные организации, «ограниченно-стороннее» сотрудничество между соответствующими государствами, кодексы поведения и партнёрство с неправительственными субъектами» [34, р. 59].

Закключение

Сегодня понятия международного порядка и глобального управления превратились в весьма популярные и общеупотребимые термины. Однако, как это часто случается, привычность вовсе не добавляет им содержательной определённости. И поскольку оба эти концепта в последнее время всё больше приобретают инструментальный характер в мировой политике и международных отношениях, проблема их концептуализации, конкретизации смысла и содержания приобретает особое значение. И хотя некоторые, как вполне справедливо заметил в свое время Д. Болдуин, склоняются к тому, чтобы отвергать такого рода усилия, как простые семантические упражнения, нам действительно необходимо общаться друг с другом настолько эффективно, насколько это возможно, и более ясные концепции в этом случае кажутся реально полезными [16, р. 472]. Вполне объяснимо, в этой связи, то внимание, которое достаточно давно уделяется рассматриваемой проблематике российскими исследователями [1; 11; 9; 6; 12; 8]. Данная работа, в качестве продолжения её обсуждения, предлагает несколько иной подход к содержательной дифференциации концептов «международный порядок» и «глобальное управление». Он отталкивается от очевидного их отличия по нескольким ключевым параметрам, включая (а) потребности и стимулы, лежащие в основе появления международного порядка и вызывающие необходимость глобального управления; (б) характер действий, связанных с конструированием порядка и организацией управления; (в) результат этих действий; (г) состав акторов и их ролевые функции.

Особая сложность нынешней ситуации обуславливается совпадением нескольких серьёзных кризисов, с которыми сталкивается современный мир. Всё более очевидная траектория смены соотношения сил между государствами сопровождается второй траекторией, связанной с перераспределением власти от государств к негосударственным акторам. Вертикальный сдвиг сил повлиял на повестку глобального управления, увеличивая потребность в многомерном и многоуровневом подходе к глобальным проблемам. Одновременно, управление глобальными делами сталкивается с необходимостью приспособливаться к появлению альтернативных держав с собственными приоритетами и снижению консенсуса в отношении основополагающих норм для международного сообщества [21, р. 28]. Более чёткое смысловое разграничение концептов международного порядка и глобального управления расширяет пространство обоснованных суждений по поводу того, на что указывают проблемы, с которыми сталкивается мировое сообщество на том или ином этапе своего эволюционного развития. Благодаря этому появляется возможность более чёткого понимания того, свидетельствуют ли кризисные ситуации о непреодолимых дефектах сложившегося международного порядка в целом или же в большей степени отражают неспособность найти адекватные механизмы преодоления частичных возмущающих воздействий и появляющихся новых вызовов.

Список литературы

1. Баталов, Э. Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 23–37.
2. Баталов, Э. Я. О философии международных отношений / Э. Я. Баталов. – Москва : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 128 с.
3. Богатуров, А. Современный международный порядок // Международные процессы. – Январь–апрель 2003. – Т. 1, № 1. – URL: <http://intertrends.ru/old/one/001.htm> (дата обращения: 19.03.2021).
4. Ботон, Д. М. Глобальное управление: новые участники, новые правила / Д. М. Ботон, К. И. Брэдфорд мл. // Финансы и развитие. – 2007. – Т. 44, № 4. – С. 10–14.
5. Глобальное управление / под ред. А. И. Соловьева. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 252 с.
6. Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. – Москва : ИМЭМО РАН, 2015. – 315 с.
7. Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире и что с ней делать : доклад международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва, февраль 2017 г. С. 5–6. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649/> (дата обращения: 19.03.2021).
8. Гольцов, А. Г. Геополитический порядок в мире: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Политология. Международные отношения. – 2017. – Т. 10, вып. 4. – С. 334–347.
9. Гоптарева, И. Б. Локальное управление как производная глобализации // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 3 (152). – С. 48–54.
10. Заседание дискуссионного клуба «Валдай», 3 октября 2019 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения: 19.03.2021).
11. Панченко, М. Ю. Понятие «региональный международный порядок»: меж-парадигмальный подход // Власть. – 2010. – № 04. – С. 56–59.
12. Сирота, Н. М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3. – С. 177–181.
13. Унтилова, И. Л. Концепт «новый мировой порядок» в современной политологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 114–117.
14. Aksu, E. What, then, is «Global» about Global Governance? // The Chinese Journal of Global Governance. – 2015. – No. 1. – P. 105–132.
15. Acharya, A. Global Governance in a multiplex world // EUI Working Paper RSCAS. – 2017. – No. 29. – P. 1–17.

16. Baldwin, D. A. Interdependence and power: A conceptual analysis // *International Organization*. – 1980. – Vol. 34, iss. 4. – P. 471–506.
17. Bew, J. World Order: many-headed monster or Noble pursuit? // *Texas National Security Review*. – December 2017. – Vol. 1, iss. 1. – P. 16.
18. Bremmer, I. Every nation for itself: winners and losers in a G Zero World / I. Bremmer. – New York : Penguin Books, 2012. – 240 p.
19. Bull, H. The Anarchical society: a study of order in world politics / H. Bull. – Basingstoke : Macmillan, 1977. – 335 p.
20. Contested world orders. Rising powers, non-governmental organizations, and the politics of authority beyond the Nation State / ed. by M. D. Stephen, M. Zürn. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 392 p.
21. The changing global order and its implications for the EU / K. Creutz, T. Iso-Markku, Kr. Raik, T. Tiilikainen ; Finish Institute of International Affairs Report. – [S. l.], 2019. – 125 p. – (FIIA Report ; no. 59). – URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2019/03/report59_changing_global_order_and_eu.pdf (дата обращения: 19.03.2021).
22. Deo, N. India in a changing global order. – URL: <https://www.gatewayhouse.in/indias-role-in-global-order/> (дата обращения: 19.03.2021).
23. Expansion of international society / ed. by H. Bull, A. Watson. – New York : Oxford University Press, 1985. – 490 p.
24. Finkelstein, L. S. What is Global Governance? // *Global Governance*. – 1995. – No 1. – P. 367–372.
25. Hettne, B. In search of World order // *Global Governance in the 21st century: alternative perspectives on World order* / ed. by B. Hettne, B. Odén. – Stockholm : Almqvist & Wiksell International, 2002. – 204 p.
26. Ideas for modernizing the rules-based International order. Chatham house expert perspectives 2019. An annual survey of risks and opportunities in international affairs. – London : The Royal Institute of International Affairs Chatham House, June 2019. – 71 p.
27. Kaczmarek, M. China and Russia in Global governance. Long-term obstacles to cooperation // *FIIA Briefing Paper*. – 2018. – No. 244. – P. 1–7.
28. Marzęd -Młynarska, K. Global Governance as a decision-making model. The old conceptualization of a new international practice // *Teka Kom. Politol. Stos. Międ ynar.* – OL PAN, 2013. – No. 8. – P. 5–23.
29. Maull, H. W. The once and future liberal order // *Survival: Global Politics and Strategy*. – 2019. – Vol. 61. – Ed. 2. – P. 7–32. – URL: <https://www.iiss.org/publications/survival/2019/survival-global-politics-and-strategy-aprilmay-2019/612-02-maull> (дата обращения: 19.03.2021).
30. Mearsheimer, J. J. Bound to fail: the rise and fall of the liberal international order // *International Security*. – Spring, 2019. – Vol. 43, iss. 4. – P. 7–50.

31. Nel, P. Redistribution and recognition: what emerging regional powers want // *Review of International Studies*. – 2010. – Vol. 36, no. 4. – P. 951–974.
32. Nele, N. Contested Global order(s): rising powers and the re-legitimation of global constitutionalization // *International Journal of Constitutional Law*. – 2016. – Vol. 14, no. 3. – P. 639–656.
33. Paris, R. Can middle powers save the liberal World order? // *Briefing. US and the Americas Programme*. June 2019. – P. 1–15. – URL: <https://www.chathamhouse.org/2019/06/can-middle-powers-save-liberal-world-order> (дата обращения: 19.03.2021).
34. Patrick, S. The unruled world // *Foreign Affairs*. – January–February 2014. – Vol. 93, no. 1. – P. 58–73.
35. Pattberg, P. Global governance: reconstructing a contested social science concept // *GARNET Working Paper*. – 2006. – No. 04/06. – URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/researchcentres/csgr/garnet/workingpapers/0406.pdf> (дата обращения: 19.03.2021).
36. Peterson, J. Global governance: promise, patterns, prospects / J. Peterson, M. Müftüler-Baç // *The Transatlantic Relationship and the Future Global Governance*. – September, 2014. – Working Paper 39. – P. 1–24.
37. Rittberger V. Globalisierung und der wandel der staatenwelt. Die Welt regieren ohne Weltstaat. Vom ewigen Frieden und vom Wohlstand der Nationen / ed. U. Menzel. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2000. – P. 188–218.
38. Rosenau, J. Governance, order, and change in world politics // *Governance without government: order and change in world politics* / ed. by J. Rosenau, E. O. Czempiel. – New York : Cambridge University Press, 1992. – P. 1–29.
39. Rosenau, J. N. Toward an ontology of global governance // *Approaches to global governance theory* / ed. by M. Hewson, T. Sinclair. – Albany, New York : State University of New York Press, 1999. – P. 287–301.
40. Ruggie, J. Forward // *Global governance and the UN: an unfinished journey* / T. Weiss, R. Thakur. – Bloomington, Ind. : Indiana University Press, 2010. – P. XV–XXI.
41. Serbin, A. Contending geopolitical narratives and global tectonic shifts // *The Fletcher Forum of World Affairs*. – Summer, 2018. – Vol. 42, iss. 2. – P. 193–208.
42. Sinclair, T. J. General introduction // *Global governance. Critical concepts in political science*. Vol. 1 / ed. by T. J. Sinclair. – London ; New York : Routledge, 2004. – P. 1–8.
43. Tang, Shiping. The future of international order(s) // *The Washington Quarterly*. – 2018. – Vol. 41, iss. 4. – P. 117–131.
44. Thakur, R. Enhancing global governance through regional integration / R. Thakur, L. van Langenhove // *Global Governance*. – 2006. – Vol. 12, no. 3. – P. 233–240.
45. *The global governance reader* / ed. by R. Wilkinson. – London ; New York : Routledge, 2005. – 364 p.

46. Tuca, S. Global governance vs. national sovereignty in a globalised world // CES Working Papers. – 2015. – Vol. 7, iss. 1. – P. 193–201.

47. Weiss, T. G. Global governance and the UN: an unfinished journey / T. Weiss, R. Thakur. – Bloomington, Ind. : Indiana University Press, 2010. – 448 p.

References

1. Batalov E. Ya. «Novyi mirovoi poryadok»: k metodologii analiza [«New world order»: to the methodology of analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2003, no. 5, pp. 23–37.

2. Batalov E. Ya. *O filosofii mezhdunarodnykh otnoshenii* [About the philosophy of international relations]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam Publ., 2005. 128 p.

3. Bogaturov A. Sovremennyyi mezhdunarodnyi poryadok [Modern international order]. *Mezhdunarodnye protsessy*, January–April 2003, vol. 1, no. 1. Available at: <http://intertrends.ru/old/one/001.htm> (accessed 19 March 2021).

4. Boton D. M., Bredford Jr. K. I. Global'noe upravlenie: novye uchastniki, novye pravila [Global governance: new participants, new rules]. *Finansy i razvitie*, 2007, vol. 44, no. 4, pp. 10–14.

5. Solovyov A. I., ed. *Global'noe upravlenie* [Global governance]. Moscow: INFRA-M Publ., 2007. 252 p.

6. Baranovsky V. G., Ivanova N. I., eds. *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski* [Global governance: opportunities and risks]. Moscow: IMEMO RAN, 2015. 315 p.

7. *Global revolt and global order. The revolutionary situation in the world and what to do with it*: report of the Valdai International Discussion Club, Moscow, February 2017, pp. 5–6. Available at: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649/> (accessed 19 March 2021). (In Russian).

8. Goltsov A. G. Geopoliticheskii poryadok v mire: tendentsii razvitiya [Geopolitical order in the world: development trends]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 10, iss. 4, pp. 334–347.

9. Goptareva I. B. Lokal'noe upravlenie kak proizvodnaya globalizatsii [Local management as a derivative of globalization]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 3 (152). pp. 48–54.

10. *Meeting of the Valdai Discussion Club*, October 3, 2019. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (accessed 19 March 2021). (In Russian).

11. Panchenko M. Yu. Ponyatie «regional'nyi mezhdunarodnyi poryadok»: mezhpardigmatal'nyi podkhod [The concept of «regional international order»: an inter-paradigmatic approach]. *Vlast'*, 2010, no. 04, pp. 56–59.

12. Sirota N. M. Ponyatie «mirovoi poryadok» v sovremennom teoreticheskom diskurse [The concept of «world order» in modern theoretical discourse]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 3, pp. 177–181.

13. Untilova I. L. Kontsept «novyi mirovoi poryadok» v sovremennoi politologii [The concept of a «new world order» in modern political science]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2012, no. 2, pp. 114–117.
14. Aksu E. What, then, is «Global» about Global Governance? *The Chinese Journal of Global Governance*, 2015, no. 1, pp. 105–132.
15. Acharya A. Global Governance in a multiplex world. *EUI Working Paper RSCAS*, 2017, no. 29, pp. 1–17.
16. Baldwin D. A. Interdependence and power: A conceptual analysis. *International Organization*, 1980, vol. 34, iss. 4, pp. 471–506.
17. Bew J. World Order: many-headed monster or Noble pursuit? *Texas National Security Review*, December 2017, vol. 1, iss. 1, pp. 16.
18. Bremmer I. *Every nation for itself: winners and losers in a G Zero World*. New York: Penguin Books, 2012. 240 p.
19. Bull H. *The Anarchical society: a study of order in world politics*. Basingstoke: Macmillan, 1977. 335 p.
20. Stephen M. D., Zurn M., eds. *Contested world orders. Rising powers, non-governmental organizations, and the politics of authority beyjnd the Nation State*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 392 p.
21. Creutz K., Iso-Markku T., Raik K., Tiilikainen T. *The changing global order and its implications for the EU*. [S. l.]: Finish Institute of International Affairs Report, 2019. 125 p. (FIIA Report ; no. 59). Available at: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2019/03/report59_changing_global_order_and_eu.pdf (accessed 19 March 2021).
22. Deo Neelam. *India in a changing global order*. Available at: <https://www.gatewayhouse.in/indias-role-in-global-order/> (accessed 19 March 2021).
23. Bull H., Watson A., eds. *Expansion of international*. New York: Oxford University Press, 1985. 490 p.
24. Finkelstein L. S. What is Global Governance? *Global Governance*, 1995, no 1, pp. 367–372.
25. Hettne B. In search of World order. In: Hettne B, Odén B., eds. *Global Governance in the 21st century: alternative perspectives on World order*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2002. 204 p.
26. *Ideas for modernizing the rules-based International order. Chatham house expert perspectives 2019. An annual survey of risks and opportunities in international affairs*. London: The Royal Institute of International Affairs Chatham House, June 2019. 71 p.
27. Kaczmarek M. China and Russia in Global governance. Long-term obstacles to cooperation. *FIIA Briefing Paper*, 2018, no. 244, pp. 1–7.
28. Marzęd -Młynarska K. Global Governance as a decision-making model. The old conceptualization of a new international practice. *Teka Kom. Politol. Stos. Międ ynar*, OL PAN, 2013, no. 8, pp. 5–23.

29. Maull H. W. The once and future liberal order. *Survival: Global Politics and Strategy*, 2019, vol. 61, ed. 2, pp. 7–32. Available at: <https://www.iiss.org/publication/s/survival/2019/survival-global-politics-and-strategy-aprilmay-2019/612-02-maull> (accessed 19 March 2021).
30. Mearsheimer J. J. Bound to fail: the rise and fall of the liberal international order. *International Security*, Spring, 2019, vol. 43, iss. 4, pp. 7–50.
31. Nel P. Redistribution and recognition: what emerging regional powers want. *Review of International Studies*, 2010, vol. 36, no. 4, pp. 951–974.
32. Nele N. Contested Global order(s): rising powers and the re-legitimation of global constitutionalization. *International Journal of Constitutional Law*, 2016, vol. 14, no. 3, pp. 639–656.
33. Paris R. Can middle powers save the liberal World order? *Briefing. US and the Americas Programme. June 2019*, pp. 1–15. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2019/06/can-middle-powers-save-liberal-world-order> (accessed 19 March 2021).
34. Patrick S. The unruled world. *Foreign Affairs*, January–February 2014, vol. 93, no. 1, pp. 58–73.
35. Pattberg P. Global governance: reconstructing a contested social science concept. *GARNET Working Paper*, 2006, no. 04/06. Available at: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/researchcentres/csg/garnet/workingpapers/0406.pdf> (accessed 19 March 2021).
36. Peterson J. Müftüler-Baç M. Global governance: promise, patterns, prospects. *The Transatlantic Relationship and the Future Global Governance*. September, 2014, Working Paper 39, pp. 1–24.
37. Rittberger, V. Globalisierung und der wandel der staatenwelt. Die Welt regieren ohne Weltstaat. In: Menzel U., ed. *Vom ewigen Frieden und vom Wohlstand der Nationen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000, pp. 188–218.
38. Rosenau J. Governance, order, and change in world politics. In: Rosenau J., Czempiel E.O., eds. *Governance without government: order and change in world politics*. New York: Cambridge University Press, 1992, pp. 1–29.
39. Rosenau J. N. Toward an ontology of global governance. In: Hewson M., Sinclair T., eds. *Approaches to global governance theory*. Albany, New York: State University of New York Press, 1999, pp. 287–301.
40. Ruggie J. Forward. In: Weiss T.G., Thakur R. *Global governance and the UN: an unfinished journey*. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2010, pp. XV–XXI.
41. Serbin A. Contending geopolitical narratives and global tectonic shifts. *The Fletcher Forum of World Affairs*, Summer, 2018, vol. 42, iss. 2, pp. 193–208.
42. Sinclair T. J. General introduction. In: Sinclair T.J., ed. *Global governance. Critical concepts in political science. Vol. 1*. London; New York: Routledge, 2004, pp. 1–8.
43. Tang Shiping. The future of international order(s). *The Washington Quarterly*, 2018, vol. 41, iss. 4, pp. 117–131.

44. Thakur R., van Langenhove L. Enhancing global governance through regional integration. *Global Governance*, 2006, vol. 12, no. 3, pp. 233–240.
45. Wilkinson R., ed. *The global governance reader*. London; New York: Routledge, 2005. 364 p.
46. Tuca S. Global governance vs. national sovereignty in a globalised world. *CES Working Papers*, 2015, vol. 7, iss. 1, pp. 193–201.
47. Weiss T., Thakur R. *Global governance and the UN: an unfinished*. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2010. 448 p.

УДК 327(73+520:5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/70-83>

Ф. Г. Демчук¹, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: fstrugach@hse.ru

ТРАМП И ЯПОНИЯ: НОВЫЙ ТИХООКЕАНСКИЙ ПОВОРОТ? ИТОГИ ПОЛИТИКИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА В ЯПОНИИ

Аннотация. Исследователи до сих пор оценивают итоги Тихоокеанской стратегии Барака Обамы. Несмотря на осторожность, скрупулезность в принятии решений и глубокую экспертную проработку, многие решения президента Обамы оказались спорными и вызывали нарекания со стороны различных игроков в регионе, включая традиционного союзника – Японию. Политика его преемника на должности президента США Дональда Трампа оказалась более удачной во многих аспектах. Трампу удалось укрепить отношения с Японией и достичь глубокого двустороннего взаимодействия во многих сферах. При этом он подписал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнёрства, что в итоге привело к положительному результату для Токио, Япония вернула себе статус самостоятельного игрока и лидера в АТР.

Ключевые слова: США, Япония, АТР, Барак Обама, отношения США и Японии, Синдзо Абэ, Дональд Трамп, Тихоокеанский поворот, Транстихоокеанское партнёрство.

---

¹ Демчук Фаина Геннадьевна, преподаватель Департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург; аспирант кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Для цитирования: Демчук Ф. Г. Трамп и Япония: новый тихоокеанский поворот? Итоги политики Д. Трампа в Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2021. № 1. С. 70-83. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/70-83>.

Faina G. Demchuk¹, National Research University Higher School of Economics;
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
E-mail: fstrugach@hse.ru

TRUMP AND JAPAN: A NEW PACIFIC TWIST? RESULTS OF DONALD TRUMP'S POLICY IN JAPAN

Abstract. Researchers are still assessing the outcome of Barack Obama's Pacific strategy. Despite caution, scrupulousness in decision-making and deep expert study, many of President Obama's decisions were controversial and provoked criticism from various players in the region, including Japan, a traditional ally of the USA. The policies of his successor, President Donald Trump, have been more successful in many ways. President Trump managed to strengthen relations with Japan and achieve deep bilateral interaction in many areas, which affects the positions of the United States and China and, most importantly, allows Japan to regain its status as an independent player and leader in the APR.

Key words: USA, Japan, Asia-Pacific, Barack Obama, relations between the USA and Japan, Shinzo Abe, Donald Trump, Pacific turn, Trans-Pacific Partnership.

В ноябре 2020 г. в США состоялись очередные выборы президента, которые определили, что в 2021 г. к власти придёт кандидат от Демократической партии Джо Байден. И сейчас уже можно подводить некоторые итоги внешней политики, которую президент Дональд Трамп успел провести за четыре года. Многие решения, принятые Трампом, называют импульсивными и непоследовательными, не все из них привели к успешным результатам для США на мировой арене. Тем не менее, некоторые аспекты внешнеполитической стратегии Вашингтона всё же можно назвать удачными.

В настоящее время одним из самых перспективных направлений внешней политики США является Азиатско-Тихоокеанский регион, что было заложено ещё президентом Бараком Обамой в рамках его стратегии поворота к Азии. Однако Тихоокеанский поворот Обамы многие исследователи оценивают неоднозначно. В частности, напряжёнными были и отношения с ближайшим партнёром США в

---

¹ Faina G. Demchuk, Lecturer, Department of Oriental and African Studies, National Research University Higher School of Economics; Postgraduate Student, Department of American Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

For citing: Demchuk F. G. Trump and Japan: A New Pacific Twist? Results of Donald Trump's policy in Japan // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 1. С. 70–83. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/70-83>.

регионе – с Японией. Кажется, что Трампу удалось установить более стабильные отношения с Токио, но так ли это на самом деле?

Цель данной статьи – провести параллель между Тихоокеанской политикой Барака Обамы и Дональда Трампа и определить, насколько успешной оказалась политика последнего по отношению к Японии.

Несмотря на актуальность данной темы для понимания расстановки политических сил в АТР данная тема затрагивалась фрагментарно, без учёта анализа позиции политического истеблишмента Японии и влияния личности президента Д. Трампа на двухсторонние отношения с Токио [1; 2].

Источниками для исследования послужили документы и экспертные отчёты правительства США и Японии, а также официальные заявления и договоры двух стран. Методы исследования включают в себя документальный анализ, сравнительный анализ, а также системный анализ, что позволяет рассматривать дальневосточную политику США в АТР и двусторонние отношения между США и Японией в контексте международной обстановки и в рамках национальных интересов Вашингтона и Токио.

Статья состоит из двух разделов. В первом разделе анализируется наследие президента Б. Обамы в дальневосточной политике США. Во втором разделе – результаты политики Д. Трампа в сравнении с политикой предшествующей администрации.

Тихоокеанский поворот Барака Обамы

Одним из важных элементов новой внешнеполитической стратегии администрации Барака Обамы был курс на поворот в сторону Азии, или Тихоокеанский поворот (*Pivot to Asia*). Эта стратегия, впервые провозглашенная госсекретарем Хиллари Клинтон в 2011 г., подразумевала широкое вовлечение США в регион, тесное сотрудничество со старыми партнёрами и налаживание связей – с новыми.

Можно назвать несколько причин, по которым Соединенные Штаты решили переориентировать своё внимание на Тихоокеанский регион. Вашингтон беспокоило всё возрастающее влияние Китая не только в регионе, но и на всей мировой арене [3]. Кроме того, США пытались продемонстрировать себя в качестве мирового лидера после неудачных действий на Ближнем Востоке [4]. Наконец, личные пристрастия президента к региону, в котором он провёл часть своего детства, также выступали причиной активизации контактов.

Тем не менее, несмотря на обширные планы Соединенных Штатов в рамках новой политики, не все проекты удалось осуществить, а отношения с ближайшим партнёром в регионе – Японией – нельзя назвать самыми удачными.

На первый срок администрации Б. Обамы (2009–2013 гг.) пришлось политическая нестабильность внутри Японии. На смену Либерально-демократической партии (ЛДПЯ), которая была у власти 54 года подряд, пришла Демократическая пар-

тия (ДПЯ) во главе с премьер-министром Юкио Хатояма. США со своей стороны были настроены на диалог с Токио, но японское правительство решило переориентироваться на Китай и отойти от американской зависимости [5, р. 729]. Новая власть Японии всячески демонстрировала этот новый и неожиданный поворот тем, что отменяла встречи с представителями США и вела себя в целом холодно, что заставило Вашингтон усомниться в своем азиатском партнёре [6]. После смены нескольких премьер-министров из ДПЯ в 2012 г. к власти наконец снова пришла ЛДПЯ во главе с Синдзо Абэ. Однако и при такой более стабильной ситуации в Токио, а также в целом проамериканской направленности ЛДПЯ нельзя было сказать, что в отношениях между Японией и США всё вернулось к традиционным, особым отношениям между США и Японией.

Одной из главных проблем оказались натянутые личные отношения лидеров двух стран – Барака Обамы и Синдзо Абэ [7; 8]. Для либерального американского президента взгляды Абэ были слишком консервативными и даже в какой-то степени националистическими. Например, лидер США был недоволен ситуацией вокруг храма Ясукуни – это синтоистский храм в Токио, который является местом захоронения военных преступников Второй мировой войны и символом японского милитаризма первой половины XX века. Вопрос о посещении храма официальными представителями власти Японии волновал Китай и Южную Корею – страны, наиболее пострадавшие от японской агрессии во время Второй мировой войны. Однако посещение храма премьер-министром Абэ в декабре 2013 г. вызвало недовольство американской стороны, так как это совершенно не соответствовало той роли, которую должна была выполнять Япония, по мнению США [9].

Портила отношения между странами и ситуация вокруг России. Дело в том, что как раз в 2013–2014 гг. разгорался конфликт вокруг Украины, и в связи с этим США и многие другие страны присоединились к санкциям против России, однако отношения Абэ и Владимира Путина оставались довольно близкими.

Следующим сложным моментом в японо-американских отношениях стал первый визит Барака Обамы в Японию при власти Синдзо Абэ. Предыдущие месяцы перед азиатским турне, которое было запланировано на апрель 2014 г., были наполнены официальными недовольствами и осуждениями с обеих сторон. Возможно поэтому изначально президент США вообще не планировал заезжать в Токио, что вызвало беспокойство японской стороны. Япония настаивала на том, чтобы Обама всё же посетил страну, что, по мнению японских властей, должно было продемонстрировать стабильность двусторонних отношений и признание Японии как лидера в АТР. Однако сам факт того, что эту стабильность надо было подтверждать саммитом, уже говорил о проблемах в отношениях [10].

Безусловно, страны всё же тесно сотрудничали в области экономики и безопасности. Например, в результате долгих переговоров американская сторона

смогла добиться от Японии согласия на вступление в Транстихоокеанское партнёрство (ТТП). Такая инициатива Обамы по заключению соглашения с одиннадцатью крупнейшими экономиками Тихоокеанского региона, за исключением КНР, преследовала несколько целей. Во-первых, США надеялись укрепить свои экономические позиции в АТР, составить конкуренцию Китаю и создать вокруг него кольцо дружественных Вашингтону стран [11, р. 50]. Во-вторых, между Японией и США на тот момент так и не было заключено торгового соглашения, без которого страны не могли договориться о снижении тарифов и увеличении товарооборота. Вступление Японии в ТТП могло бы решить эту проблему.

Достигнуты были и определённые успехи в области безопасности. В частности, важным шагом стало публичное заявление Обамы, в котором он поддерживал Токио в споре за острова Сэнкаку (Дяоюйдао) [12]. Принадлежность на эти острова оспаривают Япония и КНР уже многие годы. Конфликт особенно обострился в 2012–2013 гг., и речь президента США подчёркивала, что американская сторона готова придерживаться своих обязательств в плане защиты японской территории.

Можно утверждать, что отношения США и Японии продвинулись вперёд во многих аспектах, но некоторые исследователи считают, что политика Обамы в рамках Тихоокеанского поворота была не во всём удачной, в том числе и в плане двусторонних отношений с Японией [13]. Например, вместо ребалансировки внешней политики Вашингтон стал незаслуженно уделять гораздо меньше внимания таким регионам, как Ближний Восток и Европа, а военное усиление в АТР, которое не было необходимо в таком объёме, привело к более агрессивной политике Китая.

Новый поворот?

Сначала казалось, что будущий президент США Дональд Трамп не будет выстраивать близкие отношения с Японией. Во время своей предвыборной кампании он неоднократно утверждал, что видит в Токио одного из главных соперников и угрозу американской экономике. В некоторых выступлениях он даже утверждал, что стоит отменить договор о безопасности между двумя странами [14].

Одним из первых решений на посту президента Трамп выполнил своё предвыборное обещание – подписал указ о выходе из ТТП, поскольку он утверждал, что открытая экономика может нанести ущерб американским производителям [15]. Это решение не стало неожиданностью для японской стороны, потому что Токио внимательно следил за предвыборной гонкой в США и готов был выстраивать отношения с любым президентом.

Несмотря на негативные заявления Трампа в отношении Японии, двусторонние отношения начались благоприятно, что во многом является заслугой премьер-министра Абэ. Сразу же после оглашения результатов президентских выборов в ноябре 2016 г. Абэ решил нанести визит будущему лидеру США. Поскольку инау-

гурация Трампа ещё не прошла, то этот визит носил неофициальный характер. Однако и Абэ, и Трамп высказались в очень тёплом ключе об этой встрече и подтвердили дружеские отношения с перспективой развития их в будущем [16, с. 205].

Если сравнивать японское направление внешней политики Обамы и Трампа, то одним из самых заметных отличий является сфера личных отношений. Если, как говорилось выше, Обама не смог найти общего языка с Абэ, а консервативные взгляды последнего не нравились демократической партии США, то с Трампом японскому премьер-министру удалось создать исключительно хорошие отношения.

На начало 2020 г. количество личных встреч и телефонных разговоров между двумя лидерами близилось к 50 [17]. Это совершенно беспрецедентная цифра для японо-американских отношений. Абэ и Трамп создавали в СМИ образ не только коллег, но и друзей, которые вместе играют в гольф и ходят обедать. Некоторые исследователи считают, что японский премьер-министр использовал такой личный подход, чтобы продемонстрировать Трампу преимущества партнёрства с Токио [17]. Но даже если это и был тщательно проработанный план Абэ, то всё же у двух лидеров наблюдаются схожие консервативные взгляды и ценности и общее видение внешнеполитической стратегии, что позволяет им поддерживать в действительности тесные отношения.

Общие взгляды на мировую политику привели к более тесному сотрудничеству двух стран в области безопасности. В частности, администрация Трампа поддержала две инициативы, в разное время предложенные японским премьер-министром. Одна из них – концепция Индо-Тихоокеанского региона или *Free and Open Indo-Pacific* (Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион). Формально эта стратегия была впервые провозглашена премьер-министром Абэ в августе 2016 г. как сеть, объединяющая страны и региональные организации, которые считают своим приоритетом свободу, открытую экономику, мир и процветание [18].

Подход к этой стратегии изменился, когда США заинтересовались идеями Абэ. Вашингтон решил использовать стратегию, предложенную японским премьер-министром, как инструмент сдерживания экономического роста КНР и как альтернативу китайской стратегии «Один пояс и один путь» (*Belt and Road Initiative*) [19]. Если говорить о причинах, по которым Япония изначально сформировала данную стратегию, то помимо очевидных, таких как более глубокое торговое сотрудничество со странами региона и продвижение своих экономических интересов, можно назвать китайскую угрозу [20]. Однако в отличие от США японская сторона не говорила об этом так прямо и открыто.

В дальнейшем стратегия была подкреплена совместным заявлением двух государств в ноябре 2018 г. [21]. В нём перечислялись конкретные меры, которые США и Япония собираются исполнять в рамках новой стратегии «Свободного и открыто-

го Индо-Тихоокеанского региона». Среди них – развитие энергетической сферы и сотрудничество в рамках специально созданного энергетического партнёрства США и Японии (*Japan-US Strategic Energy Partnership*), стимулирование японскими и американскими финансовыми организациями экономического развития в регионе, а также взаимодействие на уровне частного сектора.

Кроме того, США и Япония рассматривают эту стратегию как возможность для сотрудничества в области безопасности. В рамках стратегии ведётся четырёхсторонний диалог по безопасности, который помимо Японии и США включает в себя Индию и Австралию (*Quadrilateral Security Dialogue/QSD*). Необходимо отметить, что инициатива была предложена Синдзо Абэ еще в 2007 г., но не получила никакого развития или поддержки. Теперь, благодаря более тесному сотрудничеству Вашингтона и Токио, этот диалог вновь был возобновлен. Представители стран встретились для совещаний по этому вопросу пять раз в период с 2017 г. по 2019 г. Кроме того, Трамп впервые в официальной речи подчеркнул важность этого четырёхстороннего диалога во время встречи с премьер-министром Индии Н. Д. Моди в феврале 2020 г. [22]. Понятно, что эта инициатива, как и экономическая составляющая стратегии, нацелена на сдерживание Китая в регионе [19]. Однако никаких конкретных шагов в области безопасности не было предпринято, но ведётся активное обсуждение всеми четырьмя участниками.

Выход США из соглашения ТТП не стал таким ударом для Японии, как могло показаться сначала. Некоторые исследователи склоняются к мнению, что Абэ так поспешил с уже упомянутым выше визитом к ещё не вступившему в должность Трампу как раз для того, чтобы обсудить выход США из ТТП [23]. Дело в том, что обсуждение вступления Японии в это соглашение продолжалось не один год, а без Вашингтона Транстихоокеанское партнёрство сложно было представить, поэтому Абэ не хотелось, чтобы все эти переговоры прошли впустую. Возможность вновь вернуться в ТТП обсуждалась в Токио и после вступления Трампа в должность, но президент США был непреклонен.

Тем не менее такой поворот событий неожиданно привёл к позитивным последствиям для Японии, а точнее для становления Японии как самостоятельного и сильного игрока в АТР. Взяв на себя лидерскую роль, именно Абэ стал инициатором нового формата ТТП без США. Невозможно точно сказать, чем руководствовался премьер-министр Японии – возможно его испугало желание Латиноамериканских стран пригласить КНР в ТТП, ведь Китай рассматривается как один из основных экономических соперников Токио на мировой арене. Кроме того, возможно руководство Японии увидело в этом партнёрстве выгоду: дело в том, что после ухода США именно Япония оказалась самой экономически развитой страной и могла не только получить наибольшую выгоду из этого соглашения в экономическом плане, но диктовать свои условия и выстроить ТТП вокруг своих интересов

[24, с. 184]. В итоге, благодаря активной деятельности Абэ [23], в мае 2017 г. во Вьетнаме состоялась вторая встреча одиннадцати стран, где их представители окончательно согласились продвигать партнёрство дальше даже без США.

Относительно успешно урегулировать экономические отношения между США и Японией удалось и без ТТП, в формате двустороннего договора. Вопрос о переговорах по поводу этого договора был отложен до сентября 2018 г., потому что Вашингтон был занят обсуждением тарифных ставок с Китаем и торгового соглашения с Евросоюзом. В сентябре Трамп и Абэ встретились в Нью-Йорке, после чего выпустили не очень конкретизированное совместное заявление о том, что страны в ближайшем будущем собираются вступить в переговоры о двустороннем соглашении и что в данном соглашении должны быть обязательно учтены вопросы автомобильной индустрии и сельского хозяйства [25].

В итоге официальное начало переговорам было положено только в апреле 2019 г. После многочисленных раундов совещаний, а также после обсуждения данных вопросов на высшем уровне во время встречи большой двадцатки в Осаке (Япония) в мае 2019 г. страны всё-таки смогли договориться по основным вопросам. Согласно новому соглашению [26], подписанному 7 октября 2019 г., Япония снизила тарифы на американскую сельскохозяйственную продукцию, что было очень важным моментом для Трампа, который назвал это победой для американских фермеров [27]. Кроме того, соглашение затрагивает вопросы цифровой торговли.

Однако для Японии данное соглашение пока не настолько выгодно как для США, поскольку пошлина на японские автомобили осталась неизменной, хотя Америка всё же снизила тарифы на импорт некоторых промышленных товаров. Соглашение рассматривается как первый этап урегулирования торговых вопросов между США и Японией, поэтому возможно, что в будущем многие незатронутые вопросы также будут согласованы.

Интересен также вопрос, о том, что именно привело к такому повороту США в сторону Японии. Некоторые пояснения даёт бывший советник по национальной безопасности Джон Болтон, который подал в отставку из-за разногласий с Трампом и госсекретарем Майком Помпео на политику по отношению к Ирану, КНДР и другим странам в сентябре 2019 г. В своих нашумевших мемуарах – «Комната, где это происходило» [28] – он объясняет поворот Трампа в сторону Японии из-за того, что самые близкие отношения среди всех мировых лидеров у президента были именно с Синдзо Абэ [28, р. 312], что подтверждается множеством личных встреч, схожими взглядами на стратегию по отношению к Северной Корее и Китаю.

Личные качества президента оказали влияние на формирование новых отношений с Японией. В своих мемуарах Болтон создает образ Трампа как импульсивного человека, который не обдумывает свои действия и не учитывает рекомендации своих советников и помощников. Он пишет, что президент принимает решения,

«основываясь на инстинктах, полагаясь на личные отношения с мировыми лидерами и мастерство ведущего шоу на телевидении» [28, р. 7]. Кроме того, автор утверждает, что вся политика президента ориентирована на выборы в 2020 г., а главной целью всех его решений была личная выгода и попытка заработать как можно больше голосов избирателей [28, р. 437].

В любом случае, Трамп в отличие от Обамы, который широко пользовался рекомендациями аналитических центров и советников, принимал свои решения совершенно иным образом. Возможно для него были важны прежде всего личные отношения с лидером той или иной страны. Премьер-министру Абэ удалось найти подход к этому президенту США и успешно использовать такой тесный контакт с ним для продвижения интересов Японии [29].

Заключение

Какими бы ни были истинные мотивы Трампа – желание личной экономической выгоды, создание союза против Китая или получение большей поддержки избирателей и бизнес-сообщества, но его политика по отношению к Японии привела к тесному двустороннему сотрудничеству во многих сферах. В отличие от его предшественника, президенту США Дональду Трампу удавалось проводить более успешную, эффективную и сбалансированную дальневосточную политику. Даже, казалось бы, негативные стороны, такие как выход США из ТТП, в итоге привели к положительному результату для Токио. Япония получила более самостоятельную и лидерскую роль на мировой арене.

В отличие от продуманной и осмысленной стратегии Тихоокеанского поворота администрации Обамы, Трамп действовал импульсивно, хаотично, но результаты такой политики по отношению к Японии приносят хорошие результаты для обеих стран. Несмотря на некоторые спорные моменты (например, вопрос об американских базах на территории Японии и плате за их содержание), двусторонние отношения между странами продвинулись на новый уровень и по многим параметрам они сейчас более крепкие, чем когда-либо.

Глубокая вовлечённость США в регион и в вопросы, связанные с Токио, сотрудничество двух стран в сфере экономики и безопасности, близкие и доверительные отношения, которые складывались ещё недавно между Трампом и Абэ, говорят о том, что возможно между США и Японией наступил новый этап Тихоокеанского поворота в регионе, в котором Токио отведена роль лидера.

В настоящее время Абэ ушёл в отставку, а Трампа в 2021 г. сменил кандидат от Демократической партии Джо Байден. Пока сложно утверждать, как именно будут выстраивать отношения новые лидеры двух стран, но можно точно сказать, что за прошедшие четыре года премьер-министр Японии и президент США заложили основу для дальнейшего укрепления отношений.

Список литературы

1. Торкунов, А. Стратегия администрации Трампа в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – № 6. – С. 25–37.
2. Яковлев, П. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – № 7. – С. 5–14.
3. Schoff, J. L. Uncommon alliance for the common good: the United States and Japan after the cold war / J. L. Schoff. – Washington, DC : Carnegie Endowment for International Peace Publications Department, 2017. – 272 p.
4. Kelly, R. Obama's legacy: leaving Northeast Asia on a high point // *The Interpreter*. – 2017. – 17 January. – URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/obamas-legacy-leaving-northeast-asia-high-point> (дата обращения: 12.01.2020).
5. Garver, J. W. China's quest: the history of the foreign relations of the People's Republic, revised and updated / J. W. Garver. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 888 p.
6. Pomfret, J. U.S. Concerned about New Japanese Premier Hatoyama // *Washington Post*. – URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/12/28/AR2009122802271.html?hpid%3Dtopnews&sub=AR> (дата обращения: 11.01.2020).
7. Goldberg, J. How Obama views the men and women who (also) rule the world // *The Atlantic*. – URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-goldberg-world-leaders/473367/> (дата обращения: 12.01.2020).
8. Abiru, R. Abe and Obama: a Long Road // *Japan Forward*. – URL: <https://japan-forward.com/abe-and-obama-a-long-road/> (дата обращения: 13.01.2020).
9. Chen Yo-Jung. US-Japan Relations and Obama's Visit to Japan // *The Diplomat*. – URL: <https://thediplomat.com/2014/04/us-japan-relations-and-obamas-visit-to-japan/> (дата обращения: 12.01.2020).
10. McGregor, R. Asia's reckoning: the struggle for global dominance / R. McGregor. – [S. l.] : Penguin books, 2017. – 320 p.
11. Backer, L. C. The Trans-Pacific partnership: Japan, China, the U.S., and the emerging shape of a new world trade regulatory order // *Washington University Global Studies Law Review*. – 2014. – Vol. 12, iss. 1. – URL: https://openscholarship.wustl.edu/law_globalstudies/vol13/iss1/6/ (дата обращения: 12.01.2020).
12. Joint press conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan // *The White House, President Barack Obama*. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan> (дата обращения: 13.01.2020).
13. Ford, J. The pivot to Asia was Obama's biggest mistake // *The Diplomat*. – URL: <https://thediplomat.com/2017/01/the-pivot-to-asia-was-obamas-biggest-mistake/> (дата обращения: 20.05.2020).

14. Hunt, J. Japan's Pivot from Obama to Trump // The New Yorker. – 2016. – No. 6. – URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/japans-pivot-from-obama-to-trump> (дата обращения: 15.02.2020).

15. Lobosco, K. Trump pulled out of a massive trade deal. Now 11 countries are going ahead without the US. December 30, 2018 // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2018/12/29/politics/tpp-trade-trump/index.html> (дата обращения: 16.02.2020).

16. トランプ政権と日本 – NHK取材班、東京、2017年。 – Политика Трампа в Японии. – Токио : NHK, 2017. – 231 с.

17. Smith, S. A. Forty-two and counting... The Trump-Abe connection // Council on Foreign Affairs. – URL: <https://www.cfr.org/blog/forty-two-and-counting-the-trump-abe-connection> (дата обращения: 12.05.2020).

18. Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of the Sixth Tokyo International Conference on African development (TICAD VI) // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL: https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html (дата обращения: 21.02.2020).

19. Mehta, S. The free and open Indo-Pacific strategy: a way forward // Asia and the Pacific Policy Society. – URL: <https://www.policyforum.net/the-free-and-open-indo-pacific-strategy-a-way-forward/> (дата обращения: 23.02.2020).

20. Szechenyi, N. Working Toward Free and Open Indo-Pacific / N. Szechenyi, Y. Hosoya // Carnegie Endowment for International Peace. – URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/10/working-toward-free-and-open-indo-pacific-pub-80023> (дата обращения: 12.02.2020).

21. U.S.-Japan joint statement on advancing a free and open Indo-Pacific through energy, infrastructure and digital connectivity cooperation // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/u-s-japan-joint-statement-advancing-free-open-indo-pacific-energy-infrastructure-digital-connectivity-cooperation/> (дата обращения: 18.02.2020).

22. US President Donald Trump announces revival of QUAD, says working with Pakistan to counter terrorism // Hindustanian Times. – URL: <https://www.hindustanimes.com/india-news/us-president-donald-trump-announces-revival-of-quad-says-working-with-pakistan-to-counter-terrorism/story-ZF3R5YRF54a0yJvIKPF6QM.html> (дата обращения: 18.01.2020).

23. Terada, T. How and why Japan has saved the TPP: From Trump Tower to Davos // The Asan Forum. – URL: <http://www.theasanforum.org/how-and-why-japan-has-saved-the-tpp-from-trump-tower-to-davos/> (дата обращения: 17.02.2020).

24. 藤井敬喜。日米対等。トランプで変わる日本の国防・外交・経済。東京、2017。
Фуджи, Г. Союз Японии и США. Национальная оборона, дипломатия и экономика Японии меняются с Трампом / Г. Фуджи. – Токио, 2017. – 208 с.

25. Joint Statements of the United States and Japan // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-united-states-japan/> (дата обращения: 21.02.2020).
26. U.S.-Japan Trade Agreement Text // Office of the United States Trade Representative. – URL: <https://ustr.gov/countries-regions/japan-korea-аpec/japan/us-japan-trade-agreement-negotiations/us-japan-trade-agreement-text> (дата обращения: 11.02.2020).
27. Khlebnikov, S. 6 Key takeaways from The U.S.-Japan trade deal // *Forbes*. – 2019. – October 8. – URL: <https://www.forbes.com/sites/sergeiklebnikov/2019/10/08/6-key-takeaways-from-the-us-japan-trade-deal/#4b44d36c690c> (дата обращения: 15.02.2020).
28. Bolton, J. *The Room where it happened. A White House Memoir/ J. Bolton*. – [S. I.] : Simon & Schuster, 2020. – 570 p.
29. Johnson, J. Trumped by «The Donald»? Bolton book offers peek into Abe's ties with U.S. leader // *The Japan Times*. – URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/06/23/national/politics-diplomacy/us-donald-trump-john-bolton-book-shinzo-abe/#.XwJAIB1S86V> (02.07.2020).

References

1. Torkunov A. Strategiya administratsii Trampa v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Trump's policy in the Asia Pacific region]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, no. 6, pp. 25–37.
2. Yakovlev P. «Faktor Trampa» i menyayushchiysya oblik globalizatsii [«Trump's factor» and the changing face of globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, no. 7, pp. 5–14.
3. Schoff J. L. *Uncommon Alliance for the Common Good: The United States and Japan After the Cold War*. Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace Publications Department, 2017. 272 p.
4. Kelly R. Obama's legacy: leaving Northeast Asia on a high point. *The Interpreter*, 2017, January 17. Available at: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/obamas-legacy-leaving-northeast-asia-high-point> (accessed 12 January 2020).
5. Garver J.W. *China's Quest: The history of the foreign relations of the People's Republic, revised and updated*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 888 p.
6. Pomfret J. U.S. Concerned about New Japanese Premier Hatoyama. *Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/12/28/AR2009122802271.html?hpid%3Dtopnews&sub=AR> (accessed 11 January 2020).
7. Goldberg J. How Obama views the men and women who (also) rule the world. *The Atlantic*. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-goldberg-world-leaders/473367/> (accessed 12 January 2020).
8. Abiru R. *Abe and Obama: a long road*. Japan Forward. Available at: <https://japan-forward.com/abe-and-obama-a-long-road/> (accessed 13 January 2020).

9. Chen Yo-Jung. US-Japan relations and Obama's visit to Japan. *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2014/04/us-japan-relations-and-obamas-visit-to-japan/> (accessed 12 January 2020).
10. McGregor R. *Asia's Reckoning: The struggle for global dominance*. Penguin books, 2017. 320 p.
11. Backer L. C. The Trans-Pacific partnership: Japan, China, the U.S., and the emerging shape of a new world trade regulatory order. *Washington University Global Studies Law Review*, 2014, vol. 12, iss.1. Available at: https://openscholarship.wustl.edu/law_globalstudies/vol13/iss1/6/ (accessed 12 January 2020).
12. Joint Press Conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan. *The White House, President Barack Obama*. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan> (accessed 13 January 2020).
13. Ford J. The pivot to Asia was Obama's biggest mistake. *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2017/01/the-pivot-to-asia-was-obamas-biggest-mistake/> (accessed 20 May 2020).
14. Hunt J. Japan's pivot from Obama to Trump. *The New Yorker*, 2016, December 9. Available at: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/japans-pivot-from-obama-to-trump> (accessed 15 February 2020).
15. Lobosco K. Trump pulled out of a massive trade deal. Now 11 countries are going ahead without the US. *CNN*, 2018, December 30. Available at: <https://edition.cnn.com/2018/12/29/politics/tpp-trade-trump/index.html> (accessed 16 February 2020).
16. *Trump's policy and Japan*. Tokyo: NHK, 2017. 231 p.]
17. Smith S. A. *Forty-two and counting... The Trump-Abe connection*. *Council on Foreign Affairs*. Available at: <https://www.cfr.org/blog/forty-two-and-countingthe-trump-abe-connection> (accessed 12 May 2020).
18. *Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of the Sixth Tokyo International Conference on African Development (TICAD VI)*. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. Available at: https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html (accessed 21 February 2020).
19. Mehta S. *The free and open Indo-Pacific Strategy: a way forward*. *Asia and the Pacific Policy Society*. Available at: <https://www.policyforum.net/the-free-and-open-indo-pacific-strategy-a-way-forward/> (accessed 23 February 2020).
20. Szechenyi N., Hosoya Y. *Working toward free and open Indo-Pacific*. *Carnegie endowment for international peace*. Available at: <https://carnegieendowment.org/2019/10/10/working-toward-free-and-open-indo-pacific-pub-80023> (accessed 12 February 2020).
21. U.S.-Japan joint statement on advancing a free and open Indo-Pacific through energy, infrastructure and digital connectivity cooperation. *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/u-s-japan-joint-statement-advancing-free->

open-indo-pacific-energy-infrastructure-digital-connectivity-cooperation/ (accessed 18 February 2020).

22. US President Donald Trump announces revival of QUAD, says working with Pakistan to counter terrorism. *Hindustanian Times*. Available at: <https://www.hindustanimes.com/india-news/us-president-donald-trump-announces-revival-of-quad-says-working-with-pakistan-to-counter-terrorism/story-ZF3R5YRF54a0yJvIKPF6QM.html> (accessed 18 February 2020).

23. Terada T. How and why Japan has saved the TPP: From Trump Tower to Davos. *The Asan Forum*. Available at: <http://www.theasanforum.org/how-and-why-japan-has-saved-the-tpp-from-trump-tower-to-davos/> (accessed 17 February 2020).

24. Fujii G. *Japan-US alliance. Japan's national defense, diplomacy and economy change with Trump*. Tokyo, 2017. 208 p.

25. Joint Statements of the United States and Japan. *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-united-states-japan/> (Accessed 21 February 2020).

26. *U.S.-Japan trade agreement text. Office of the United States Trade Representative*. Available at: <https://ustr.gov/countries-regions/japan-korea-apec/japan/us-japan-trade-agreement-negotiations/us-japan-trade-agreement-text> (accessed 11 February 2020).

27. Khlebnikov S. 6 Key Takeaways from The U.S.-Japan Trade Deal. *Forbes*, 2019, October 8. Available at: <https://www.forbes.com/sites/sergeiklebnikov/2019/10/08/6-key-takeaways-from-the-us-japan-trade-deal/#4b44d36c690c> (accessed 15 February 2020).

28. Bolton J. *The room where it happened. A White House Memoir*. Simon & Schuster, 2020. 570 p.

29. Johnson J. Trumped by «The Donald»? Bolton book offers peek into Abe's ties with U.S. leader. *The Japan Times*. Available at: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/06/23/national/politics-diplomacy/us-donald-trump-john-bolton-book-shinzo-abe/#.XwJAIB1S86V> (accessed 2 July 2020).

УДК 343.985.7:343.77

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/84-91>

М. А. Васильева¹, Московская академия Следственного комитета России,
г. Москва, Россия
E-mail: skrf-ecology@mail.ru

ОБСТАНОВКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из элементов криминалистической характеристики экологических преступлений – обстановке преступления. Предложено авторское определение этой категории в широком методологическом смысле, а также в более узком – криминалистическом. Автор, с учётом предложенной им классификации экологических преступлений, раскрывает содержание обстановки экологических преступлений применительно к одной из двух обозначенных им групп таких преступлений. К структуре обстановки экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов, отнесена характеристика места и времени добычи природных ресурсов, характеристика других обстоятельств совершения преступления, приводятся особенности обстановки с учётом данных элементов. В статье обращается внимание на то, что по экологическим преступлениям рассматриваемой группы криминалистическое значение может иметь не только обстановка совершения преступления, но и обстановка преступления в целом, включая обстановку, относящуюся к действиям по подготовке к преступлению, сокрытию его следов и следов преступника. Особое внимание уделено роли знаний следователя о типичной обстановке экологического преступления и возможностей реализации этих знаний при раскрытии и расследовании преступлений рассматриваемой категории.

Ключевые слова: экологическое преступление, природные ресурсы, обстановка преступления, расследование преступления, методика расследования преступлений, незаконная добыча природных ресурсов, место преступления, время преступления, погодные условия, криминалистическая характеристика преступления.

---

¹ Мария Александровна Васильева, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Васильева М. А. Обстановка как элемент криминалистической характеристики экологических преступлений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 1. С. 84–91. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/84-91>.

Maria A. Vasilieva¹, Moscow Academy of the Coherent Committee of Russia,
Moscow, Russia
E-mail: skrf-ecology@mail.ru

SITUATION AS AN ELEMENT OF THE FORENSIC CHARACTERISATION OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Abstract. The article is devoted to the analysis of one of the elements of the forensic characteristic of environmental crimes – the situation of the crime. The author's definition of this category is proposed in a broad methodological sense, as well as in a narrower one – criminal. The author, taking into account his proposed classification of environmental crimes, reveals the content of the environment of environmental crimes in relation to one of the two groups of such crimes designated by him. The structure of the environment of environmental crimes related to the seizure of natural resources includes the characteristics of the place and time of extraction of natural resources, the characteristics of other circumstances of the crime, the peculiarities of the situation are given taking into account these elements. The article draws attention to the fact that for the environmental crimes of the group under consideration, not only the situation of the crime can be of forensic importance, but also the situation of the crime as a whole, including the situation related to the actions to prepare for the crime, concealing its traces and traces of the offender. Particular attention is paid to the role of the investigator's knowledge about the typical environment of an environmental crime and the possibilities of realizing this knowledge in the disclosure and investigation of crimes of the category in question.

Keywords: ecological crime, natural resources, crime situation, crime investigation, technique of investigation of crimes, illegal production of natural resources, crime scene, crime time, weather conditions, criminalistic characteristic of crime.

До сегодняшнего дня в среде учёных-криминалистов не сложилось общего понимания того, какие элементы должны входить в структуру криминалистической характеристики преступлений. Полагаем, что для базовой методики расследования экологических преступлений необходимо и достаточно выделить следующие элементы: способ преступления; характеристика лиц, совершающих экологические преступления; обстановка преступления.

---

¹ Maria Aleksandrovna Vasilieva, Candidate of Law, Associate Professor of the Department Criminalistics, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia.

For citing: Vasilieva M. A. Situation as an element of the forensic characterization of environmental crimes // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. № 1. С. 84–91. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/84-91>.

Обстановка преступлений исследовалась достаточно глубоко не многими криминалистами. Среди наиболее известных работ в этой области необходимо отметить труды В. К. Гавло [1, с. 49], З. И. Кирсанова [2]. Одной из крупных научных работ последних лет (2017 г.), где изучалась обстановка преступления, является диссертация доктора юридических наук А. А. Бессонова. Он справедливо полагает, что обстановка преступления – это система элементов окружающей его объективной реальности (место, время, различные объекты и др.), связь которых с преступным деянием детерминирована предметом посягательства и (или) личностью преступника, оказавшая влияние на формирование способа преступления и его отображение в виде следов, обуславливающая методiku его расследования и установление факта преступления и его участников [3, с. 154]. Считаем, что представленное определение является достаточно содержательным. Остается лишь добавить, что, по нашему мнению, связь обстановки преступления с личностью преступника в той или иной мере прослеживается применительно к любой среде, в которой готовится, совершается, скрывается преступление, хотя её не всегда удается выявить и доказать в ходе расследования.

Представляется, что для апеллирования категорией «обстановка преступления» необходимо отразить нашу позицию на её содержание. Обстановка преступления (в широком методологическом смысле) – это социальный, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический институт, характеризующий материальную и «идеальную» среду, в которой отражаются признаки личности преступника и способа преступления.

В более узком смысле этого термина (криминалистическом) под обстановкой понимается – окружающая преступника и преступление среда, в которой отражаются признаки самого события преступления, его следы, в том числе следы преступника, других участников этого события, способа подготовки, совершения и сокрытия, взаимосвязь между ними, дающие возможность использования их при расследовании в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Позиция автора о сущности и содержании обстановки экологических преступлений затрагивается в монографии [4]. В ней отмечается, что методика расследования экологических преступлений, а тем более криминалистическая характеристика таких преступлений, наиболее эффективны при разработке их не в универсальном виде для всех экологических преступлений, а применительно к двум отличающимся по способу преступления группам: связанные с изъятием природных ресурсов – и не связанные с ним. Эта же логика должна прослеживаться при определении содержания обстановки экологических преступлений. С учётом того, что в количественном отношении основную часть массива экологических преступлений (до 95%) составляют преступления, которые связаны с незаконным изъятием (добычей)

природных ресурсов: незаконные рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов и незаконная охота (ст. ст. 256, 258, 258.1 УК РФ) [5], то в тексте статьи далее обстановка преступлений будет исследована именно применительно к этой группе преступлений.

Обычно в криминалистических трудах указывается только на обстановку именно совершения преступления. Вместе с тем по экологическим преступлениям рассматриваемой группы криминалистическое значение может иметь не только обстановка совершения преступления, но и обстановка преступления в целом, включая обстановку, относящуюся к действиям по подготовке к преступлению, сокрытию его следов и следов преступника, ведь такие деяния традиционно совершаются умышленно. В таком ключе обстановка применительно к рассматриваемой группе преступлений специально ранее ещё не изучалась, её исследование может рассматриваться как одна из актуальных задач современной криминалистической методики, требующих своего разрешения в рамках отдельных монографических работ.

К структуре обстановки экологических преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов, следует, по нашему мнению, относить характеристику места добычи, характеристику времени добычи, характеристику других обстоятельств совершения преступления.

Анализ мест совершения преступлений, связанных с изъятием природных ресурсов, позволяет говорить о том, что место незаконной добычи природных ресурсов представляет собой чаще всего открытую местность, характеризующуюся наличием достаточного объёма природных ресурсов, становящихся объектом преступного посягательства, отсутствием или немногочисленностью очевидцев, имеющую корреляционные связи со способом совершения преступления и связанную с определёнными обстоятельствами обстановки преступления.

Некоторые районы нашей страны традиционно характеризуются сложной оперативной обстановкой в связи с богатством расположенных на этих территориях природных ресурсов: Приморский край, Хабаровский край, Астраханская область, Иркутская область и пр. Так, согласно статистике ГИАЦ МВД России за 2020 г., Дальневосточный федеральный округ, где зарегистрировано за этот отчётный период более 4 700 экологических преступлений, лишь немного уступает признанному лидеру по регистрации экологических преступлений – Сибирскому федеральному округу (5 546 экологических преступлений), оставляет далеко за собой по этому показателю Уральский (1 654 преступлений), Южный (2 540 преступлений), Центральный (2 065 преступлений) и Северо-Западный федеральные округа (1 624 преступления) [5].

Отдельные обстоятельства обстановки, связанные с местом совершения преступления, так же как в некоторых случаях и связанные со временем преступления, имеют квалифицирующее значение (например, совершаемые в местах нереста или

на миграционных путях к ним, в открытом море или в запретных зонах, на особо охраняемой природной территории).

Как отмечает большинство авторов, исследовавших вопросы совершения экологических преступлений, а также на основе анализа собранных нами материалов, рассматриваемые противоправные деяния совершаются в течение всего года, но характеризуются сезонностью – минимальными показателями совершений таких преступлений летом, при этом повышенным количеством регистраций этих деяний в определённый период года: для незаконной рубки и охоты – зима, для незаконной добычи водных биоресурсов, в зависимости от вида ресурса, – весна или осень.

Характеристика обстановки преступления в научных трудах в основном ограничивается описанием типичного места и времени преступления. Полагаем, что эти два элемента обстановки не являются исчерпывающими и могут быть дополнены, например, метеоусловиями при подготовке, совершении и сокрытии преступления. Действительно, погодные условия влияют на возможность совершения экологических преступлений рассматриваемой группы. Например, порывистый и сильный ветер может не позволить повалить дерево в нужном направлении и создаёт опасность для жизни вальщика; при очень ветреной погоде возникают большие волны, которые отпугивают рыбу и не позволяют осуществить её добычу; сильный ветер притупляет запах следов животных, при этом они заматаются, ухудшается слышимость в лесу, и это не всегда позволяет понять направление гона, услышать приближение лиц, осуществляющих контроль за законностью промысла.

Зависимость незаконных рубок от погодных условий отмечена И. А. Фоминой. Она указала, что в 93% случаев время совершения незаконной рубки лесных насаждений определялось виновными с учётом благоприятности метеоусловий [6, с. 230]. Эта позиция согласуется с результатами исследования А. А. Бессонова (отметившего, что время совершения незаконного вылова определяется наличием благоприятных погодных условий), а также с полученными нами результатами анализа материалов уголовных дел. Зависимость начала реализации способа совершения преступления от удобных для виновного погодных условий прослеживалась в изученных нами делах примерно в половине случаев. Но этот показатель мог бы быть значительно выше при более подробном отражении в протоколах допросов подозреваемых (обвиняемых) и иных участников уголовного судопроизводства именно этого обстоятельства.

Выбор удобных для совершения преступления погодных условий в некоторых случаях оказывается благоприятным для обнаружения и фиксации следов преступления сотрудниками правоохранительных органов. Так, гр. Г. на автомобиле был остановлен егерем в охотничьих угодьях. На вопрос о том, на каком основании им осуществлена охота (в машине виднелась туша животного), документов, подтверждающих законность добычи, не предъявил, пояснил, что это мясо купленного им

барана, охоту не осуществлял. В связи с тем, что накануне происшествия шёл снег и других следов, кроме следов автомашины Г. и следов его обуви в районе, где было обнаружено место добычи косули, не было, удалось собрать доказательства, подтверждающие виновность Г. и привлечь его к ответственности [7].

Благоприятные погодные условия позволяют, кроме всего, использовать для фиксации обстановки происшествия квадракоптеры [8, с. 142], иные современные способы получения и фиксации информации [9, с. 367].

Таким образом, информация об обстановке преступления используется лицом, совершающим экологические преступления, а также и правоохранительными органами при предотвращении, выявлении, расследовании преступлений рассматриваемой категории.

Знание следователем обстановки экологического преступления, с учётом наличия взаимосвязи и взаимозависимости между элементами криминалистической характеристики преступлений, позволяет ему в условиях расследования конкретного уголовного дела на основании полученной на определённом этапе расследования информации выдвигать обоснованные версии о содержании остальных двух элементов (способа незаконной добычи природных ресурсов, личности преступника). Осведомлённость о содержании типичной обстановки таких преступлений может способствовать более эффективной организации их выявления, что немаловажно при существующем высоком уровне латентности преступлений этой категории. Более того, сведения об обстановке экологических преступлений могут быть полезны при планировании мер профилактического характера, в частности их места, времени начала, продолжительности и т. д. Изложенное позволяет заключить, что, понимая сущность обстановки экологического преступления, зная её типовую характеристику, сотрудники правоохранительных органов могут действовать более эффективно и тем самым улучшить ситуацию расследования экологического преступления, а также решить одну из важнейших задач расследования – задачу установления виновности в совершённом преступлении лица, установления иных обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Список литературы

1. Гавло, В. К. Обстановка преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступления // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений : сборник научных трудов / отв. ред. Д. А. Турчин. – Иркутск, 1980. С. 49–50.
2. Кирсанов, З. И. Теоретические основы криминалистики : учебное пособие / З. И. Кирсанов. – Москва : Войсковая часть 33965, 1998. – 201 с.
3. Бессонов, А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Бессонов. – Москва, 2017. – 456 с.

4. Васильева, М. А. Методика расследования преступлений в сфере экологии : монография / М. А. Васильева. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 184 с. – ISBN 978-5-4396-2154-5.

5. ГИАЦ МВД России. Сборник по Российской Федерации. Раздел 1 : Сведения о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях за январь – декабрь 2020 г. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 04.03.2021).

6. Фомина, И. А. Методика расследования незаконной рубки лесных насаждений (по материалам регионов Восточной Сибири) : дис. ... канд. юрид. наук И. А. Фомина. – Москва, 2011. – 250 с.

7. Решение Катайского районного суда Курганской области от 14 февраля 2018 г. по делу № 12-5/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vK1vEnbQfZWv/> (дата обращения: 04.03.2021).

8. Васильева, М. А. Дистанционный мониторинг в расследовании незаконных рубок лесных насаждений // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2014. – № 3 (26). – С. 142–146.

9. Васильева, М. А. Использование специальных знаний при осмотре места происшествия по факту незаконной рубки лесных насаждений (по материалам Дальневосточного федерального округа) / М. А. Васильева, Ю. Г. Овчинников // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 5 (16). – С. 367–371.

10. Васильева, М. А. К вопросу об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о незаконной добыче водных биоресурсов и рубке лесных насаждений / М. А. Васильева, Е. В. Зубенко // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 504–509.

References

1. Gavlo V. K. Obstanovka prestupleniya kak strukturnyi komponent kriminalisticheskoi kharakteristiki prestupleniya [The situation of crime as a structural component of the criminalistic characteristics of a crime]. In: Turchin D.A., ed. *Problemy sovershenstvovaniya taktiki i metodiki rassledovaniya prestuplenii: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of improving tactics and methods of investigating crimes: a collection of scientific papers]. Irkutsk, 1980, pp. 49–50.

2. Kirsanov Z. I. Teoreticheskie osnovy kriminalistiki: uchebnoe posobie [Theoretical foundations of criminalistics: a tutorial]. Moscow: Voiskovaya chast' 33965 Publ., 1998. 201 p.

3. Bessonov A. A. *Chastnaya teoriya kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii* [Private theory of criminalistic characteristics of crimes] / Doct. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2017. 456 p.

4. Vasil'eva M. A. *Metodika rassledovaniya prestuplenii v sfere ekologii: monografiya* [Methods of investigation of crimes in the sphere of ecology]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 184 p. ISBN 978-5-4396-2154-5.

5. *GLATs Ministry of Internal Affairs of Russia. Collection of the Russian Federation. Section 1: Information on registered, solved and unsolved crimes for January–December 2020*. Available at: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (accessed 04 March 2021). (In Russian).

6. Fomina I. A. *Metodika rassledovaniya nezakonnoi rubki lesnykh nasazhdenii (po materialam regionov Vostochnoi Sibiri)* [Methods of investigating illegal felling of forest plantations (based on materials from the regions of Eastern Siberia)]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Moscow, 2011. 250 p.

7. *The decision of the Kataysky District Court of the Kurgan Region of February 14, 2018 in case No. 12-5/2018*. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/vK1vEnbQfZWv/> (accessed 04 March 2021). (In Russian).

8. Vasilyeva M. A. Distantnyy monitoring v rassledovanii nezakonnykh rubok lesnykh nasazhdenii [Remote monitoring in the investigation of illegal logging of forest plantations]. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2014, no. 3 (26), pp. 142–146.

9. Vasilyeva M. A., Ovchinnikov Yu.G. Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri osmotre mesta proisshestiya po faktu nezakonnoi rubki lesnykh nasazhdenii (po materialam Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga) [Using special knowledge when inspecting the scene of the incident on the fact of illegal felling of forest plantations (based on materials from the Far Eastern Federal District)]. *Biblioteka kriminalista*, 2014, no. 5 (16), pp. 367–371.

10. Vasilyeva M. A., Zubenko E. V. K voprosu ob ustanovlenii obstayatel'stv, podlezhashchikh dokazyvaniyu po ugovolnym delam o nezakonnoi dobyche vodnykh bioresursov i rubke lesnykh nasazhdenii [On the issue of establishing the circumstances to be proven in criminal cases of illegal extraction of aquatic biological resources and felling of forest plantations]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2019, vol. 27, iss. 4, pp. 504–509.

УДК 347.4:336.5/.6

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/92-103>

М. В. Белобородов¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

E-mail: beloborodov.mv@dvfu.ru

ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ГАРАНТИИ КАК СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА РЫНКЕ ПУБЛИЧНЫХ ТОРГОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правового статуса независимой гарантии, являющейся способом обеспечения добросовестности исполнения контрактных обязательств, на рынке государственных (муниципальных) торгов и на рынке корпоративных закупок, а также анализу практики рассмотрения споров при исполнении контрактов. В этой связи следует отметить, что на этапе современного развития государства именно независимая гарантия (ранее она называлась банковской) является эффективным инструментом защиты интересов заказчика от поведения недобросовестного исполнителя контракта. Сущность независимой гарантии заключается в том, что она выступает в качестве некой «подушки безопасности» для заказчика в сфере закупок товаров, работ и услуг. Указанный правовой механизм впервые появился в законе № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» и в дальнейшем благополучно перешёл на торги в контрактной системе и в сфере закупок для нужд госкорпораций и предприятий-субъектов естественных монополий. Поэтому он показал свою эффективность в качестве надёжного способа обеспечения обязательств. Однако приходится признать, что встречаются случаи злоупотребления со стороны недобросовестных поставщиков (исполнителей, подрядчиков) – как при предъявлении недействительных документов (что приводит к дискриминации данного механизма и снижению уровня защищённости заказчика на рынке публичных торгов), так и в практике освобождения от ответственности при рассмотрении споров в арбитражных судах. В статье на основе анализа законодательства и примерах судебной практики делается вывод о необходимости усиле-

---

¹ Максим Владимирович Белобородов, кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Белобородов М. В. Правовое содержание независимой гарантии как способа обеспечения обязательств на рынке публичных торгов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2021. № 1. С. 92–103. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/92-103>.

ния гражданско-правовой ответственности недобросовестных исполнителей контрактов, а также законодательного закрепления дополнительных оснований проверки достоверных документов.

Ключевые слова: независимая гарантия, банковская гарантия, защита интересов заказчика, недобросовестный участник торгов, контракт, злоупотребление гражданскими правами, нормативно-правовое регулирование, принципал, гарант, бенефициар.

Maxim V. Beloborodov¹, Far Eastern Federal University¹, Vladivostok, Russia
E-mail: beloborodov.mv@dvvfu.ru

LEGAL SUBSTANCE OF AN INDEPENDENT GUARANTEE AS A METHOD TO ENSURE COMPLETION OF COMMITMENTS IN THE PUBLIC PROCUREMENT MARKET

Abstract. The article is devoted to the study of the legal status of an independent guarantee, which is a method of ensuring good faith in the performance of contractual commitments, in the public and corporate procurement markets, and the analysis of judicial practice in the consideration of obligations completion. In that regard, it is worth noting that in the current development phase of State it is the independent guarantee (formerly known as a bank guarantee) that is an effective tool used to safeguard the contracting authority interests from the breach of contract by the unscrupulous bidder. With regard to procurement of goods, works and services the meaning of the independent guarantee is close to a “Safety Cushion” for the client. This legal mechanism was first mentioned in the Federal Law N 94-FZ «On the order placement in the Procurement of Goods, Works, Services for the Provision of State and Municipal Needs», later it was successfully implemented in tendering through contractual arrangements and in procurement for the needs of state corporations and enterprises – natural monopolies. It has thus proved its effectiveness as a secure way of ensuring contractual commitments. However, it must be acknowledged that there are cases of abuse by unscrupulous vendors (contractors) when they submit invalid documents, which in its turn results in discrimination of this particular mechanism and decrease of customer’s security level in the public procurement market, or when there is a practice of exemption from liability when adjudicating disputes through Arbitration. Based on the analysis of legislation and jurisprudence the article un-

---

¹ Maxim V. Beloborodov, PhD in Economics, The Associate Professor of the Department of Civil Law and Process, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Beloborodov M. V. Legal substance of an independent guarantee as a method to ensure completion of commitments in the public procurement market // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2021. № 1. P. 92–103. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/92-103>.

derlines the necessity to strengthen the unscrupulous contract holders' civil liability and to incorporate into law the additional grounds for verification of authentic documents.

Keywords: independent guarantee, bank guarantee, to safeguard the contracting authority interests, unscrupulous bidder, contractual commitments, misuse of civil rights, regulatory framework, principal, guarantor, beneficiary, corporate procurement.

Впервые об институте банковской гарантии упоминается в первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), до этого времени отсутствовало закрепление данного понятия и, как правильно отметил И. С. Попов, банковская гарантия не являлась самостоятельным институтом, а выступала лишь как поручительство [1 с. 41–48], но с 1994 г. банковская гарантия стала считаться самостоятельным институтом гражданского права. Исходя из положений ст. 369 ГК РФ [2], именно посредством банковской гарантии обеспечивалось надлежащее исполнение обязательств принципала перед бенефициарием.

Исходя из смысла положений ст. 369 ГК РФ, как считает Ю. С. Поваров, до указанного времени арбитражные суды при рассмотрении судебных споров рекомендовали участникам прописывать фразу о том, какие именно обязательства возникают между контрагентами при заключении контракта [3 с. 36–38].

Таким образом, участниками гражданских правоотношений приходилось детально прописывать условия и порядок исполнения обеспечения контракта в целях исключения неверного юридического и лингвистического понимания обязательств сторон при возникновении корпоративных споров.

После очередного реформирования, с 1 июля 2015 г., институту банковской гарантии был посвящён параграф 23 ГК РФ, а термин «банковская гарантия» переименовалась в «независимую гарантию».

Так, по мнению В. А. Белова, изменение наименования банковской гарантии в независимую вызвано новой процедурой выдачи финансовых документов. Например, ранее выдать банковскую гарантию имела право исключительно кредитная организация, а в настоящее время данное право предоставлено иным кредитным организациям, к которым могут относиться и страховые учреждения [4, с. 4–7].

Представляется понятным, что расширение круга организаций, имеющих право выдавать независимую гарантию как способ обеспечения обязательств, увеличивает и риски предоставления недействительных документов.

По нашему мнению, изменениями в гражданском законодательстве были установлены лишь обязательные условия, предъявляемые к независимой гарантии. Так, следует отметить, что перечень существенных условий независимой гарантии сформулирован на основании сложившейся практики рассмотрения споров о признании банковской гарантии недействительной.

Как отражено в пункте 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 23.03.2012 № 14 [5], необходимость указания в банковской гарантии срока её выдачи и обязательств, которые она обеспечивает, должна относиться к обязательным условиям.

Полный перечень требований к независимой гарантии указан в статье 368 ГК РФ и изложен в следующей редакции:

1. По независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) денежную сумму в соответствии с условиями, данными гарантом. Требование об определённой денежной сумме считается соблюденным, если условия независимой гарантии позволяют установить подлежащую выплате денежную сумму на момент исполнения обязательства гарантом.

2. Независимая гарантия выдаётся в письменной форме (пункт 2 статьи 434), позволяющей достоверно определить условия гарантии и удостовериться в подлинности её выдачи определённым лицом в порядке, установленном законодательством, обычаями или соглашением гаранта с бенефициаром.

3. Независимые гарантии могут выдаваться банками или иными кредитными организациями (банковские гарантии), а также другими коммерческими организациями.

К обязательствам лиц, не указанных в абзаце первом настоящего пункта и выдавших независимую гарантию, применяются правила о договоре поручительства.

4. В независимой гарантии должны быть указаны: дата выдачи; принципал; бенефициар и гарант; основное обязательство, исполнение по которому обеспечивается гарантией; денежная сумма, подлежащая выплате, или порядок её определения; срок действия гарантии; обстоятельства, при наступлении которых должна быть выплачена сумма гарантии.

Из сказанного выше видно, что одно из требований независимой гарантии – возможность внесения условия об уменьшении или увеличении суммы гарантии при наступлении определённого срока или определённого события.

Так, благодаря законодательному закреплению существенных условий независимой гарантии снижается возможность признания её недействительной.

Следующим существенным изменением в законодательстве стало отличие по её независимости от основных гражданских обязательств, а также возможность её отзыва, либо изменения со стороны гаранта по требованию бенефициара. В этой связи, к независимой гарантии представляется необходимым требование приложения дополнительных документов, обеспечивающих возможность проверки со стороны принципала.

Следующим новшеством института независимой гарантии стало закрепление возможности передачи имущественных прав иному лицу.

Таким образом, просматривая историю возникновения института банковской гарантии в российском законодательстве, следует отметить, что как самостоятельный способ обеспечения обязательств данный механизм сформировался относительно недавно [7, с. 47].

При рассмотрении юридических признаков, позволяющих отличить независимую гарантию от иных гражданских обязательств, следует констатировать, что изменения в Гражданском кодексе в 2015 г. сразу отразились на практике применения банковской гарантии.

Прежде чем рассмотреть отличительные признаки, характеризующие независимую гарантию, обратимся к описанию положений ГК РФ. Согласно ст. 368 ГК РФ, гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определённую денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства, независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства. При этом в качестве обеспечения могут выступать как вещи и облигации, так и иные финансовые документы, объединённые общими родовыми признаками.

В ГК закреплены существенные условия независимой гарантии и её составляющие элементы.

В настоящее время расширен субъектный состав независимой гарантии, и в качестве гаранта могут выступать не только банковская организация, но и кредитная организация, в том числе страховая. Указанное новшество гражданского законодательства позволяет использовать независимую гарантию в различных гражданско-правовых отношениях [8, с. 89], поскольку ГК РФ определил границы применения независимости гарантии, что не даёт возможности гаранту предъявить к бенефициару дополнительные возражения либо сослаться на обстоятельства, не изложенные в гарантии.

Другим отличительным признаком является то обстоятельство, что само обеспечение не прекращается после закрытия основного обязательства и гарантия продолжает действовать в случае признания главного обязательства недействительным. Данная позиция изложена, в частности, Л. Г. Ефимовой [9, с. 118].

Но имеются и другие научные позиции, считающие формулировку ст. 370 ГК РФ ошибочной. Так, А. Л. Меламед, являющийся противником теории акцессорного обязательства, утверждает, что независимая гарантия, несмотря на своё название «независимая», не может быть полностью независима от основного обязательства, так как, предъявляя требование о выплате по банковской гарантии, бенефициар должен обосновать, в чём именно заключалось нарушение основного обязательства [10, с. 12–14].

Важным признаком, характеризующим независимую гарантию, является также возможность её отзыва, отказа в принятии и оснований прекращения действия в случаях, регламентированных законом (ч. 1 ст. 378 ГК РФ).

В сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд») [11], статья 44 прямо отсылает к обязанности дополнительно опираться на ведомственные нормативные акты, которыми являются соответствующие постановления Правительства РФ, а также иные нормативные акты [12].

В то же время заказчики, работающие в соответствии с Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», пользуются исключительно нормами главы 6 ГК РФ, а также, согласно ч. 3 ст. № 223-ФЗ, собственными Положениями, которые утверждаются вышестоящим органом заказчика.

Именно в этом независимая гарантия как способ обеспечения обязательств на публичных торгах имеет свои особенности, а также и недостатки.

Так, если положения ст. 376 ГК РФ предусматривают возможность отказа гарантом бенефициару в удовлетворении требования выплаты по независимой гарантии, а среди перечня подобных оснований указано предоставление неполного пакета необходимых документов, а также обращение бенефициара к гаранту за выходом предела срока действия гарантии, то, согласно мнению Р. И. Романова, данная норма имеет недостатки и ставит под сомнение добросовестность действий бенефициара. Компенсируя бенефициару столь сомнительную норму закона, законодатель предоставляет гаранту право не только отказать в оплате по предъявленному требованию, но и даёт возможность приостановить исполнение до уточнения возникших вопросов, связанных с исполнением главного обязательства [12, с. 34–35].

В свою очередь, законодательство в сфере публичных закупок не даёт подобной возможности со стороны гаранта отказаться от удовлетворения заявленного бенефициаром денежного требования. Конечно, риски финансовой организации, выдавшей независимую гарантию как обеспечение исполнения заключенного контракта, велики, но и сама по себе независимая гарантия является рискованым инструментом, в связи с чем должны предъявляться высокие требования к благонадёжности поведения принципала и его добросовестности.

Среди плюсов независимой гарантии следует указать следующие характерные признаки:

- расширение в ГК РФ круга лиц, выступающих в качестве гаранта (исключение статьи 369), в отличие от п. 1 ст. 45 ФЗ № 44, где гарантом может выступать исключительно банковская организация, включённая в специальный реестр и не находящаяся в стадии рискованных операций.

Подобное требование может уменьшить риск представления недействительных гарантий на рынке публичных закупок, кроме того заказчику предоставлена возможность связаться с кредитной организацией и проверить подлинность гарантии,

но встречаются случаи, когда необходимо взыскать суммы, обеспечивающие покрытие убытков, значительно превышающих размер обеспечения контракта, в сумме не более 30% от начальной (максимальной) цены контракта.

Но, тем не менее, для исполнителя контракта использование банковской гарантии в качестве обеспечения исполнения обязательства является более привлекательным способом, в отличие от прямого внесения на расчётный счёт заказчика дополнительных денежных средств.

В этой связи, банковская гарантия, используемая в сфере публичных закупок, должна отвечать чётким требованиям, установленным, помимо основных законов, соответствующим Постановлением Правительства РФ [13].

Ранее судебная практика складывалась следующим образом: арбитражные суды признавали незаконными действия заказчиков, которые отказывались принимать гарантию, не отвечающую типовой форме, но в настоящее время, после усиления требований к её форме и содержанию, интересы заказчика оказались более защищёнными.

В этой связи следует сделать вывод о том, что банковская гарантия, применяемая на рынке публичных торгов, стала больше отвечать интересам заказчика.

Рассматривая перспективы дальнейшего развития данного института, мы считаем, что в банковской гарантии следует прописать более чёткий перечень обстоятельств, наступление которых даёт возможность предъявления требований об основании выплаты обеспечения. По этому вопросу интересной считается позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенная в Постановлении от 02.10.2012 г. № 6040/12, о том, что банк обязан осуществить выплаты по банковской гарантии при любом нарушении обеспеченного гарантией обязательства, единственным исключением считается случай, когда в тексте прямо указано на ограничение ответственности гаранта при нарушении принципалом обеспеченного обязательства.

Итак, ФЗ № 44 прямо закрепляет условия, которым должна соответствовать банковская гарантия, и гарант не вправе предусматривать иные условия, которые ограничивают его ответственность.

Но для усиления ответственности принципала предлагается необходимым внести изменения в ст. 45 ФЗ № 44 в части увеличения сроков действия банковской гарантии после окончания контракта, что является актуальным на рынке подрядных работ в строительстве, это позволит максимально соблюсти интересы заказчика при необходимости исправления недостатков выполненных работ.

По нашему мнению, было бы справедливым предусмотреть в законодательстве о закупках правило, согласно которому в конкурсную документацию возможно включать требование о необходимости предоставления предварительного договора с гарантом на предоставление банковской гарантии в случае победы участника на

торгах, что позволит заказчику реально оценивать возможность платёжеспособности потенциального исполнителя.

Так, в ст. 373 ГК РФ законодатель предусматривает подобную возможность выдавать предварительную гарантию, где указывается начало срока её действия. Но, несмотря на урегулирование данного вопроса в гражданском законодательстве РФ, в специальном законодательстве о закупках подобное условие отсутствует.

Проведённый в статье анализ правовых признаков, характеризующих независимую гарантию как средство обеспечения исполнения, позволяет сделать вывод, что на рынке закупок банковская гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств характеризуется повышенным уровнем надёжности. При этом универсальный характер независимой банковской гарантии даёт право её использования в различных областях гражданско-правовых отношений.

Тем не менее, несмотря на законодательное закрепление существенных условий независимой гарантии, законодатель так и не предусмотрел разрешение вопроса о последствиях невключения существенных условий (недействительность гарантии, невосникновение гарантийного обязательства и пр.), имеющих практическое значение.

По нашему мнению, расширение круга лиц, имеющих право выдавать независимую банковскую гарантию, как способ обеспечения исполнения обязательств увеличивает риски неисполнения обязательств и подделку независимых банковских гарантий.

Анализируя правоприменительную практику споров, возникающих при использовании банковской гарантии в сфере закупок положений Закона РФ № 223-ФЗ, можно опираться на позицию антимонопольных органов.

Так, в Решении Комиссии Московского УФАС при рассмотрении материалов в отношении победителя торгов, у которого корпоративный заказчик отказался принять гарантию, сказано, если в положении о закупке не предусмотрены требования об установлении нескольких способов обеспечения исполнения обязательств, а также не установлена обязанность устанавливать способ обеспечения, то поставщик самостоятельно определяет наиболее приемлемые способы обеспечения исполнения обязательства. Таким образом, заказчик не вправе ограничивать количество банков для представления банковских гарантий. Кроме того, если заказчик устанавливает закрытый перечень, он ограничивает конкуренцию и дискриминирует права участников аукциона [15].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

Независимая гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств характеризуется повышенным уровнем надёжности, и в отношении правового регулирования независимой гарантии необходимо отметить, что специальными законами регламентированы особенности применения гарантии в зависимости от правовой сферы тех или иных правоотношений.

К сожалению, несмотря на кажущуюся полноту правовой регламентации независимой гарантии, на сегодняшний день многие вопросы, связанные с практикой применения, остаются нерешёнными, и тогда на помощь приходит анализ уже имеющейся правоприменительной практики.

Тем не менее, несмотря на императивное закрепление существенных условий независимой гарантии, на сегодняшний день законодатель не предусмотрел вопрос о последствиях невключения в гарантию определённых существенных условий (недействительность гарантии, отсутствие возникновения гарантийного обязательства и пр.), имеющих практическое значение.

По нашему мнению, расширение круга лиц, имеющих право выдавать независимую гарантию, увеличивает риски неисполнения обязательств и подделку независимых гарантий.

На рынке публичных торгов, где контракт действует до полного исполнения сторонами своих обязательств, законодатель связывает срок действия банковской гарантии именно с конечным сроком поставки товара, выполнения работ или оказания услуг, и не более.

Было бы целесообразным внести изменения в законодательство о закупках и увеличить срок действия банковской гарантии и после окончания срока действия контракта, и таким образом будут более полно соблюдены интересы заказчика.

Полагаем, что было бы справедливым предусмотреть в законодательстве о закупках правило, согласно которому в конкурсную документацию может включаться условие о необходимости предоставления предварительного договора о выдаче банковской гарантии в случае победы участника на торгах. Это бы позволило заказчику оценивать добросовестность и платёжеспособность потенциального победителя.

Проведённый нами анализ судебной практики и практики рассмотрения дел антимонопольными органами позволил отметить особенности практики обеспечения обязательств посредством независимой гарантии на рынке публичных закупок. Поскольку данный институт сформировался сравнительно недавно, но вызывает повышенный интерес как у заказчиков, так и у исполнителей контрактов, то помимо положений ГК РФ его применение регламентируется специальным законодательством. Но, несмотря на кажущуюся полноту правовой регламентации, продолжают возникать вопросы, связанные с практикой применения, в связи с чем пробел восполняется именно судебной практикой и практикой рассмотрения обращений в антимонопольные органы. И, несмотря на достаточную рискованность в сравнении с другими способами обеспечения обязательств в сфере закупок, данный правовой механизм достаточно удобен как для заказчика, так и для победителя торгов.

Список литературы

1. Попов, И. С. Развитие института гарантии в современном российском праве // Банковское право. – 2015. – № 1. – С. 41–48.
2. Поваров, Ю. С. Содержание банковской (независимой) гарантии // Банковское право. – 2015. – № 2. – С. 36–38.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 27.01.2021).
4. Белов, В. А. Независимая гарантия в измененном Гражданском кодексе Российской Федерации и актах – источниках международного торгового права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 4. – С. 4–7.
5. Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 марта 2012 года № 14 // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128245/ (дата обращения: 27.01.2021).
6. Шолохова, А. С. Трансформация института банковской/независимой гарантии // Наука и образование: новое время. – 2017. – № 5 (6). – С. 47–48.
7. Гринь, О. С. Мониторинг изменений гражданского законодательства о личных обеспечительных конструкциях // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3. – С. 89–94.
8. Ефимова, Л. Г. Банковская гарантия: понятие и практическая применимость // Хозяйство и право. – 2016. – № 3. – С. 118–119.
9. Меламед, А. Л. Банковская гарантия – новый институт в российском законодательстве // Российская юстиция. – 2015. № 7. – С. 12–14.
10. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 08 декабря 2020 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 27.01.2021).
11. О действии банковской гарантии, предоставленной для обеспечения исполнения государственного (муниципального) контракта : письмо Минфина России от 21 апреля 2020 г. № 24-03-07/31971 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=195469#03367371798276455> (дата обращения: 27.01.2021).
12. Романов, Р. И. Независимость банковской гарантии // Новый юридический журнал. – 2017. – № 1. – С. 34–35.
13. О банковских гарантиях, используемых для целей Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» : постановление Правительства РФ от 8 но-

ября 2013 г. № 1005 // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154374/ (дата обращения: 27.01.2021).

14. Решение Московского УФАС России от 24 апреля 2019 г. № 1-00-220/77-19. – URL: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/96a26d8c-ff82-4644-ab49-4ecdb186b318/?query=> (дата обращения: 27.01.2021).

References

1. Popov I. S. Razvitie instituta garantii v sovremennom rossiiskom prave [Development of guarantees in contemporary Russian law]. *Bankovskoe parvo*, 2015, no. 1, pp. 41–48.

2. Povarov Y. S. Soderzhanie bankovskoi (nezavisimoi) garantii [Content of a bank (independent) guarantee]. *Bankovskoe parvo*, 2015, no. 2, pp. 36–38.

3. *The Russian Federation Civil Code (Part 1): Federal law of 30.11.1994 N51-FZ (ed. 08.12.2020)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed 27 January 2021). (In Russian).

4. Belov V. A. Nezavisimaya garantiya v izmenennom Grazhdanskom kodekse Rossiiskoi Federatsii i aktakh – istochnikakh mezhdunarodnogo torgovogo prava [Independent guarantee in the amended Russian Federation Civil Code and acts – the source of International Commercial law]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2016, no. 4, pp. 4–7.

5. *On certain issues related to the practice of dispute resolution concerning legality of bank guarantee: Decision of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 23 March, 2012 № 14*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128245/ (accessed 27 January 2021). (In Russian).

6. Sholohova A. S. Transformatsiya instituta bankovskoi/nezavisimoi garantii [Transformation of the institution of bank / independent guarantee]. *Nauka i obrazovanie: novoe vremya*, 2017, no. 5 (6), pp. 47–48.

7. Grin O. S. Monitoring izmenenii grazhdanskogo zakonodatel'stva o lichnykh obespechitel'nykh konstruktsiyakh [Monitoring of change in the civil legislation concerning interim measures]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2015, no. 3, pp. 89–94.

8. Efimova L. G. Bankovskaya garantiya: ponyatie i prakticheskaya primenimost' [Bank guarantee: the notion and its practical applicability]. *Khozyaistvo i pravo*, 2016, no. 3, pp. 118–119.

9. Melamed A. L. Bankovskaya garantiya – novyi institut v rossiiskom zakonodatel'stve [Bank guarantee – the new institution in Russian legislation]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2015, no. 7, pp. 12–14.

10. *Federal Law of 05.04.2013 N 44-FZ «On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services for the Provision of State and Municipal Needs» (ed. 08.12.2020)*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed 27 January 2021). (In Russian).

11. *Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 21.04.2020 № 24-03-07/31971 «On the validity of the bank guarantee granted for the performance of the State (municipal) contract»*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=195469#03367371798276455> (accessed 27 January 2021). (In Russian).

12. Romanov R. I. *Nezavisimost' bankovskoi garantii* [Independence of a bank guarantee]. *Novyi yuridicheskii zhurnal*, 2017, no. 1, pp. 34–35.

13. *The Russian Federation Government resolution of 08.11.2013 N 1005 «On bank guarantee used for the purposes of Federal Law «On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services for the Provision of State and Municipal Needs»*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154374/ (accessed 27 January 2021). (In Russian).

14. *The resolution of the Federal Antimonopoly Service of Russia in Moscow of 24 April, 2019 №1-00-220/77-19*. Available at: <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/96a26d8c-ff82-4644-ab49-4ecdb186b318/?query=> (accessed 27 January 2021). (In Russian).

УДК 347.961:004

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/104-114>

М. Г. Холкина¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kholkina.mg@dvf.ru

А. Г. Кравченко²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kravchenko.ag@dvf.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НОТАРИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а) «Правовая политика российского государства, её приоритеты и принципы в условиях цифровой экономики и цифрового технологического уклада: концептуальные, методологические, отраслевые аспекты цифровизации права и правового регулирования». Авторы рассматривают тенденции изменения действующего российского законодательства в связи с развитием электронных форм нотариальной деятельности, обобщают существующие доктринальные наработки и проводят перспективный анализ законодательных новелл в сфере электронного нотариата, выявляют соответствующие риски и правовые пробелы, формулируют возможные пути их решения.

Ключевые слова: цифровая экономика, нотариат, электронная доверенность, электронная подпись, порок воли, электронный документ, электронная сделка, единая информационная система, электронные доказательства, удалённое обращение.

---

¹ Холкина Марина Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Кравченко Артур Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Холкина М. Г., Кравченко А. Г. Правовое регулирование нотариальных действий в условиях становления цифровой экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2021. № 1. С. 104–114. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/104-114>.

Marina G. Kholkina¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kholkina.mg@dvfu.ru

Artur G. Kravchenko², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kravchenko.ag@dvfu.ru

LEGAL REGULATION OF NOTARIAL ACTIONS IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. The article was prepared with the financial support of the RFBR grant No. 19-011-00820 (a) "Legal policy of the Russian state, its priorities and principles in the digital economy and digital technological paradigm: conceptual, methodological, sectoral aspects of digitalization of law and legal regulation". The authors consider the tendencies of changes in the current Russian legislation in connection with the development of electronic forms of notarial activity, summarize the existing doctrinal developments and conduct a prospective analysis of legislative innovations in the field of electronic notaries, identify the corresponding risks and legal gaps, formulate possible ways of them solutions.

Key words: digital economy, notary, electronic trust, electronic signature, flaw of will, electronic document, electronic transaction, unified information system, electronic evidence, remote handling.

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий в экономической сфере актуализировало необходимость приведения в соответствие действующего правового регулирования и реально складывающихся общественных отношений – в области использования информационных технологий – не только в сфере гражданско-правового оборота, но и сопутствующих экономике областях. Одним из таких направлений является нотариальная деятельность по сопровождению экономического документооборота.

Зарубежный опыт электронного нотариата берет своё начало с 1980-х гг. [1, с. 42]. В свою очередь, в России развитие электронных форм нотариальных действий, связанных с развитием цифровой экономической среды, получило своё рас-

---

¹ Kholkina Marina Gennadiyevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Kravchenko Artur Georgievich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kholkina M. G., Kravchenko A. G. Legal regulation of notarial actions in the conditions of the formation of the digital economy // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 1. С. 104–114. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/104-114>.

пространение с начала 2000-х гг. и по сегодняшний день происходит в довольно сжатые сроки и очень динамично.

Правовая политика, осуществляемая Российской Федерацией в широком спектре общественных отношений экономического и околоэкономического характера в рамках государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [2], затронула в том числе и вопросы деятельности нотариата, придав в 2019 г. его электронной форме новый импульс развития [3], что отразилось в федеральном законе от 27.12.2019 № 480-ФЗ.

Новеллы данного закона определяли возможность удаленного обращения заявителя и дистанционной выдачи сведений (документов) о совершении нотариальных действий в предусмотренных законом случаях, хранения электронных документов путём создания единого нотариального цифрового архива, что позволяет решить проблемы утраты и фальсификации документов – как на бумажных носителях, так и электронном виде. Значительный прорыв наблюдается и в решении ранее существовавшей проблемы неактуальных документов, например, отозванных доверенностей, завещаний [4, с. 303–308.].

Законодательные изменения в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.05.2020) вносили ряд новелл в цифровую форму нотариальной деятельности, в том числе:

расширяли и дополняли порядок использования единой информационной системы нотариата в процессе оказания нотариальных услуг; вводили требования к новым реквизитам документа (машиночитаемым маркировкам [5]), позволяющим идентифицировать нотариальное действие, не нарушая нотариальной тайны; наделяли нотариусов правом бесплатно и беспрепятственно получать информацию из единого государственного реестра юридических лиц, единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, налоговой службы, Пенсионного фонда Российской Федерации, в связи с ведением наследственного дела (ст. 15); определяли порядок удостоверяемой двумя и более нотариусами сделки (ст. 53.1) [6], что обеспечивало возможность проведения сделок, требующих обязательного нотариального удостоверения удаленно; а также

определяли порядок привлечения нотариуса к гражданско-правовой ответственности вследствие признания таких сделок недействительными; определяли порядок и сроки внесения сведений об удалённых сделках и сделках, совершаемых двумя и более нотариусами в единую информационную систему нотариата, порядок запроса информации об открытии наследства; устанавливали электронную почту в качестве официального канала коммуникации с заявителем, при направлении постановления об отложении совершения нотариального действия (ст. 41); вводили в правила идентификации личности обратившегося за совершением нотариальных

действий освидетельствование личности посредством биометрических персональных данных (ст. 42); определяли порядок заверения электронных сделок, а также совершения иных нотариальных действий удалённо (ст. 44.3), например, обеспечение доказательств в виде осмотра информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ст. 103); дополняли порядок удостоверения равнозначности документов в электронной форме (ст. 103.9-1).

Таким образом, электронный нотариат не только предполагает работу с электронными сервисами, обеспечивающими доступ к необходимой информации и облегчающими сам процесс документооборота, но и предоставляет нотариату возможности обеспечить потребности современного общества в нотариальных услугах, оказываемых в электронной форме удалённым способом, что значительно сокращает временные и финансовые издержки в экономическом обороте.

Технологической основой законодательных нововведений является Единая информационная система нотариата (ЕИСН), разработанная Федеральной нотариальной палатой [7]. Она представляет собой автоматизированную информационную систему, предназначенную для комплексной автоматизации процессов сбора, обработки сведений о нотариальной деятельности, и позволяет вести согласованную работу, осуществлять взаимодействие в электронном виде с различными государственными структурами, прежде всего, с Росреестром, ФНС и МВД, банковской системой, а также реализует на практике работу бесплатных служб, доступных гражданам.

В соответствии со ст. 34.2 Основ законодательства о нотариате, ЕИСН включает в себя 4 реестра:

- 1) нотариальных действий, в том числе с 29 декабря 2020 г. сюда будут включаться *нотариальные действия, совершённые удаленно, и сделки, удостоверенные двумя и более нотариусами;*
- 2) наследственных дел;
- 3) уведомлений о залоге имущества, не относящегося к недвижимым вещам;
- 4) списков участников обществ с ограниченной ответственностью.

В дальнейшем данный список реестров может быть расширен с учётом потребностей нотариата.

Наряду с реестрами единая информационная система нотариата включает в себя иные сведения (в том числе сведения справочно-аналитического характера), которые касаются деятельности нотариусов и содержание которых определяется Приказом Министерства юстиции РФ от 30 сентября 2020 г. № 233 «Об утверждении состава сведений справочно-аналитического характера, содержащихся в единой информационной системе нотариата и касающихся деятельности нотариусов». Стандарты содержания реестров единой информационной системы нотариата установлены Приказом Министерства юстиции РФ от 30 сентября 2020 г. № 224

«Об утверждении Требований к содержанию реестров единой информационной системы нотариата».

Как известно, классический принцип работы нотариуса предусматривает личное присутствие лиц, подписывающих документы, а также необходимость предоставления нотариусу оригиналов документов, подлежащих заверению. Тем самым в этом бумажном документообороте нотариус выступает третьей стороной – посредником.

Электронная же регистрация всех результатов работы нотариусов стала возможной только с 1 января 2018 г. в связи с переходом к единой информационной системе следующего поколения. А с 1 февраля 2019 г. нотариальные сделки, совершаемые в электронном виде, могут быть заверены нотариусом электронной цифровой подписью и отправлены непосредственно в Росреестр.

По существу, это решило проблему отсутствия электронной цифровой подписи у лица, обратившегося за удостоверением договора в электронном виде, а также позволило переложить бремя заявителя – предоставлять все необходимые документы в Росреестр на регистрацию – на нотариуса.

Вместе с тем, законодатель устанавливает и запреты на совершение ряд нотариальных действий в электронном формате. Например, не допускается удостоверение равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе в отношении сделок, заключенных в простой письменной форме, а также документов, удостоверяющих личность [8].

Такое решение обосновывается вероятностью того, что граждане захотят придать юридическую силу договору, совершённого в простой письменной форме, при минимальных затратах [9].

В свою очередь, это ограничение не решает практические вопросы, связанные с удостоверением равнозначности электронного документа иным документам на бумажном носителе, в том числе связанным с личностью (водительское удостоверение, свидетельство о рождении и т.п.), так как удостоверение равнозначности означает подтверждение тождественности содержания изготовленного нотариусом электронного документа содержанию документа, представленного нотариусу на бумажном носителе.

Изготовленный нотариусом электронный документ имеет ту же юридическую силу, что и документ на бумажном носителе, равнозначность которому удостоверена нотариусом. Иными словами, нотариус по существу изготавливает оригинал документа в электронном формате, на выдачу которого не уполномочен законом.

Тот же вопрос возникает и при обратном действии нотариуса при преобразовании электронного документа в бумажный документ, так как оба документа будут иметь одинаковую юридическую силу.

Эту проблему предлагается устранить, допустив совершение такого нотариального действия только в отношении тех документов, которые исходят от нотари-

уса. Для иных документов было бы целесообразно предусмотреть удостоверение нотариально заверенной копии на бумаге либо удостоверение электронной копии с соответствующей удостоверительной надписью [9].

По замыслу реформаторов, цифровизация нотариата позволит взять под контроль деятельность нотариусов, оптимизировать их деятельность, что, по крайней мере, сократит случаи мошенничества с документами, ускорит проверку всех данных и приведёт к совершенствованию гражданского оборота, повысив степень охраны прав его участников, в частности, при совершении последними сделок.

В то же время нельзя не заметить, что осуществление деятельности нотариуса с использованием дистанционных технологий также имеет свои риски, связанные, в частности, с использованием технологий в мошеннических целях. Так, отмечается, что «в настоящее время гражданский оборот недвижимости уже столкнулся с проблемами мошеннических действий при использовании электронно-цифровой подписи при совершении сделок» [9].

Аналогичные проблемы могут проявиться и в системе электронного нотариата, что решается за счёт централизации нотариальных данных, исключая дублирование идентификаторов с подложными данными.

В связи с тем, что введение электронного оборота не исключает документарный оборот, с 29.12.2020 г. несоответствия, выявленные *между сведениями, содержащимися в ЕИСН, и сведениями, содержащимися в нотариально оформленном документе, законодатель предлагает устранять в порядке, предусмотренном статьями 34.3 и 45.1 Основ законодательства о нотариате.*

Прежде всего, и граждане и многие юридические лица ещё не готовы полностью перейти на цифровой формат, ценность бумажного документа сохраняется для большинства, поэтому переход к полной цифровизации нотариальных услуг – это вопрос времени и планомерного внедрения информационных технологий, обеспеченных надлежащей защитой.

Таким образом, с 2021 г. уже планируется значительно расширить ряд нотариальных действий, осуществляемых в дистанционном формате. Речь идёт о действиях, не связанных с удостоверением волеизъявлений (отсутствие необходимости выявления порока воли нотариусом).

Как в этой связи отмечает Е. А. Кириллова, «по прогнозам специалистов, около 30% действий нотариусов, не требующих удостоверения волеизъявления сторон, будут переведены в дистанционный формат» [10, с. 44].

В качестве примера можно привести свидетельствование верности перевода документов, передача документов другим лицам, выдача выписки из реестра о залоге недвижимого имущества, даже удостоверение осмотра сайта в сети «Интернет». Клиент в этой ситуации должен будет действовать через портал Государственных услуг или через ЕИСН при наличии усиленной квалифицированной подписи.

Соответствующие документы от нотариуса могут быть получены в цифровом виде или доставлены курьерами в бумажном варианте.

Тем не менее, многие проблемы по-прежнему остаются неразрешенными. Так, например, уже существует множество интернет сервисов, генерирующих документальную информацию, имеющую юридическое значение для гражданско-правового оборота, которая может быть впоследствии изменена недобросовестным контрагентом или третьим лицом. Это обостряет проблему юридической фиксации доказательств соответствующего цифрового следа.

В то же время, отсутствие в распоряжении нотариусов специального программного обеспечения, а также их техническая неподготовленность зачастую приводят к тому, что протоколы осмотра информации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не принимаются судами в качестве доказательства [11].

Ряд потенциальных изменений в деятельности нотариусов пока что остаётся за скобками цифровизации, что выражено, прежде всего, неразвитостью самих цифровых технологий.

Так, переводу на полное дистанционное обслуживание нотариата мешают технические сложности с выявлением порока воли заявителя, что со временем найдёт своё решение в специальном программном обеспечении.

Не менее важной остаётся проблема международного признания электронных форм документов, связанных с проставлением электронного апостиля (соответствующий проект постановления Правительства Российской Федерации сейчас предложен Минюстом РФ) [12].

По-прежнему отмечаются проблемы соблюдения сокращённых сроков оказания нотариальных услуг в электронной форме, несмотря на ответственность нотариусов за их нарушение, что зачастую вызвано техническими причинами [13]. С другой стороны, Минюст РФ идёт по классическому пути решения проблемы, перечисляя основания объективных причин неоказания нотариальных услуг [14], хотя электронная форма позволяет в этом случае организовать замену нотариуса.

Между тем сетевая организация нотариальной работы, её экстерриториальная форма позволяют круглосуточно и непрерывно оказывать нотариальные услуги по всей стране, снимать излишнюю одноместную нагрузку на отдельный участок, сокращая временные издержки заявителей. Однако этот порядок требует специальной правовой регламентации и организации, что текущими изменениями не предусматривается.

Обобщая сказанное, следует отметить, что нотариальная деятельность как одна из сфер, направленных на обслуживание экономических отношений, также оказалась вовлечена в процессы цифровой трансформации, а правовая политика российского государства стала учитывать особенности правового регулирования нотариальной деятельности в условиях становления цифровой экономики России. В то же

время, анализ существующих законодательных новелл показывает не только необходимость разработки новых правовых решений неразрешённых проблем, но и дальнейшего совершенствования текущих правовых конструкций, обеспечивающих применение информационно-коммуникационных технологий в деятельности нотариата.

Список литературы

1. Кочкина, О. В. Зарубежный опыт становления и функционирования электронного нотариата / О. В. Кочкина, Ю. А. Тябина // Нотариус. – 2020. – № 5. – С. 42–44.
2. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р (утратило силу). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221756&dst=4294967295&date=08.10.2020> (дата обращения: 03.03.2021).
3. Правительство внесло в Госдуму законопроект об изменениях в законодательстве о нотариате. – URL: http://government.ru/dep_news/37312/ (дата обращения: 03.03.2021).
4. Корман, В. К. Информационные технологии в деятельности нотариата в Российской Федерации // Образование и наука в России и за рубежом. – 2018. – № 13 (48). – С. 303–308.
5. Об утверждении Порядка представления информации о нотариальном документе и формата её размещения на документе с использованием машиночитаемой маркировки (вместе с «Порядком представления информации о нотариальном документе и форматом её размещения на документе с использованием машиночитаемой маркировки», утв. решением Правления ФНП от 16 сентября 2020 г. № 16/20, приказом Минюста России от 30 сентября 2020 № 229) (зарегистрировано в Минюсте России 05 октября 2020 № 60218) : приказ Минюста России от 30 сентября 2020 № 229. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=364053&dst=1000000001&date=06.11.2020> (дата обращения: 03.03.2021).
6. Об утверждении Порядка взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами (вместе с «Порядком взаимодействия нотариусов с единой информационной системой нотариата при удостоверении сделки двумя и более нотариусами», утв. решением Правления ФНП от 16 сентября 2020 г. № 16/20, приказом Минюста России от 30 сентября 2020 г. № 222) (зарегистрировано в Минюсте России 05 октября 2020 г. № 60207) : приказ Минюста России от 30 сентября 2020 г. № 222. – (Настоящий приказ вступает в силу с 29 декабря 2020 г.). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=364054&dst=100005&date=04.10.2020> (дата обращения: 03.03.2021).

7. Положение о единой информационной системе нотариата (утв. Правлением ФНП, протокол от 23 июля 2018 г. № 09/18). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=721265&dst=4294967295&date=08.12.2020> (дата обращения: 03.03.2021).

8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (ред. от 27 декабря 2019 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 мая 2020 г.). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=337450&dst=1000000001&date=06.11.2020> (дата обращения: 03.03.2021).

9. Филиппова, О. В. Информационные технологии в нотариальной деятельности // Закон. – 2019. – № 7. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=125174&dst=4294967295&date=08.11.2020> (дата обращения: 03.03.2021).

10. Кириллова, Е. А. Тенденции развития электронного нотариата в России // Нотариус. – 2019. – № 8. – С. 44–46.

11. Земцов, А. П. Об обеспечении цифровых доказательств нотариусами (часть 1) / А. П. Земцов, А. Н. Яковлев. – URL: <https://www.eforensics.ru/publ/eforensics/notarius1/1-1-0-5> (дата обращения: 03.03.2021).

12. Об особенностях обращения с запросом о проставлении апостиля, проставления апостиля и направления запросов, предусмотренных статьей 9 Федерального закона от 28 ноября 2015 г. № 330-ФЗ «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации», в электронном виде и (или) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, ведения реестра апостилей в электронном виде, обеспечения дистанционного доступа к сведениям о проставленных апостилях : проект. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48051/> (дата обращения: 03.03.2021).

13. Штапаков, М. И. Проблемы электронного нотариата / М. И. Штапаков, О. С. Скачкова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4-3 (43). – С. 232–234.

14. Об утверждении перечня не зависящих от нотариуса причин, при наличии которых предоставление заявления о государственной регистрации прав и прилагаемых к нему документов в орган регистрации прав в электронной форме является невозможным (вместе с Перечнем, утв. Решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 19.11.2018 № 14/18) (зарегистрировано в Минюсте РФ 10.01.2019 № 53283) : приказ Минюста РФ от 28 декабря 2018 г. № 303. – URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/41530> (дата обращения: 03.03.2021).

References

1. Kochkina O. V, Tyabina Yu. A. Zarubezhnyi opyt stanovleniya i funktsionirovaniya elektronnoho notariata [Foreign experience of the formation and functioning of the electronic notary]. *Notarius*, 2020, no. 5, pp. 42–44.

2. *On the approval of the program «Digital Economy of the Russian Federation»: order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r (no longer valid)*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221756&dst=4294967295&date=08.10.2020> (accessed 03 March 2021). (In Russian).

3. *The government has submitted to the State Duma a bill on amendments to the legislation on notaries*. Available at: http://government.ru/dep_news/37312/ (accessed 03 March 2021). (In Russian).

4. Korman V. K. Informatsionnye tekhnologii v deyatel'nosti notariata v Rossiiskoi Federatsii [Information technologies in the activities of notaries in the Russian Federation]. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, 2018, no. 13 (48), pp. 303–308.

5. *On approval of the Procedure for presenting information about a notarial document and the format of its placement on a document using machine-readable markings (together with the «Procedure for presenting information about a notarial document and the format of its placement on a document using machine-readable markings», approved by decision of the Board of the Federal Tax Service dated September 16, 2020 No. 16/20, by order of the Ministry of Justice of Russia dated September 30, 2020 No. 229) (registered with the Ministry of Justice of Russia on October 05, 2020 No. 60218): order of the Ministry of Justice of Russia dated September 30, 2020 No. 229*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=364053&dst=1000000001&date=06.11.2020> (accessed 03 March 2021). (In Russian).

6. *On approval of the Procedure for interaction of notaries with the unified information system of notaries when certifying a transaction by two or more notaries (together with the «Procedure for interaction of notaries with a unified information system of notaries when certifying a transaction by two or more notaries», approved by the decision of the Board of the FNP dated September 16, 2020 No. 16/20, by order of the Ministry of Justice of Russia dated September 30, 2020 No. 222) (registered with the Ministry of Justice of Russia on October 05, 2020 No. 60207): Order of the Ministry of Justice of Russia dated September 30, 2020 No. 222*. (This order comes into force on December 29, 2020). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=364054&dst=100005&date=04.10.2020> (accessed 03 March 2021). (In Russian).

7. *Regulations on the unified information system of notaries (approved by the Board of the FNP, minutes of July 23, 2018 No. 09/18)*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=721265&dst=4294967295&date=08.12.2020> (accessed 03 March 2021). (In Russian).

8. *Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the RF Armed Forces on February 11, 1993 No. 4462-1) (as amended on December 27, 2019) (as amended and supplemented, entered into force on May 11, 2020)*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=337450&dst=1000000001&date=06.11.2020> (accessed 03 March 2021). (In Russian).

9. Filippova O. V. *Informatsionnye tekhnologii v notarial'noi deyatel'nosti* [Information technologies in notarial activity]. *Zakon*, 2019, no. 7. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=125174&dst=4294967295&date=08.11.2020> (accessed 03 March 2021). (In Russian).

10. Kirillova E. A. *Tendentsii razvitiya elektronnoho notariata v Rossii* [Trends in the development of electronic notaries in Russia]. *Notarius*, 2019, no. 8, pp. 44–46.

11. Zemtsov A. P., Yakovlev A. N. *Ob obespechenii tsifrovyykh dokaza-tel'stv notariusami (chast' 1)* [On the provision of digital evidence by notaries (part 1)]. Available at: <https://www.eforensics.ru/publ/eforensics/notarius1/1-1-0-5> (accessed 03 March 2021).

12. *On the specifics of handling a request for an apostille affixing, affixing an apostille and sending requests provided for in Article 9 of the Federal Law No. 330-FZ of November 28, 2015 «On affixing an apostille on Russian official documents subject to export outside the territory of the Russian Federation», in electronic form and (or) using information and telecommunication networks, maintaining a register of apostilles in electronic form, providing remote access to information about affixed apostilles: draft*. Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48051/> (accessed 03 March 2021). (In Russian).

13. Shtapakov M. I. Skachkova O. S. *Problemy elektronnoho notariata* [Problems of electronic notaries]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnyykh i estestvennykh nauk*, 2020, no. 4-3 (43), pp. 232–234.

14. *On approval of the list of reasons beyond the control of the notary, in the presence of which it is impossible to submit an application for state registration of rights and the documents attached to it to the registration authority in electronic form (together with the List, approved by the Decision of the Board of the Federal Notary Public chambers of 19.11.2018 No. 14/18) (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 10.01.2019 No. 53283): Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 303 dated 28 December 2018*. Available at: <https://minjust.consultant.ru/documents/41530> (accessed 03 March 2021). (In Russian).

УДК 343.533:69(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/115-125>

А. Ю. Терехов¹

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

E-mail: tay555@bk.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ В УК РФ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ГРАЖДАН В НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ ОБ УЧАСТИИ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию причин и условий, способствовавших введению в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 200.3, предусматривающей ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение положений законодательства о долевом строительстве. Автор производит оценку современного состояния проблемы долевого строительства в России, обосновывая актуальность реформирования норм российского законодательства, предусматривающих ответственность застройщиков за допускаемые ими нарушения закона. Исследование основано на теоретическом анализе российского законодательства и судебной практики относительно правоотношений в сфере долевого строительства. Автором сделан вывод о том, что процесс внесения изменений в уголовное законодательство относительно ответственности в сфере долевого строительства является последовательным и отвечает современным потребностям общества и государства, кроме того установлено, что введение в УК РФ ст. 200.3 является целесообразным и необходимым для обеспечения защиты прав граждан – участников договоров долевого строительства.

Ключевые слова: долевое строительство; долевое участие; договор участия в долевом строительстве; привлечение денежных средств для участия в долевом строительстве; нарушение законодательства о долевом строительстве; уголовная ответственность в сфере долевого строительства.

---

¹ Алексей Юрьевич Терехов, федеральный судья Авиастроительного районного суда г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Для цитирования: Терехов А. Ю. Предпосылки введения в УК РФ состава преступления за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 1. С. 115–125. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/115-125>.

Aleksey Yu. Terekhov¹, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia
E-mail: tay555@bk.ru

**PRECONDITIONS FOR THE INTRODUCTION OF A CRIME
INTO THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
FOR RAISING CITIZENS' FUNDS IN VIOLATION
OF THE LEGISLATIVE REQUIREMENTS OF THE RUSSIAN
FEDERATION ON SHARED-EQUITY CONSTRUCTION**

Abstract. The article focuses on research of the causes and conditions which contributed to the introduction of the article 200.3 into the Criminal Code of Russian Federation, which establishes liability for attracting citizens' money in violation of the legislation of Russian Federation on shared-equity construction. The author analyzes the current state of the problem of shared-equity construction in Russia, supporting the relevance of reforming the Russian law containing construction companies' liability for breaches of law. The research is based on the theoretical analysis of Russian legislation and jurisprudence related with legal relations in the field of shared-equity construction. The author concluded that the process of changing of the criminal law about liability for breaches of law in the field of shared-equity construction is coherent and responds to the current needs of society. Also the author concluded that introduction of the article 200.3 into the Criminal Code of the Russian Federation is useful and necessary for protection of the rights of citizens who are involved in shared-equity construction.

Keywords: shared-equity construction; share building; participatory construction; participatory construction agreement; attracting citizens' money in order to shared-equity construction; breaches of law about shared-equity construction; criminal liability in the field of shared-equity construction.

Привлечение денежных средств граждан для участия в долевом строительстве является одним из наиболее проблемных вопросов в российском законодательстве.

Как отмечал генеральный прокурор Российской Федерации, в первой половине 2019 г., по сравнению с предыдущим 2018 г., произошел резкий скачок числа проблемных объектов долевого строительства – с 894 до 1 845. При этом число пострадавших граждан за короткий период выросло более чем на 5 000 – с 38 700

---

¹Aleksey Yu. Terekhov, federal judge of Aviastroitelny district court of Kazan, Tatarstan Republic, Russia.

For citing: Terekhov A. Yu. Preconditions for the introduction of a crime into the Criminal Code of the Russian Federation for raising citizen's funds in violation of the legislative requirements of the Russian Federation on shared-equity construction // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No1. P. 115–125. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/115-125>.

до 44 000 [1]. В июле 2020 г. вице-премьер Российской Федерации Марат Хуснуллин отметил, что по состоянию на май 2020 г. в России официально зарегистрировано порядка 200 000 граждан, пострадавших от недобросовестных действий застройщиков [2].

Приобретение жилья путём заключения договора участия в долевом строительстве обрело популярность в Российской Федерации в последние десятилетия в связи с тем, что цены на квартиры на этапе строительства значительно ниже цен на объекты завершённого строительства, и для большого числа граждан это стало единственным доступным способом обзавестись собственным жильём.

Долевое строительство, представляя собой вид инвестиционной строительной деятельности, несёт в себе определённые риски для участников договора долевого строительства. В результате заключения данного вида договоров внушительное количество граждан пострадало от незаконных действий недобросовестных застройщиков, не исполняющих свои обязательства по договорам, многие из них были лишены возможности вернуть вложенные ими в строительство денежные средства, а некоторые и вовсе остались без единственного жилья.

Защита прав и законных интересов граждан, в том числе их жилищных прав, является одной из приоритетных задач для государства. В связи с этим законодателем разрабатываются соответствующие правовые нормы, посвящённые регламентированию отношений, возникающих в связи с заключением договора участия в долевом строительстве, а также устанавливающие ответственность застройщиков за неисполнение ими обязательств по договору участия в долевом строительстве.

Как отмечают исследователи, государственное регулирование долевого строительства призвано обеспечивать баланс интересов участников договора долевого строительства, а также государства и общества в целом. В целях пресечения нарушения положений законодательства в Российской Федерации предусмотрен механизм применения мер гражданской, административной и уголовной ответственности [3, с. 21]. Между тем, введение в российское законодательство эффективных мер уголовной ответственности в сфере долевого строительства происходило постепенно.

Наиболее остро проблема обманутых дольщиков встала перед государством в 2003–2004 гг., когда по всей стране массово развернулось строительство долевого жилья и вместе с ним участились случаи мошенничества со стороны застройщиков. Причины глубокого кризиса на рынке долевого строительства исследователи видели, в том числе, в коррупции, имевшей место в строительной сфере, недостаточной развитости финансового рынка, недобросовестности строительных компаний, но главной причиной явилось несовершенство законодательства, регламентирующего сферу долевого строительства и предусматривающего меры ответственности за допускаемые в ней нарушения [4, с. 48–54].

Впервые в Российской Федерации на законодательном уровне вопросы заключения договора участия в долевом строительстве получили своё закрепление с принятием 30 декабря 2004 г. Федерального закона №214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об участии в долевом строительстве) [5]. Принятие данного федерального закона стало закономерным результатом разрешения накопившихся на тот момент проблем, связанных с заключением договоров участия в долевом строительстве. Целью принятия данного закона явилось упорядочение правоотношений по заключению договоров долевого участия и обеспечение исполнения застройщиками своих обязательств перед дольщиками.

В 2016 г. Федеральным законом №304-ФЗ от 03.07.2016 в Закон об участии в долевом строительстве был внесён ряд важных изменений, которые ужесточили ответственность застройщика, а также расширили контрольные и надзорные функции уполномоченных органов [6].

Одновременно с принятием Закона об участии в долевом строительстве в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях была введена ст. 14.28, предусматривающая административную ответственность для застройщиков – юридических лиц и их должностных лиц за нарушение требований законодательства о долевом строительстве. Для должностных лиц ст. 14.28 КоАП РФ предусмотрены штрафы в пределах от 5 до 100 тыс. рублей в зависимости от характера совершённого правонарушения. Для юридических лиц ст. 14.28 КоАП РФ предусматривает штрафы от 50 тыс. до 1 млн рублей [7].

Несмотря на введение нового для российского законодательства механизма привлечения к ответственности в сфере долевого строительства, было очевидно, что такие суммы штрафов на практике не способны пресечь деятельность недобросовестных застройщиков, в частности, их должностных лиц, которые находили способы уклонения от административной ответственности. Была очевидна необходимость принятия более жёстких мер.

Привлечение должностных лиц компаний-застройщиков к уголовной ответственности до введения в УК РФ ст. 200.3 в правоприменительной деятельности вызывало немало вопросов в связи со спецификой данного вида правоотношений и отсутствием единообразной практики. Как правило, если в конечном итоге доходило до возбуждения уголовного дела, то учредители и руководители компании-застройщика могли привлекаться к уголовной ответственности по различным статьям УК РФ.

В целях повышения ответственности за недобросовестные действия застройщиков, а также в целях предотвращения иных злоупотреблений, посягающих на жилищные права граждан, законодателем в 2012 г. были внесены изменения в ч. 4

ст. 159 УК РФ. До этого момента ч. 4 ст. 159 УК РФ предусматривала ответственность за мошенничество, совершённое организованной группой либо в особо крупном размере. Однако Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ в ч. 4 ст. 159 УК РФ было введено положение, предусматривающее наказание за мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение [8].

Анализ формулировки ч. 4 ст. 159 УК РФ позволяет прийти к выводу, что данную норму хотя и можно назвать своего рода ответом на многочисленные нарушения со стороны застройщиков в сфере долевого строительства, между тем она носит общий характер и может применяться в иных ситуациях, при которых в результате мошеннических действий тех или иных лиц создается угроза лишения гражданина жилья. Кроме того, незаконные действия застройщиков не всегда имеют своим последствием лишение граждан жилья, как правило, граждане несут материальный ущерб в виде лишения крупных денежных сумм, в определённых случаях они в конечном итоге получают своё жилое помещение, но с нарушениями сроков строительства и сдачи в эксплуатацию.

В 2014 г. один из членов партии «Единая Россия» Александр Хинштейн выступил в Государственной Думе с предложением внести в Уголовный кодекс РФ новую по своему содержанию статью, которая предусматривала бы наказание за нарушение законодательства о привлечении денежных средств участников долевого строительства.

Между тем, годом ранее А. Хинштейн уже выступал с инициативой по внесению изменений в УК РФ, помимо ответственности за незаконное совершение сделки по привлечению денежных средств предлагалось ввести уголовную ответственность учредителей и руководителей компаний-застройщиков за нецелевое расходование денежных средств, привлечённых в рамках договора участия в долевом строительстве.

Однако в 2013 г. данный законопроект не был одобрен. Так, в своём отзыве на законопроект А. Хинштейна Верховный суд РФ обратил внимание на позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в Постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П [9]. В постановлении, в частности, подчёркивалось, что уголовно-правовые нормы являются крайним средством реагирования государства на противоправное поведение участников правоотношений с целью защиты общественных интересов, и подлежат применению в тех случаях, когда нормы иной отраслевой принадлежности не в силах пресечь подобные нарушения и обеспечить соблюдение прав и законных интересов граждан и государства.

Таким образом, причиной, по которой предлагаемое нововведение не могло быть принято, являлось то, что разработчик законопроекта не доказал, что все имеющиеся иные правовые средства защиты прав граждан, пострадавших в результате участия в долевом строительстве, ими исчерпаны. Иными словами,

необходимо было обосновать неэффективность гражданско-правовых и административно-правовых норм, предусматривающих ответственность недобросовестных застройщиков.

Что касается инициативы по дополнению УК РФ специальной статьей, предусматривающей ответственность недобросовестных застройщиков, то целью её введения явилась, прежде всего, защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от незаконных действий застройщиков при заключении договоров участия в долевом строительстве, а также устранение имевшихся противоречий в правоприменительной деятельности. Так, на момент выступления А. Хинштейна действия застройщиков, нарушающие законодательство, квалифицировались следственными органами и судами по разным статьям, в частности по ст. 159 – мошенничество, ст. 160 – присвоение или растрата, ст. 165 – причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием, ст. 201 – злоупотребление полномочиями [10]. Таким образом, фактически однородным деяниям приписывались признаки совершенно разных деяний, что недопустимо с точки зрения уголовного права и уголовного судопроизводства.

В судебной практике до вступления в силу изменений в УК РФ достаточно частым явлением были неоднократные заключения договоров участия в долевом строительстве в отношении одного и того же объекта недвижимости. При этом действия учредителей и руководителей чаще всего квалифицировались по ч. 4 ст. 159 УК РФ – мошенничество в особо крупном размере, в ряде случаев суды указывали на наличие квалифицирующего признака «с использованием служебного положения» [11].

По ч. 4 ст. 159 УК РФ в качестве мошенничества, совершенного организованной группой в особо крупном размере, были квалифицированы действия учредителей застройщика, который, в отсутствие оформленной разрешительной технической документации, имитировал начало осуществления строительных работ, которые ограничивались лишь разработкой котлованов и установкой заборов на нескольких объектах, первоначально не имея намерения завершить строительство жилого дома [11].

В рамках другого уголовного дела было установлено, что директор организации-застройщика похитил путём присвоения и растраты денежные средства, принадлежащие юридическому лицу, в связи с чем его действия были квалифицированы по ст. 160 УК РФ. Между тем, часть присвоенных подсудимым денежных средств поступила на расчётный счет организации в связи с заключением гражданами договоров участия в долевом строительстве [11].

В рамках другого дела предварительное следствие и суд квалифицировали действия подсудимого по нескольким статьям УК РФ – ч. 3 ст. 159, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 160, ч. 1 ст. 201. Подсудимый, являясь руководителем организации-

застройщика, привлекал денежные средства граждан, заключая с ними договоры участия в долевом строительстве, при этом строительство жилых домов сознательно не осуществлялось. После заключения ряда договоров с гражданами подсудимый получил из кассы организации часть денег, не предоставляя при этом авансовых отчётов [11].

В отдельных случаях судебной практики до введения в УК РФ ст. 200.3 действия по использованию привлеченных денежных средств граждан в связи с заключением договора участия долевого строительства на иные цели, не связанные с исполнением обязательств по договору, квалифицировались по ст. 201 УК РФ – злоупотребление полномочиями [11].

Наконец, в 2016 г. Федеральным законом от 01.05.2016 №139-ФЗ статья, предусматривающая ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве, была введена в УК РФ за номером 200.3, что стало важным нововведением для российского законодательства.

При этом отграничение действий застройщика, влекущих за собой административную и уголовную ответственность за привлечение денежных средств в нарушение положений законодательства, осуществляется по признаку размера причинённого ущерба, а также по субъекту совершённого деяния. Так, из положений ч. 1 ст. 200.3 УК РФ следует, что уголовная ответственность для учредителя или руководителя организации наступает при наличии крупного размера ущерба, которым, согласно п. 1 примечания к рассматриваемой статье, является сумма в 3 млн рублей. Если же сумма причинённого ущерба менее 3 млн рублей, то компания-застройщик либо её должностные лица привлекаются к административной ответственности.

Формулировка состава преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, позволяет сделать вывод, что для привлечения к ответственности виновных лиц достаточно установить факт нарушения законодательства в сфере долевого строительства, а также установить круг определённых, ограниченных положениями статьи обстоятельств, что значительно упростило процесс выявления виновных лиц и привлечения их к ответственности, а также доказывания их причастности и виновности в совершении преступных деяний.

Так, ранее, до введения ст. 200.3 УК РФ в УК РФ, когда за незаконные действия в сфере долевого строительства лица привлекались к уголовной ответственности, на следственные и судебные органы возлагались задачи по доказыванию таких фактов, как использование виновным обмана или злоупотребления доверием как способов причинения имущественного вреда гражданину при квалификации деяния по ст. ст. 159, 165 УК РФ, наличие у подозреваемого или обвиняемого цели извлечения выгоды и преимуществ для себя,

либо нанесения вреда другим лицам при квалификации по ст. 201 УК РФ. Наличие подобных дополнительных обстоятельств, требующих доказывания, создавали определённые сложности для следствия и судопроизводства, затягивали их процесс, а порой и вовсе были труднодоказуемыми, и в отдельных случаях это позволяло виновным лицам избежать ответственности.

Как показывает анализ судебной практики, после вступления в действие ст. 200.3 УК РФ по данной статье стали квалифицироваться те же действия виновных лиц, которые ранее квалифицировались следственными органами и судами по различным статьям УК РФ или по их совокупности, в частности, такие действия, как неосуществление регистрации договоров участия в долевом строительстве [11], осуществление строительства в отсутствие разрешительной документации [11], распоряжение учредителем компании-застройщика денежными средствами по своему умыслу без намерения завершить строительство объекта [11] и т.д.

Для правоприменительной практики значение введения данной статьи в УК РФ чрезвычайно важно: во-первых, это появление нового механизма регулирования сферы долевого строительства в рамках уголовного законодательства, во-вторых, введение данной статьи способствовало повышению эффективности соблюдения прав граждан, заключающих договоры участия в долевом строительстве. Кроме того, с точки зрения предупреждения совершения противоправных деяний наличие в УК РФ специальной нормы, предусматривающей ответственность за нарушение законодательства о долевом строительстве, оказывает положительное влияние на деятельность компаний-застройщиков, должностные лица которых осознают, что за их противоправными действиями может следовать наступление уголовной ответственности.

Факт внесения в УК РФ ст. 200.3 свидетельствует о том, что для надлежащего и эффективного осуществления защиты прав и законных интересов граждан имевшегося правового механизма было недостаточно. Привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, посягающих на один и тот же объект, зачастую при сходных условиях, по разным статьям УК РФ, в зависимости от усмотрения правоприменителя, не отвечало в полной мере задачам государства по защите нарушенных прав дольщиков.

Введение в законодательство нормы, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение законодательства при привлечении денежных средств лиц, заключающих договоры участия в долевом строительстве, свидетельствует о том, проблема соблюдения прав участников долевого строительства является для государства одной из приоритетных для разрешения.

Анализ положений российского законодательства показывает, что меры ответственности за незаконные действия застройщиков, связанные с осуществлением деятельности по долевому строительству, вводились с момента

принятия Закона о долевом строительстве сначала в КоАП РФ, а затем и в УК РФ постепенно и последовательно, что свидетельствует об осознанном регулировании данной сферы и принятии решений сообразно складывающейся в государстве ситуации относительно долевого участия в строительстве.

Введение в УК РФ ст. 200.3, предусматривающей ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение законодательства о долевом строительстве, явилось закономерным решением, вытекающим из правоприменительной практики и направленным на обеспечение прав и законных интересов граждан – участников долевого строительства. Появление нового механизма привлечения к ответственности застройщиков оказало положительное влияние на правоприменительную практику и на обеспечение защиты прав граждан, вступающих в правоотношения в сфере долевого строительства.

Список литературы

1. Чайка сообщил о двукратном росте числа проблемных объектов долевого строительства // Ведомости : электронное периодическое издание. – URL : <https://www.vedomosti.ru/realty/news/2019/07/30/807603-chaika> (дата обращения: 13.07.2020).

2. Хуснуллин: на решение проблем дольщиков выделено 100 млрд рублей // РИА Новости. – URL: <https://realty.ria.ru/20200730/1575113092.html> (дата обращения 05.08.2020).

3. Чугунова, Ю. В. Долевое строительство: вопросы и проблемы государственного регулирования // Управление экономическими системами. – 2017. – № 7 (101). – С. 21.

4. Аснис, А. Я. Уголовно-правовая новелла об ответственности за посягательства на законные интересы участников долевого строительства многоквартирных домов // Законодательство и экономика. – 2016. – № 10. – С. 48–54.

5. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 27 июня 2019 г.) // Российская газета. – 2004. – № 292.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 304-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // Российская газета. – 2016. – № 15.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (ред. от 23 июня 2020 г.) // Российская газета. – 2001. – № 256.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г. № 325-ФЗ) // Российская газета. – 2012. – № 2.

9. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 г. №8-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.

10. Недобросовестных застройщиков отправят за решетку или позволят откупиться – законопроект // Право.ру. – URL: <https://pravo.ru/news/view/102692/> (дата обращения: 15.03.2021).

11. СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.03.2021).

References

1. Chaika reported a twofold increase in the number of problem objects of shared construction. *Vedomosti*. Electronic periodical publication Available at: <https://www.vedomosti.ru/realty/news/2019/07/30/807603-chaika> (accessed 13 July 2020). (In Russian).

2. Khusnullin: 100 billion rubles allocated to solve the problems of equity holders. *News. Russian news agency*. Available at: <https://realty.ria.ru/20200730/1575113092.html> (accessed 05 August 2020). (In Russian).

3. Chugunov Yu.V. Dolevoe stroitel'stvo: voprosy i problemy gosudarstvennogo regulirovaniya [The construction of Equity: issues and problems of state regulation]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, 2017, no. 7 (101), pp. 21.

4. Asnis A.Ya. Ugolovno-pravovaya novella ob otvetstvennosti za posyagatel'stva na zakonnye interesy uchastnikov dolevogo stroitel'stva mnogokvartirnykh domov [Criminal-legal novella on responsibility for encroachments on the legitimate interests of participants in the shared construction of apartment buildings]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2016, no. 10, pp. 48–54.

5. On participation in the shared construction of apartment buildings and other real estate objects and on Amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 214-FZ of 30.12.2004 (ed. of 27.06.2019). *Rossiyskaya Gazeta*, 2004, no. 292. (In Russian).

6. On Amendments to the Federal Law «On participation in the shared construction of apartment buildings and other real estate objects and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» and certain legislative acts of the Russian Federation:

Federal Law No. 304-FZ of 03.07.2016 (as amended on 29.07.2017). *Rossiyskaya Gazeta*, 2016, no. 15. (In Russian).

7. The Code of the Russian Federation on administrative offences: Federal Law No. 195-FZ of 30.12.2001 (as amended on 23.06.2020). *Rossiyskaya Gazeta*, 2001, no. 256. (In Russian).

8. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 207-FZ of 29.11.2012 (as amended on 03.07.2016 No. 325-FZ). *Rossiyskaya Gazeta*, 2012, no. 2. (In Russian).

9. The decision of the constitutional court of the Russian Federation dated 27.05.2008, No. 8-П «On the case about the verification of constitutionality of provisions of article 188 of the Criminal code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M. A. Aslamazyan». *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2008, no. 24, art. 2892. (In Russian).

10. Unscrupulous builders will be sent to jail or allowed to pay off – bill. *Pravo.ru*. Available at: <https://pravo.ru/news/view/102692/> (accessed 15 March 2021). (In Russian).

11. *SudAkt: Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. Available at: <https://sudact.ru/> (accessed 15 March 2021). (In Russian).

УДК 347.447.72:614.4

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/126-133>

А. К. Гайнутдинов¹, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

E-mail: tasiktten1@rambler.ru

КОРОНАВИРУС КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ И ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ЗАКУПКИ ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ У ЕДИНСТВЕННОГО ПОСТАВЩИКА

Аннотация. В статье описывается один из способов заключения государственного контракта в условиях непреодолимой силы, вызванной новой коронавирусной инфекцией. Доказано, что новая коронавирусная инфекция является обстоятельством непреодолимой силы, спровоцировавшим нестабильную экономическую ситуацию, в условиях которой система государственных закупок является инструментом регулирования социально-экономических процессов, роль которой трудно переоценить. Обоснована возможность заключения государственного контракта в целях ликвидации последствий новой коронавирусной инфекции у единственного поставщика, в то же время указывается на имеющиеся недостатки такого способа заключения государственного контракта.

Ключевые слова: коронавирус, эпидемия, снабжение медицинской продукцией, государственный контракт, контрактная система, закупка у единственного поставщика, коррупциогенный фактор, Федеральная антимонопольная служба России, обстоятельство непреодолимой силы, закупка.

---

¹ Гайнутдинов Адэль Камилевич, соискатель кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия.

Для цитирования: Гайнутдинов А. К. Коронавирус как обстоятельство непреодолимой силы и основание для закупки товаров, работ и услуг у единственного поставщика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 1. С. 126–133. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/126-133>.

Adel K. Gainutdinov¹, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia
E-mail: tasikitten1@rambler.ru

CORONAVIRUS AS A FORCE MAJEURE EVENT AND THE REASON FOR THE PURCHASE OF GOODS, WORKS AND SERVICES FROM A SINGLE SUPPLIER

Abstract. The article describes one of the ways to conclude a government contract in conditions of force majeure caused by a new coronavirus infection. It is proved that the new coronavirus infection is a force majeure circumstance that provoked an unstable economic situation in which the public procurement system is a tool for regulating socio-economic processes, and its role is very significant. The possibility of concluding a state contract in order to eliminate the consequences of a new coronavirus infection with a single supplier is substantiated, at the same time, the existing shortcomings of this method of concluding a state contract are pointed out.

Keywords: coronavirus, epidemic, supply of medical products, government contract, contract system, purchase from a single supplier, corruption factor, Federal Antimonopoly Service of Russia, force majeure, purchase.

История кризисов показывает, что социальные и экономические потрясения обнажают давно существующие, назревшие проблемы общества, требовавшие решения задолго до их наступления. Не является исключением и нынешняя сложная социально-экономическая обстановка, выявляя остроту проблемы реализации конституционных принципов сбалансированности бюджета, бюджетной дисциплины, а также рационального и эффективного расходования бюджетных средств.

Конституцией Российской Федерации закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Сохранение жизни и здоровья человека является первоначальной, основной гарантией государства.

Это конституционное положение основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права, закреплённых в важнейших нормативных правовых актах: Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Международном пакте об экономиче-

---

¹ Gainutdinov Adel Kamilevich, Candidate of the Department of Civil Law of the Faculty of Law Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

For citing: Gainutdinov A. K. Coronavirus as a force majeure event and the reason for the purchase of goods, works and services from a single supplier // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No 1. P. 126–133. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/126-133>.

ских, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др.

11 марта гендиректор ВОЗ сообщил, что распространение болезни, вызванной коронавирусом нового типа COVID-19, «может быть расценено как пандемия».

Согласно ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» под эпидемией следует понимать инфекционные заболевания человека, характеризующиеся тяжёлым течением, высоким уровнем смертности и инвалидности, быстрым распространением среди населения.

Эпидемия, характеризующаяся распространением инфекционного заболевания на территории страны, территории сопредельных государств, а иногда и многих стран мира, называется пандемией (*греч.* *pandemia* – весь народ).

Это первая пандемия, причиной которой послужил коронавирус. Ранее в истории человечества пандемиями признавались вспышки чумы и холеры, свиного гриппа H1N1 и распространение ВИЧ-инфекции.

В указанных условиях перед государством особенно остро стоит вопрос об обеспечении эффективного функционирования системы снабжения медицинской продукцией и другими товарами первой необходимости.

Система государственных закупок является инструментом регулирования социально-экономических процессов, роль которого трудно переоценить в условиях нестабильной экономической ситуации.

Значение государственных контрактов для экономики нашей страны крайне велико, поскольку с их помощью удовлетворяются потребности государства в товарах, работах, услугах, то есть государственные контракты являются инструментом, с помощью которого государство выполняет свои социально-экономические функции.

Осуществление закупки, согласно положениям законодательства о контрактной системе, для заказчика является довольно трудоёмкой процедурой, а действующий Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) усложняет данный процесс, вводя определённые алгоритмы, критерии и ограничения [1].

В ст. 93 Закона о контрактной системе предусмотрены случаи, когда закупки могут быть совершены в обход конкурентных процедур.

В п. 9 ч. 1 ст. 93 данного закона указано, что закупка у единственного поставщика может быть произведена в случае закупки определённых товаров, работ, услуг вследствие аварии, иных чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, непреодолимой силы, в случае возникновения необходимости в оказании медицинской помощи в экстренной форме либо в оказании медицинской

помощи в неотложной форме и если применение иных способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя), требующих затрат времени, нецелесообразно.

Понятие обстоятельств непреодолимой силы раскрыто в положениях п. 3 ст. 401 «Основания ответственности за нарушение обязательства» части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несёт ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным *вследствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств*; к таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств.

Применение приведённых положений разъяснено в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»: в силу п. 3 ст. 401 ГК РФ для признания обстоятельства непреодолимой силой необходимо, чтобы оно носило чрезвычайный и непредотвратимый при данных условиях характер;

требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях;

если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий.

Как верно отмечал О. С. Иоффе, указание на чрезвычайный характер непреодолимой силы очень важно, ибо, соответствуя её объективной природе, оно ориентирует на недопустимость квалификации в качестве непреодолимой силы любого жизненного факта [2, с. 430].

Некоторые учёные раскрывают признак чрезвычайности, указывая на его масштабность [3, с. 80], необычайную мощь проявления [4, с. 306].

Относительно признака непредотвратимости в цивилистике также не достигнуто понимания. Одни учёные исходят из непреодолимости обстоятельств для конкретного причинителя вреда с учётом имеющихся у него возможностей [2, с. 431; 5, с. 178]. По мнению других юристов, явление будет относиться к непреодолимой силе, если оно непредотвратимо для любого лица, с учётом уровня развития науки и техники всего общества [6, с. 122; 7, с. 283].

При оценке непредотвратимости представляется возможным использовать компромиссный подход, суть которого заключается в необходимости учёта не

только возможностей конкретного должника, но и возможностей однородных лиц и организаций по роду и условиям деятельности [8, с. 245–246].

Таким образом, учитывая скорость и масштабы распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), а также характер её происхождения, представляется возможным признать её обстоятельством непреодолимой силы.

Министерство финансов Российской Федерации в Письме от 19.03.2020 № 24-06-06/21324 «Об осуществлении закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) при введении режима повышенной готовности» сообщило, что распространение новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-NCOV, носит чрезвычайный и непредотвратимый характер, в связи с чем является обстоятельством непреодолимой силы. Учитывая, что распространение новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-NCOV, является обстоятельством непреодолимой силы, заказчик вправе осуществить закупку у единственного поставщика на основании пункта 9 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ. При этом условие об отсутствии закупаемых товаров, работ, услуг в перечне товаров, работ, услуг, необходимых для оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, утверждённое распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.09.2013 г. № 1765-р, не подлежит применению в связи с введением режима повышенной готовности.

Федеральная антимонопольная служба России также Письмом от 18.03.2020 №ИА/21684/20 сообщила, что в связи с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19) указанная ситуация является обстоятельством непреодолимой силы, что необходимо учитывать при рассмотрении жалоб, дел об административных правонарушениях, обращений о включении в реестр недобросовестных поставщиков и проведении проверок. При этом ФАС России также обращает внимание, что в соответствии с пунктом 9 части 1 статьи 93 Закона 44-ФЗ закупки определённых товаров, работ, услуг вследствие непреодолимой силы могут осуществляться у единственного поставщика.

В вышеуказанном письме ФАС России подчёркивает, что закупки, направленные на профилактику, предупреждение и ликвидацию последствий распространения COVID-19 могут осуществляться у единственного поставщика при условии наличия причинно-следственной связи между действиями по профилактике, предупреждению, ликвидации последствий распространению коронавирусной инфекции и предметом такой закупки.

Несомненно, при необходимости ликвидации опасности для жизни и здоровья людей, принятии мер по обеспечению их медицинской помощью требуется оперативность и нет времени для проведения конкурентных процедур. Действия и заказчиков, и поставщиков продиктованы крайней необходимостью, и это оправданно.

Являясь наиболее простым по возможности и времени реализации способом, закупка товаров, работ и услуг из единственного источника на сегодняшний день и

так является наиболее распространённым способом закупки. В нынешних же условиях для предотвращения чрезвычайной ситуации его роль возрастёт многократно.

Однако данный способ закупки не лишён существенных недостатков, касающихся прозрачности, конкуренции и эффективности расходования бюджетных средств.

Ещё дореволюционные российские цивилисты отмечали, что государство действует не само собой, а через известные органы, и опыт показывает настоятельную потребность точно определить органам государства образ действия при заключении договоров, особенно таких, на которые идёт значительная часть государственного достояния [9, с. 298–299].

Как было указано М. В. Мишустиним на Оперативном совещании с вице-премьерами, состоявшемся 23.03.2020, «на поддержку медицинской и фармацевтической промышленности мы направили более 23 млрд рублей буквально за эти два дня».

В кризисных условиях усиливается необходимость рационального и эффективного расходования бюджетных средств. Между тем при осуществлении закупки у единственного поставщика в силу естественного отсутствия конкуренции не представляется возможным добиться снижения цены по сравнению с первоначально заявленной, а значит – и сэкономить средства бюджета. В связи с чем возникают опасения относительно существенного завышения стоимости контрактов.

Кроме того, в условиях финансово-экономического кризиса и преодоления его последствий существенную роль могут играть государственные заказы. Конкуренция в госзакупках и возможность получения госконтрактов для многих малых и средних компаний были одной из немногих возможностей «держаться на плаву». Заказчик же, закупая товары, работы или услуги у заранее определённого лица, как правило, монополиста в той или иной сфере, не стимулирует предпринимателей, что может негативно сказаться на развитии экономического потенциала государства.

Как указывала Л. Г. Каранатова, «в целом федеральная контрактная система призвана стать в сфере государственных закупок важнейшим антикоррупционным институтом, направленным на укрепление экономического партнёрства государства и бизнеса» [10, с. 240]. Постоянный же выбор одного и того же контрагента, по верному замечанию Н. А. Курц, является мощным коррупциогенным фактором, возникающим в связи с угрозой складывания неформальных потенциально коррупционных связей между представителями заказчика и единственного такого контрагента [11, с. 113].

При этом Н. А. Курц подчёркивает, что в указанных условиях единственным антикоррупционным механизмом остается обязанность заказчика согласовывать или уведомлять контролирующий орган о закупках из единственного источника, причём заказчик обязан обосновать невозможность (нецелесообразность) использования иных способов осуществления закупок, расчёт цены контракта и иные существенные его условия.

Невозможно не согласиться с автором, что указанные механизмы априори не являются достаточно эффективными и призваны скорее дополнить другие средства контроля за государственными и муниципальными заказчиками.

Представляется, что в сложившейся ситуации дальнейшая оценка обоснованности применения заказчиками категории «непреодолимая сила» при осуществлении закупок у единственного поставщика в тех или иных случаях будет осуществляться преимущественно в ходе судебного разбирательства в рамках судебного контроля.

Таким образом, контрактная система закупок играет особую роль в условиях нестабильной экономической и социальной ситуации в стране, направленную на своевременное удовлетворение государственных нужд, и результатом функционирования такой системы закупок в конечном итоге должно являться эффективное выполнение государством своих социально-экономических функций.

Список литературы

1. Федякина, О. В. Осуществление закупки у единственного поставщика / О. В. Федякина. – Москва : Право Доступа, 2017. – URL: <http://base.garant.ru/77709919/> (дата обращения: 15.03.2021).
2. Иоффе, О. С. Избранные труды : в 4-х т. Т. 1 / О. С. Иоффе. – Санкт-Петербург, 2003. – 572 с.
3. Exner, A. Der Begriff der höheren Gewalt (vis maior) im römischen und im heutigen Verkehrsrecht / A. Exner. – Aalen, 1970. – 86 s.
4. Яблочков Т. М. Понятие непреодолимой силы в гражданском праве // Юридические записки, издаваемые Демидовским лицеем. – Ярославль, 1911. – Вып. II – III (VIII – IX). – С. 271–321.
5. Венедиктов, В. А. Договорная дисциплина в промышленности / В. А. Венедиктов. – Ленинград, 1935. – 212 с.
6. Агарков, М. М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. – Москва ; Ленинград, 1945. – С. 114–155.
7. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Москва : Статут, 2003. – 353 с.
8. Градобоева, З. В. Непреодолимая сила в гражданском праве России // Цивилистические записки. – Москва, 2002. – С. 245–246.
9. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. Ч. 2 / Д. И. Мейер. – Москва, 1997. – 449 с.
10. Каранатова, Л. Г. Управление жизненным циклом государственных закупок в Российской Федерации: переход к федеральной контрактной системе : учеб. пособие / Л. Г. Каранатова, А. Е. Кузьмин, А. М. Кузьмина. – Санкт-Петербург : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2012. – 316 с.

11. Курц, Н. А. Порядок заключения договоров и структура договорных связей в государственных и муниципальных закупках : монография / Н. А. Курц. – Москва : Юстицинформ, 2018. – 196 с.

References

1. Fedyakina O. V. *Osushchestvlenie zakupki u edinstvennogo postavshchika* [Procurement from a single supplier]. Moscow: Pravo Dostupa Publ., 2017. Available at: <http://base.garant.ru/77709919/> (accessed 15 March 2021).

2. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy: v 4-kh t. T. 1* [Selected works: in 4 volumes. Vol. 1]. St. Petersburg, 2003. 572 p.

3. Exner A. *Der Begriff der hoheren Gewalt (vis maior) im romischen und im heutigen Verkehrsrecht*. Aalen, 1970. 86 s.

4. Yablochkov T. M. *Ponyatie nepreodolimoj sily v grazhdanskom prave* [The concept of force majeure in civil law]. *Yuridicheskie zapiski, izdavaemye Demidovskim litseem* [Legal notes published by the Demidov Lyceum]. Yaroslavl, 1911, vol. II–III (VIII–IX), pp. 271–321.

5. Venediktov V. A. *Dogovornaya distsiplina v promyshlennosti* [Contractual discipline in industry]. – Leningrad, 1935. – 212 s.

6. Agarkov M. M. *K voprosu o dogovornoj otvetstvennosti* [On the issue of contractual responsibility]. In: *Voprosy sovetskogo grazhdanskogo prava* [Questions of Soviet civil law]. Moscow; Leningrad, 1945, pp. 114–155.

7. Pokrovskii I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic problems of civil law]. Moscow: Statut Publ., 2003. 353 p.

8. Gradoboeva Z. V. *Nepreodolimaya sila v grazhdanskom prave Rossii* [Force majeure in civil law of Russia]. In: *Tsivilisticheskie zapiski* [Civilian notes]. Moscow, 2002, pp. 245–246.

9. Meier D. I. *Russkoe grazhdanskoe parvo*. Ch. 2 [Russian civil law. Part 2]. Moscow, 1997. 449 p.

10. Karanatova L. G., Kuzmin A. E., Kuzmina A. M. *Upravlenie zhiznennym tsiklom gosudarstvennykh zakupok v Rossiiskoi Federatsii: perekhod k federal'noi kontraktnoi sisteme: ucheb. posobie* [Management of the life cycle of public procurement in the Russian Federation: transition to the federal contract system: textbook. allowance]. Sankt-Peterburg: IPTs SZIU RANKhiGS, 2012. 316 p.

11. Kurts N. A. *Poryadok zaklyucheniya dogovorov i struktura dogovornykh svyazei v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupkakh: monografiya* [Procedure for the conclusion of contracts and the structure of contractual ties in state and municipal purchases]. Moscow: Yustitsinform Publ., 2018. 196 p.

УДК 343.326:179.7

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/134-152>

Т. В. Квасникова¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: kvasnikova.tv@dvfu.ru

Д. В. Лобач², Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,
Россия
E-mail: lobach.dv@dvfu.ru

М. Сиссоко³, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,
Россия
E-mail: sissoko.m@dvfu.ru

СУИЦИДАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются криминологические особенности суицидального терроризма как вида политического насилия в наше время. Несмотря на то, что суицидальный терроризм проявляется в разные исторические эпохи, однако только со второй половины XX века терроризм смертников становится широко применяемой тактикой насильственного политического давления. Проведённый анализ обзорных позиций по данной теме позволяет определить суицидальный терроризм как насильственную практику, направленную на причинение максимального ущерба гражданскому населению и (или) гражданским объектам, а равно государственным органам власти, учреждениям или международным организациям в целях устрашения населения и воздействия на официальные органы власти, которая при этом сопровождается сознательным отказом исполнителя от спасения сво-

¹ Татьяна Владимировна Квасникова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Дмитрий Владимирович Лобач, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

³ Муктар Сиссоко, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Квасникова Т. В., Лобач Д. В., Сиссоко М. Суицидальный терроризм как разновидность террористической деятельности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 1. С. 134–152. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/134-152>.

ей жизни. При этом сам суицидальный терроризм представлен в двух формах: классический суицидальный терроризм и суицидальный терроризм высокой вероятности. На основании анализа статистических данных относительно распространения суицидального терроризма в мире определяется резкая тенденция роста данного вида терроризма в XXI веке, а также прослеживаются корреляционные изменения удельного коэффициента причинения вреда в зависимости от тактики суицидального терроризма. Рассматриваются два ключевых подхода касательно понимания причин суицидального терроризма. В контексте первого подхода суицидальный терроризм объясняется с позиции религиозного самосознания и кризиса культурно-национальных ценностей, исторически складывающихся в традиционном обществе. В рамках второго подхода детерминация суицидального терроризма обуславливается социальным протестом против несправедливой системы социальной организации и сложившихся общественных отношений. В рамках этого подхода общеопасные акты самоубийства совершаются в целях воздействия на публичные органы власти с тем, чтобы изменить социальную стратификацию, ликвидировать дискриминационные отношения, редуцировать риски социальной несправедливости, а также изменить сложившуюся систему распределения общественных благ.

Ключевые слова: терроризм, террористическая преступность, политическое насилие, суицидальный терроризм, терроризм смертников, криминальный суицид, религиозный терроризм, классический суицидальный терроризм и суицидальный терроризм высокой вероятности, расширение географии террористических угроз.

Tatyana V. Kvasnikova¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kvasnikova.tv@dvfu.ru

Dmitry V. Lobach², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: lobach.dv@dvfu.ru

Muktar Sissoko³, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: sissoko.m@dvfu.ru

SUICIDE TERRORISM AS A KIND OF TERRORISTIC ACTIONS

Abstract. The article examines the criminological characteristics of suicide terrorism as a form of political violence in the contemporary world. Despite the fact that suicide terrorism has been seen in different historical epochs, only in the second half of the twentieth century terrorism of suicide bombers became a widespread violent practice. The analysis of survey items on this topic allows to define suicidal terrorism as violent practices aimed at causing the maximum damage to the civilian population and (or) civilian objects, as well as state authorities, institutions or international organizations in order to intimidate the population and influence the official authorities; these acts involve a conscious refusal of the contractor from their own lives. Thus suicidal terrorism is presented in two forms: classic suicide terrorists and suicide terrorists of high probability. Analysis of statistical data on the spread of suicide terrorism in the world allowed determining a sharp growth trend of this type of terrorism in the twenty-first century, as well as the correlation of changes in specific factor of the injury depending on the tactics of suicide terrorism. Discusses two key approaches to understand of the causes of suicide terrorism. The first approach explains suicidal terrorism from a position of religious consciousness and the crisis of national and cultural values, which has been historically prevailing in a traditional society. In the second approach, the determination of suicide terrorism is determined by social protest against an unjust system of social organization and existing social relations. In this approach, dangerous acts of suicide are committed in order to influence public authorities, in order to change social stratification, to eliminate discrimina-

---

¹ Tatyana Vladimirovna Kvasnikova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Dmitry Vladimirovich Lobach, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ Muktar Sissoko, PhD Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kvasnikova T. V., Lobach D. V., Sissoko M. Suicide terrorism as a kind of terroristic actions // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 1. P. 134–152. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-1/134-152>.

tory attitudes, to reduce the risks of social injustice and to change the existing system of distribution of public goods.

Key words: terrorism; terrorist crime; political violence, suicidal terrorism, suicide terrorism, criminal suicide, religious terrorism, classic suicidal terrorism and suicidal terrorism of high probability, expansion of the geography of terrorist threats.

Глобализация международных отношений, выражающаяся во всемирной экономической, политической, социально-культурной и религиозной интеграции и унификации, сопровождается деструктивными явлениями, среди которых особое внимание обращает на себя такая форма политического насилия, как терроризм, который посягает на суверенитет, политическую независимость и территориальную целостность государств, а также дестабилизирует региональную безопасность и угрожает международному миру. Международная опасность современного терроризма выражается в трансформации, консолидации и функциональной кооперации национальных террористических структур, которые создают некое подобие международного криминального интернационального движения (сети террористических структур, взаимодействующих и аффилированных друг с другом), а также в расширении географии террористических угроз и их интенсификации на региональном уровне.

Терроризм в современном мире является одной из главных причин дестабилизации общества и дезорганизации государственной системы власти и управления, что закономерно порождает социальные конфликты, эскалацию насилия и нарушение гражданского мира. При этом терроризм, будучи сложным и многогранным явлением социальной действительности, исторически эволюционирует, что обуславливает создание новых видов террористической деятельности и экстенсивное их распространение. В этом плане обращает на себя внимание получивший широкое распространение в XXI веке терроризм, осуществляемый посредством использования террористов-смертников в качестве оружия.

В историческом контексте о суицидальном терроризме известно с давних времен. Так, в литературе отмечается, что ещё в I веке нашей эры в целях создания единого еврейского государства, независимого от Рима, в Иудее действовала террористическая организация сикариев, члены которой осуществляли террористические акты через нападения на представителей римских властей в Иерусалиме, при этом они шли на совершение актов политического насилия с осознанием своей скорой неминуемой смерти [1, р. 55–60]. В VII веке в исламе возникло самостоятельное движение, известное как Шиизм. Несмотря на то, что суицидальный терроризм в современном мире широко используется террористическими организациями суннитского толка, однако не надо забывать, что исторически именно представители шиизма взяли на вооружение эту практику для уничтожения политических и рели-

гиозных противников [2, с. 127]. В XI веке в Иране существовала секта исмаилитов ассасинов (от арабского слова «хашшашин» – употребляющий гашиш), которые прибегали к использованию террористов-смертников для достижения политических целей. Секта ассасинов активно использовала наркотические средства в совокупности с психологическими техниками в целях изменения индивидуального сознания и последующего манипулирования человеком, превращая его, по сути, в адепта, готового выполнять любые команды руководства организации. В исторической ретроспективе можно найти и другие примеры суицидального терроризма, что доказывает объективную востребованность такой практики политического насилия в разные исторические эпохи. Вместе с тем только со второй половины XX века терроризм смертников становится широко применяемой насильственной практикой, осуществляемой в разных странах и на международном уровне, связанной с воздействием на органы государственной власти и международные организации, а также с запугиванием общества и подавлением институтов гражданского общества.

Изучение обзорных позиций относительно определения суицидального терроризма, высказанных в специальной отечественной и зарубежной литературе, позволяет дать следующее определение данному явлению. Суицидальный терроризм (терроризм с использованием смертников) представляет собой насильственную практику, направленную на причинение максимального ущерба гражданскому населению и (или) гражданским объектам, а равно государственным органам власти, учреждениям и международным организациям с целью устрашения и воздействия на официальные органы власти, сопровождающуюся сознательным отказом исполнителя от спасения своей жизни [3; 4; 5].

С определённой долей условности терроризм смертников можно определить как агрессивное самоубийство, сопровождаемое стремлением к максимальному причинению ущерба гражданскому населению, учреждениям и государственным структурам. Другими словами, суицид становится тактическим приёмом, который используется в преступных целях организаторами террористических актов. При этом в зависимости от вероятности наступления летального исхода сам по себе суицидальный терроризм можно рассматривать в двух формах: классический суицидальный терроризм и суицидальный терроризм высокой вероятности.

Классический суицидальный терроризм представляет собой такую форму террористического суицида, когда непосредственный исполнитель, осознавая характер совершаемых действий и последствия (самоубийство и причинение вреда третьим лицам), совершает террористический акт, который неминуемо приводит к летальному исходу самого исполнителя. Подобная форма суицидального терроризма связана с особой мотивацией и большими волевыми усилиями, так как индивидуальная когнитивная сфера самоубийцы предполагает критическое намерение лица совершить акт самоуничтожения, подавляя при этом инстинкт самосохранения. На

практике эта форма суицидального терроризма выражается, как правило, в подрыве террористами самих себя через использование так называемых «поясов шахидов», а также использование начинённых взрывчаткой автотранспортных средств, управляемых террористами смертниками.

Суицидальный терроризм высокой вероятности означает, что террористический акт совершается исполнителями без непосредственного самоубийства, однако развитие дальнейших событий, связанных с силовым противодействием агрессии террористов, предполагает высокую вероятность уничтожения самих террористов. Для идентификации этой формы суицидального терроризма необходимо учитывать три момента. Во-первых, террористы должны быть уничтожены во временных границах проводимого террористического акта, во-вторых, террорист ещё на стадиях подготовки, покушения и осуществления террористической атаки должен осознавать высокую вероятность того, что его физически ликвидируют и, в-третьих, должны отсутствовать какие-либо обеспечительные меры прикрытия и отхода после совершения преступления. При суицидальном терроризме высокой вероятности самоубийства в традиционном понимании этого явления нет, так как террорист погибает от рук других лиц (самих потерпевших, сотрудников правоохранительных органов, военных и др.). В то же время суицидальный характер терроризма имеет место быть, так как террорист сознательно создаёт особые условия, которые закономерно должны привести к его гибели при том, что сам террорист это понимает и сознательно идёт на совершение террористического преступления.

Суицидальный терроризм следует отличать от квазисуицидального терроризма. Квазисуицидальный терроризм представляет собой обманное использование человека в террористических целях, которое приводит к уничтожению лица, находящегося в добросовестном заблуждении. Показательным примером такой формы терроризма является использование через обман или злоупотребление доверием людей для сокрытия взрывных устройств, которые в дальнейшем дистанционно приводятся в исполнение самим террористом. С социально-психологической стороны подобную террористическую практику сложно отнести к суицидальному терроризму, так как сам террорист остаётся жив. В действительности террорист использует другого человека в террористических целях без его согласия через манипулирование его сознанием, что характеризует погибшего человека не как террориста, а скорее как жертву теракта.

Анализ количественных показателей распространения суицидального терроризма в XXI веке позволяет выявить некоторые закономерности и тенденции. Прежде всего, следует отметить быстрые темпы географического распространения и количественного увеличения террористических атак смертников (suicide attack). Так, например, в соответствии с информационно-аналитической базой данных Чикагского проекта по безопасности и терроризму Chicago Project on Security and

Terrorism database (CPOST) за период 1982–2016 гг. были совершены в общей сложности 5 292 суицидальные террористические атаки, повлекшие 52 966 смертей, при этом 132 423 лица пострадали от ранений различной степени тяжести [26] (рис. 1). Если учитывать средний удельный коэффициент причинения вреда (смертность и ранения) от террористического акта, то он приблизительно равняется 35 потерпевшим (из них 10 погибших и 25 раненых) на один суицидальный акт терроризма.

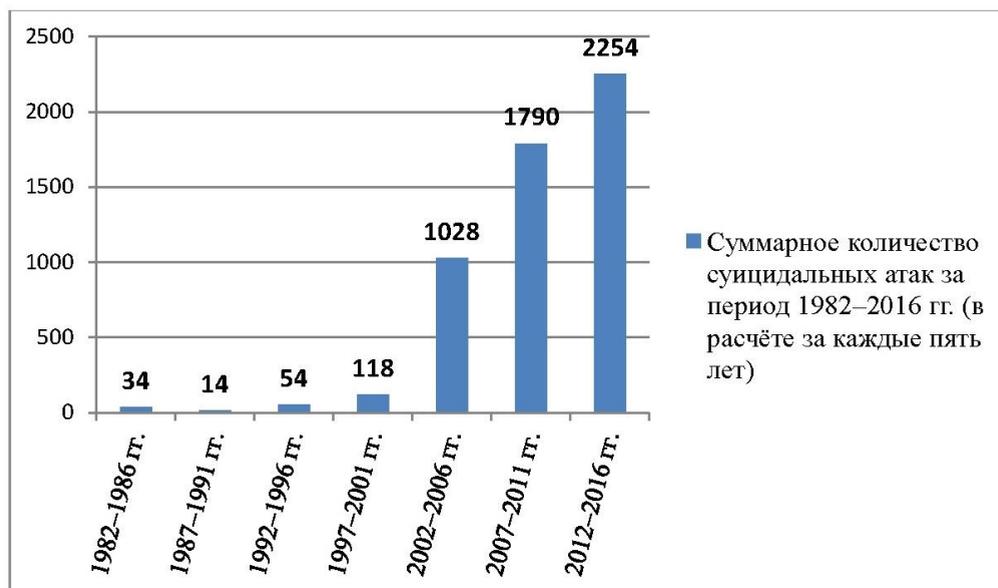

Рис. 1. Динамика суицидальных атак за период 1982–2016 гг. (в расчёте за каждые пять лет). Источник: составлено авторами на основе [26]

Следует отметить, что суицидальные террористические атаки с 1982 г. по 2001 г. в практике террористической деятельности в целом занимали незначительное место. Общее количество суицидальных атак за этот период составило 220 актов, повлекших убийства 5 927 человек и причинение вреда здоровью в отношении 18 344 потерпевших. Однако в период 2002–2016 гг. наблюдается интенсификация совершения суицидальных террористических актов, приведшая к многократному увеличению количества жертв. За этот период было совершено 5 072 суицидальных атак, повлекших 47 039 смертей и 114 079 потерпевших от ранений различной тяжести.

Происходит изменение и географии террористических атак. Так, если в период 1982–2001 гг. большинство террористических суицидальных атак были совершены в таких странах, как Шри-Ланка (71 атака), Ливан (42 атаки), Израиль (15 атак), Турция (12 атак), Палестина (11 атак), Россия (9 атак), Индия (4 атаки), то в период

2001–2016 гг. большая часть суицидальных атак была совершена в Ираке (2 152 атаки), Афганистане (1 145 атак), Пакистане (515 атак), Сирии (259 атак), Нигерии (175 атак), Йемене (136 атак), Сомали (117 атак). При этом необходимо также отметить, что количество суицидальных атак растет и в странах первой группы. Например, в России за последние 16 лет было совершено 79 суицидальных террористических атак, в Израиле соответственно – 99, в Шри-Ланке – 44, в Турции – 31, в Индии – 11 атак.

Изменяется также и тактика суицидального терроризма, что объясняется переориентацией террористических организаций на новые способы совершения суицидальных атак общепасным способом. Если в период 1982–2001 гг. суицидальные террористические атаки совершались через взрывы автомобилей, начинённых взрывчаткой (39,7% от всех атак за отчётный период), и использование поясов смертников (39,7% от всех атак за отчётный период) то в период 2002–2016 г. суицидальная террористическая тактика через подрывы автомобилей составила уже 56,4% от всех атак за отчётный период, а использование поясов шахида составило 36,5% от всех атак за отчётный период. При этом данный период характеризуется появлением нового способа проведения суицидальной террористической атаки, который выражается в использовании летательных аппаратов (прежде всего самолётов) против гражданских объектов (здания, строения, технические сооружения). Хотя подобная тактика суицидального терроризма является относительно новой (всего четыре инцидента), в то же время нельзя недооценивать разрушительные последствия от совершения таких атак. В недавней истории известны беспрецедентные террористические акты, совершённые с использованием пассажирских самолетов, произошедшие 11 сентября в США. В результате совершения четырёх таких атак было убито 2 978 человек и более 6 300 человек получили ранения различной тяжести.

В то же время, наблюдается некоторое снижение удельного коэффициента причинения вреда от суицидального терроризма, осуществляемого через использование автотранспортных средств. Так, коэффициент причинения вреда от суицидальных атак, совершаемых при помощи автомобилей, снизился с 21,2 (за период 1982–2001 гг.) до 8,9 (за период 2002–2016 гг.). При этом в сравнительном контексте за оба периода происходит многократное увеличение количества автомобильных суицидальных атак (с 83 атак за период с 1982–2001 гг. до 2 781 акта за период 2002–2016 гг.). Представленные показатели иллюстрируют две закономерности: с одной стороны, автомобильные суицидальные атаки осуществляются всё чаще, что позволяет говорить о популярности этой террористической тактики, с другой стороны, снижение коэффициента причинения вреда от таких атак свидетельствует об уменьшении разрушительного эффекта относительно каждой атаки.

Наблюдается также корреляционное изменение совершения суицидальных атак с помощью поясов смертников (поясов шахидов). За период 1982–2001 гг.

было совершено 81 подобных террористических актов, убивших 634 человека и причинивших физический вред здоровью 2 538 лицам. Удельный коэффициент причинения вреда за данный период террористической суицидальной практики составил 7,6. Вместе с тем наблюдается существенное увеличение количества подобных суицидальных атак после 2001 г. За период 2002–2016 гг. было совершено 1 797 террористических актов с использованием поясов шахидов, убивших 18 775 человек и причинивших вред здоровью 43 307 лицам. Темп роста таких атак по сравнению с предыдущим периодом составил 2218%, что наглядно демонстрирует широкое распространение суицидальных террористических актов, совершаемых с использованием поясов смертников. Возросла и эффективность данной террористической практики, выраженная в росте удельного коэффициента причинения вреда с 7,6 за предыдущий период до 10,4 за последний исследуемый период (рис. 2).

Рис. 2. Количественные показатели изменения тактики суицидального терроризма.

Источник: составлено авторами на основе [26]

Отдельно следует сказать о гендерной дифференциации суицидального терроризма. Так, за период с 1985 г. по 2018 г. было совершено более 300 суицидальных атак с участием хотя бы одной из женщин, в результате чего погибло

3 071 человек, в то время суицидальные террористические акты, совершенные мужчинами-смертниками, унесли жизни 55 216 человек. В общей сложности за указанный период удельный вес террористических актов, совершённых женщинами-самоубийцами, не превышает 2%, а смертность от их совершения составляет 5,3%. При этом большая часть суицидальных террористических актов с участием женщин приходится на такие террористические структуры, как Боко Харам (48%), чеченские террористические группы (16%) и Тигры освобождения Тамил-Илама (6%). Если же рассматривать распространение женского суицидального терроризма за указанный период в привязке к географическому критерию, то более 30% от общего числа смертниц приходится на Камерун, Нигерию и Россию [27].

Вместе с тем, далеко не все существующие в XXI в. террористические организации прибегают к суицидальной террористической практике. Так, если проводить сравнительно-статистический анализ всех террористических актов за 2014 г. (всего было совершено 32 685 актов) по отношению к суицидальным актам терроризма за этот же период, то доля суицидального терроризма не превышает 1,8% от общего количества террористических атак (в 2014 г. было совершено 598 суицидальных атак) [28].

Однако следует понимать, что суицидальная практика терроризма дифференцирована в своём проявлении. Методом сплошного анализа была изучена террористическая деятельность 117 наиболее опасных террористических организаций, образующих в своей взаимосвязи международный террористический интернационал [29]. Из всех рассматриваемых террористических организаций только 11 на постоянной и систематической основе прибегают к суицидальной практике политического насилия. Среди таких организаций можно отметить: Талибан (717 суицидальных атак), Исламское государство (585 суицидальных атак), Аль-Каида (188 суицидальных атак), Техрик-е Талибан (147 суицидальных атак), Аль-Шабаб (82 атаки), Джебхат ан-Нусра (62 суицидальных атаки), Хамас (60 атак), Движение исламского джихада в Палестине (43 суицидальные атаки), Бригады мучеников аль-Аксы (40 атак), Тигры освобождения Тамил-Илама (32 атаки) и Боко Харам (23 атаки) [26] (рис. 3).

Суицидальная террористическая деятельность востребована террористическими организациями по ряду причин. Прежде всего, подготовка террориста-смертника обходится сравнительно недорого. В специальной литературе отмечается, что на подготовку одного террориста-смертника тратится от 150 до 2000 долларов. В некоторых случаях террористические организации выплачивают компенсационные средства в размере от 3 000 до 5 000 долларов семьям террористов-смертников. Дополнительные траты также необходимы для приобретения средств связи, взрывчатки и амуниции [6; 7]. Суицидальный терроризм при низких финансовых затратах на подготовку террористов-смертников, как правило, приводит к разруши-

тельными последствиями в экономической (например, изменение курса национальной валюты, прекращение зарубежных инвестиций, закрытие предприятий, «бегство капитала», снижение туризма и многое другое), политической (подрыв авторитета государственной власти, дискредитация политических деятелей, недоверие к власти и т.д.) и социальной (появляются беженцы и вынужденные переселенцы, возникает напряжённость в обществе и общественное осуждение властных институтов, неспособных обеспечить безопасность граждан) сферах.

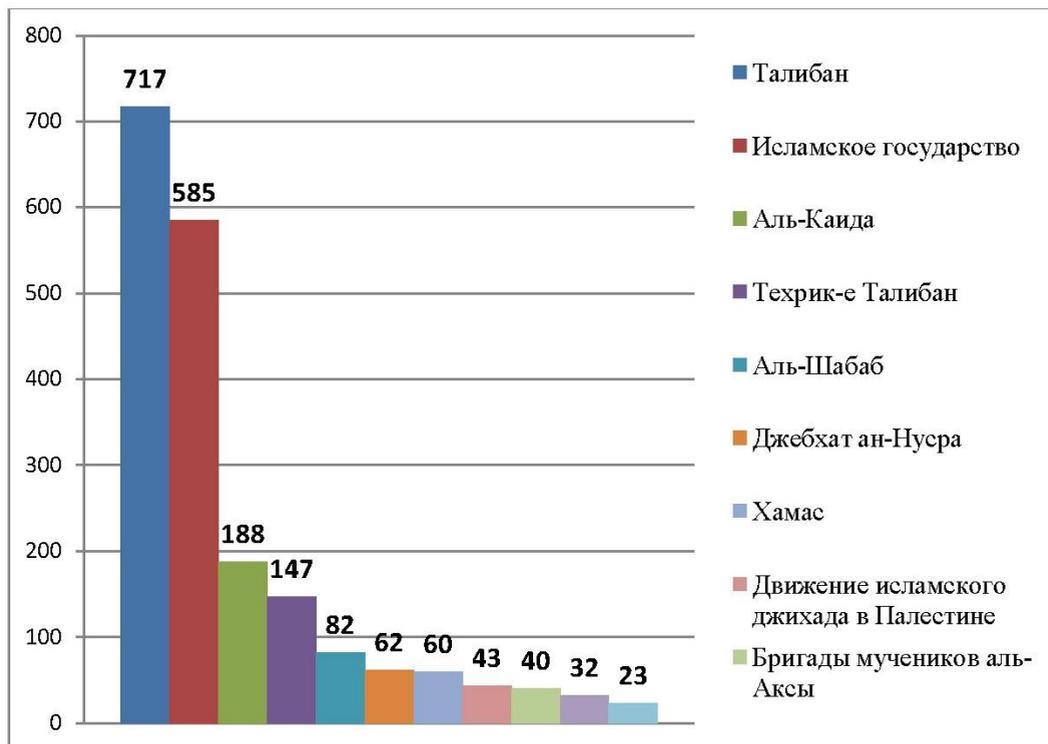

Рис. 3. Основные террористические организации, которые на постоянной основе прибегают к суицидальной практике политического насилия (за период 2000–2016 гг.).

Источник: составлено авторами на основе [26]

В исторической ретроспективе практика суицидального терроризма хотя и не является абсолютно эффективным средством влияния на политику зарубежных государств, в то же время оказывает значительное воздействие на военное присутствие иностранных военных контингентов. Это воздействие выражается в том, что понимание террористических угроз (в том числе суицидального терроризма как наиболее опасного проявления этих угроз) приводит к принятию дополнительных мер безопасности дислоцированных за границей вооруженных сил, а как следствие – и к дополнительному финансированию зарубежных кампаний. Кроме

того, как это ни парадоксально будет звучать, но суицидальный терроризм в определённых условиях может выступать как пропагандистское мероприятие в том плане, что средства массовой информации зачастую благосклонно пытаются объяснить суровые жизненные условия, вынудившие пойти человека на преступление, а террористические организации специально разогревают общественный интерес к суицидальным акциям, буквально обожеествляя их исполнителей, что опять же приводит к увеличению желающих покончить с собой во имя благих целей, при этом лишив жизни какое-то количество человек [8, с. 223].

Особое внимание следует обратить на социально-психологические причины, порождающие суицидальный терроризм в широком проявлении. В принципе можно говорить о двух ключевых подходах относительно понимания детерминации суицидального терроризма. В контексте первого подхода суицидальный терроризм объясняется с позиции религиозного самосознания и кризиса культурно-национальных ценностей, исторически складывающихся в традиционном обществе. В сущности, речь идет о возникновении антагонистических отношений в межкультурном коммуникационном взаимодействии (пространстве), где происходит столкновение традиционных ценностей исламского мира с аксиологическим миропониманием, отражённым в «западной цивилизации». При этом вмешательство «западной цивилизации» в традиционные общества порождает кризис культурной идентичности, под чем понимается изменение ценностных ориентаций и их иерархии, смена критериев оценки удовлетворённости жизнью и представлений о собственном благополучии, безудержная тяга к новому, усиление экстремистских устремлений, отсутствие устойчивых «идеалов и идиологов», а также размытость будущих перспектив [9, с. 174]. С психологической стороны мотивационный комплекс террористов-смертников охватывает определённые страхи, желания, фобии и увлечения, которые возникают в связи с определённым пониманием религиозных, философских, эзотерических ценностных установлений и которые в своей взаимообусловленности являются достаточными для совершения решительных действий террористического характера. Религиозный фактор социально-психологической детерминации суицидального терроризма выражается в превалировании духовных квазиценностей в сознании человека, которые формируются через последовательное программирование потенциального субъекта предстоящей суицидальной террористической деятельности в целях подавления в нём инстинкта самосохранения и развития стремления к «духовному очищению» через героическое самоубийство. Ключевой особенностью религиозного суицидального терроризма выступает потребность и стремление к тому, чтобы через совершение криминальных действий попасть в рай. Сама террористическая деятельность и ужасающие последствия воспринимаются как своеобразные ритуальные условия, необходимые для попадания в рай. В этом плане интересно отметить, что трансцендентальное понимание лучшей жизни (в религиозном контексте речь идёт о попада-

нии души в рай) обесценивает ценность собственной человеческой жизни и порождает пренебрежительное отношение к другим людям, которые воспринимаются исключительно либо как «неверные», либо как объекты жертвоприношения. Однако было бы неправильно во всех случаях объяснять агрессивный суицид религиозными верованиями, так как разные религии и сакраментальные учения по-разному определяют смысл человеческой жизни и допустимость её лишения. Например, в исламе и христианстве суицид категорически отрицается и воспринимается как греховное деяние, однако индуизм и синтоизм, напротив, разрешают при определённых условиях религиозные самоубийства [10, с. 37–40]. Но сама по себе религия, взятая в модельном выражении и безотносительно к уровню социального одобрения и восприятия, не является фактором, детерминирующим развитие суицидального терроризма. В этой связи уместно рассматривать не столько саму религию (религиозное учение), сколько уровень религиозности населения в той или иной стране. Отечественные и зарубежные исследования взаимосвязи религиозности населения с суицидальными актами, проведённые в разных странах, в целом не подтверждают презумпцию о том, что в обществах с высоким уровнем религиозного сознания в большей мере совершаются суициды, включая суицидальные террористические акты, нежели в странах, где преобладающей становится светская мораль [11; 12]. Религиозный фактор в предупреждении суицидального поведения объясняется не самой религией и состоянием набожности, а скорее приобщением человека к определённой религиозной общности, культивирующей и воспринимающей религиозные догмы и ценности как императивные требования. Такой подход согласуется с теорией Э. Дюркгейма, в соответствии с которой благотворительное влияние религии не сводится к специальной природе религиозных идей, сохраняющих человека от самоуничтожения, а в том, что религия, в сущности, проецирует особые социальные отношения, основанные на общих верованиях и обычаях, признаваемых всеми верующими, освящённых традицией и потому обязательных [13, с. 78]. Вместе с тем в аспекте сказанного следует говорить о том, что не все религиозные (в широком смысле слова) учения, поддерживаемые определёнными социальными группами и отражаемые в специфическом массовом сознании, априори обеспечивают ориентацию на сохранение человеческой жизни как особой трансцендентальной ценности. Напротив, как доказывают исследования суицидального терроризма, в религиозных сообществах также могут формироваться устремления к суицидальным действиям, поддерживаемым и одобряемым представителями таких объединений [14, р. 658]. В этом плане достаточно отметить неоднократные случаи суицидов, совершённых в тоталитарных сектах, а равно суицидальные террористические атаки, осуществлённые представителями религиозно-экстремистских организаций.

Одновременно следует признать, что связь религии и суицидальной практики терроризма не всегда прослеживается в статистической отчётности и подтверждается

в научной сфере. Например, в зарубежной научно-аналитической литературе отмечают, что за период 1981–2010 гг. общее количество суицидальных террористических атак в 35 странах мира составило 2 233 инцидент, при том что только более 800 террористических суицидальных атак (около 36 %) были совершены по религиозным мотивам [15, р. 13–21]. В научной литературе также отмечается, что суицидальные террористические акты часто совершаются в целях предупреждения возможного выхода из террористических сект и наказания провинившихся членов этих деструктивных сообществ [16, р. 990–995], либо же суицидальный терроризм выступает проявлением практицизма, ориентированного на достижение цели любыми средствами с учётом некоторой диффузии обучения со сходными религиозными традициями [17, р. 38–45]. Кроме того, нельзя игнорировать и другие факторы, которые в системной совокупности обуславливают повышенную вероятность суицидального терроризма. В частности, к таким факторам можно отнести злоупотребление наркотиками, воспитание в неблагополучных семьях, физические или психические нарушения, субъективные моральные недостатки, депрессии, страхи. Суицидальная террористическая практика также может детерминироваться спецификой внутригрупповых отношений, которые характеризуются высоким уровнем сплоченности и обилием крайних радикальных убеждений, воспроизводство, обоснование и распространение которых приводит к усилению агрессивности (включая агрессивный суицид) [18, р. 178].

Таким образом, актуализируется второй подход в объяснении суицидального терроризма, при котором возникает социальный протест против несправедливой системы социальной организации и сложившихся общественных отношений. В рамках этого подхода общеопасный акт самоубийства совершается в целях воздействия на публичные органы власти с тем, чтобы изменить социальную стратификацию, ликвидировать дискриминационные отношения, редуцировать риски социальной несправедливости, а также изменить сложившуюся систему распределения общественных благ.

Вместе с тем оба подхода, объясняющие суицидальный терроризм (и религиозный, и социальный), имеют общие характеристики. Во-первых, суицидальная террористическая практика становится возможной только при условии, если существует особый контингент лиц, готовых совершить акты самоубийств в террористических целях. В свою очередь, подготовка такого контингента предполагает разработку и применение специальных психологических методик, направленных на развитие особой мотивации на совершение террористических преступлений. Сама процедура подготовки террористов-смертников включает в себя ряд последовательных действий, направленных на поиск и вербовку кандидатов в террористы и психологическую обработку этих лиц в целях склонения их к совершению террористического акта через

самопожертвование. При этом основной упор при отборе и вербовке террористическое подполье делает на особый контингент лиц, а именно: лица, имеющие психологические травмы и (или) находящиеся в так называемом пограничном состоянии психики и постоянно ищущие смерти; родственники ранее уничтоженных боевиков, стремящиеся отомстить; женщины с неустроенной судьбой или трагедией в личной жизни; идейные и религиозные фанатики; дети и лица, не имеющие близких родственников [19, с. 59–61]. Здесь важно понимать, что на роль террориста-смертника в наибольшей мере подходят лишь те лица, которые в социально-психологическом отношении с большей долей вероятности могут быть склонены к террористическим действиям при условии адекватной идеологической и психологической подготовки. Другими словами, эффективность применения специальных методик по обработке будущих террористов-смертников ставится в зависимость от степени уязвимости психики человека.

Во-вторых, наблюдается некоторая схожесть социально-психологических характеристик террористов-смертников, что выражается в относительно высоком уровне образования, материальном благополучии и молодом возрасте террористов. В специальной литературе по этому поводу отмечается, что образованные молодые люди имеют сильные альтруистические чувства, что предопределяет более решительное участие в террористической деятельности для обеспечения общественного блага в отношении будущих поколений [20–22]. Кроме того, отмечается также, что получение образования при определенных условиях может оказывать два негативных эффекта, предопределяющих возможное участие в террористической деятельности: 1) получение образования не всегда предполагает доступ к более высокооплачиваемым сегментам рынка труда; 2) получение образования может детерминировать при определенных обстоятельствах изменения уровня лояльности в связи с изменением мировоззренческой системы ценностей [23, р. 359]. В других исследованиях детерминации суицидального терроризма отмечается, что не альтруистическая мотивация для образованных молодых людей является лейтмотивом такой преступной деятельности, а социальное давление, заставляющее пойти на конформизм в сложившейся системе социальных отношений. Социальное давление особенно сильно сказывается на студентах, которые живут вдали от своих семей и которые вынуждены создавать замкнутый круг общения с другими студентами, в результате чего происходит генерирование и культивирование деструктивных идей, направленных на воспрепятствование чуждой культурной идентичности [24; 25].

В заключение следует отметить, что суицидальный терроризм с выраженной прогрессией становится наиболее опасной формой политического насилия, инспирируемого и осуществляемого террористическими организациями в условиях кризиса национально-культурной идентичности, геополитических противостояний,

экономических потрясений и антагонистических международных процессов. Деструктивный прагматизм суицидального терроризма заключается в минимизации затрат на подготовку террористических атак при росте негативных последствий от непосредственного совершения самих актов терроризма, проявляемых в периоды политических, экономических и социальных потрясений. Учитывая эффективность современного суицидального терроризма, закономерно можно предположить, что в ближайшее время и в долгосрочной перспективе данная практика политического насилия будет возрастать по мере увеличения террористической активности в целом. Что касается социально-психологических аспектов суицидального терроризма, то здесь важно понимать, что терроризм смертников не сводится исключительно к религиозным причинам, а социальные корни этого явления не всегда происходят от низкого уровня образования и бедности. Вместе с тем, в тех случаях, когда религиозный фактор всё-таки детерминирует суицидальный терроризм, то он, вероятно, выражается в сплочении лиц в коллективное образование (так называемые террористические клики или микрогруппы деструктивного характера), культивирующее и поддерживающее квазиценности и идеалы.

Список литературы

1. The history of terrorism: from antiquity to al Qaeda / ed. by G. Chaliand, A. Blin; transl. by E. Schneider, K. Pulver, J. Browner. – [S. l.] : University of California Press. – 474 p.
2. Иванов, С. Н. Терроризм смертников: исторический аспект // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – № 1. – С. 126–134.
3. Соснин, В. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ / В. А. Соснин, Т. А. Нестик. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2008. – 240 с.
4. Ольшанский, Д. В. Психология террора / Д. В. Ольшанский. – Москва : Академический Проект, 2014. – 320 с.
5. Schweitzer, Y. Suicide bombings – the ultimate weapon? – URL: <https://www.ict.org.il/Article.aspx?ID=809> (дата обращения: 24.03.2021).
6. Оторбаев, У. Террористы-смертники – кто они? – URL: <http://www.easttime.ru/analytic/3/3/992.html> (дата обращения: 24.03.2021).
7. Капитонов, К. А. Война без правил. Израильско-палестинское противостояние / К. А. Капитонов. – Москва : АСТ; Восток – Запад, 2006. – 526 с.
8. Тараканов, А. В. Суицидальные атаки как средство политической борьбы // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 219–223. С. 223.
9. Шульгина, Д. Н. Кризис культуры и идентичности человека в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. – 2010. – № 2. – С. 173–180.

10. Суицидальное поведение и религиозность / В. Э. Пашковский, В. К. Шамрей, А. Г. Софронов, К. В. Днов, Н. Н. Ротковская // Суицидология. – 2015. – Т. 6, № 3 (20). – С. 30–41.
11. Lawrence, R. E. Religion and suicide risk: a systematic review / R. E. Lawrence, M. A. Oquendo, B. Stanley // Archives of suicide research. – 2016. – № 20. – P. 1–20.
12. O'Reilly, D. Religion and the risk of suicide: longitudinal study of over 1 million people / D. O'Reilly, M. Rosato // British Journal of Psychiatry. – 2015. – Vol. 206, № 6. – P. 466–570.
13. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. ; под ред. В. А. Базарова. – Москва : Мысль, 1994. – 399 с.
14. Matthew, D. M. Religious heterogeneity and suicide: A cross-national analysis // Social Compass. – 2015. – Vol. 62, № 4. – P. 649–663.
15. Filote, A. H. Suicide attacks and religious cleavages / A. Filote, N. Potrafke, H. Ursprung // Public Choice. – 2016. – Vol. 166. – P. 3–28.
16. Santifort-Jordan, C. An empirical study of suicide terrorism: a global analysis / C. Santifort-Jordan, T. Sandler // Southern Economic Journal. – 2014. – № 80. – P. 981–1001.
17. Horowitz, M. Non-state actors and the diffusion of innovations: The case of suicide terrorism // International Organization. – 2010. – Vol. 64. – P. 33–64.
18. Wintrobe, R. Extremism, suicide terror, and authoritarianism // Public Choice. – 2006. – Vol. 128. – P. 169–195.
19. Бутков, П. П. Терроризм и проблемы безопасности в современном мире / П. П. Бутков, А. И. Зайцев. – Санкт-Петербург : Изд-во Политехн. ун-та, 2015. – 336 с.
20. Azam, J. P. Suicide-bombing as inter-generational investment // Public Choice. – 2005. – № 122 (1–2). – P. 177–198.
21. Azam, J. P. The roles of foreign aid and education in the war on terror / J. P. Azam, V. Thelen // Public Choice. – 2008. – № 135 (3–4). – P. 375–397.
22. Azam, J. P. Foreign aid vs. military intervention in the war on terror / J. P. Azam, V. Thelen // Journal of Conflict Resolution. – 2010. – № 54 (2). – P. 237–261.
23. Azam, J. P. Why suicide-terrorists get educated, and what to do about it // Public Choice. – 2012. – № 153. – P. 357–373.
24. Ferrero, M. Martyrdom contracts // Journal of Conflict Resolution. – 2006. – № 50 (6). – P. 855–877.
25. Wintrobe, R. Extremism, suicide terror, and authoritarianism // Public Choice. – 2006. – № 128. – P. 168–195.
26. Suicide Attack Database. The Chicago Project on Security and Terrorism (CPOST). – URL: <https://dss.princeton.edu/catalog/resource1057> (дата обращения: 24.03.2021).
27. Global Terrorism Index. Report. 2019 / The Institute for Economics and Peace. – URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/GTI-2019web.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).

28. Global Terrorism Index. Report. 2015 / The Institute for Economics and Peace. – URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/2015-Global-Terrorism-Index-Report.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).

29. Browse By Perpetrator Group / The Global Terrorism Database. – URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/BrowseBy.aspx?category=perpetrator> (дата обращения: 24.03.2021).

References

1. The history of terrorism: from antiquity to al Qaeda / edited by Gérard Chaliand and Arnaud Blin; translated by E. Schneider, K. Pulver and J. Browner. [S. l.]: University of California Press. 474 p.

2. Ivanov S. N. Terrorizm smertnikov: istoricheskii aspekt [Suicide terrorism: historical aspect]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2008, no. 1, pp. 126–134.

3. Sosnin V. A., Nestik T. A. *Sovremennyi terrorizm: sotsial'no-psikhologicheskii analiz* [Modern terrorism. Socio-psychological analysis]. Moscow: Institute of psychology RAS Publ., 2008. 240 p.

4. Olshanskiy D. V. *Psikhologiya terrora* [The psychology of terror]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2014. 320 p.

5. Schweitzer Y. *Suicide bombings – the ultimate weapon?* Available at: <https://www.ict.org.il/Article.aspx?ID=809> (accessed 24 March 2021).

6. Otorbaev U. Suicide bombers – who are they? Available at: <http://www.easttime.ru/analitic/3/3/992.html> (accessed 24 March 2021).

7. Kapitonov K. A. *Voyna bez pravil. Izrail'sko-palestinskoe protivostoyanie* [War without rules. The Israeli-Palestinian conflict]. Moscow: AST. Vostok-Zapad Publ., 2006. 526 p.

8. Tarakanov A. V. Suitsidal'nye ataki kak sredstvo politicheskoi bor'by [Suicide attacks as a means of political struggle]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 6, pp. 219–223.

9. Shulgin D. N. Krizis kul'tury i identichnosti cheloveka v usloviyakh globalizatsii [The crisis of culture and identity in the context of globalization]. *Vestnik VGU. Ser.: Filosofiya*, 2010, no. 2, pp. 173–180.

10. Pashkovskiy V. E., Shamrei V. K., Sofronov A. G., Dnov K. V., Rotkovskaya N. N. Suitsidal'noe povedenie i religioznost' [Suicidal behaviour and religiosity]. *Suitsidologiya*, 2015, vol. 6, no. 3 (20), pp. 30–41.

11. Lawrence R. E., Oquendo M. A., Stanley B. Religion and suicide risk: a systematic review. *Archives of suicide research*, 2016, no. 20, pp. 1–20.

12. O'Reilly D., Rosato M. Religion and the risk of suicide: longitudinal study of over 1 million people. *British Journal of Psychiatry*, 2015, vol. 206, no. 6, pp. 466–570.

13. Durkgeym A. *Samoubiistvo: Sotsiologicheskii etyud* [Suicide: a study in sociology]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 399 p.

14. Matthew D. M. Religious heterogeneity and suicide: A cross-national analysis. *Social Compass*, 2015, vol. 62, no. 4, pp. 649–663.
15. Filote A., Potrafke N., Ursprung H. Suicide attacks and religious cleavages. *Public Choice*, 2016, vol. 166, pp. 3–28.
16. Santifort-Jordan C., Sandler T. An empirical study of suicide terrorism: a global analysis. *Southern Economic Journal*, 2014, no. 80, pp. 981–1001.
17. Horowitz M. Non-state actors and the diffusion of innovations: The case of suicide terrorism. *International Organization*, 2010, vol. 64, pp. 33–64.
18. Wintrobe R. Extremism, suicide terror, and authoritarianism. *Public Choice*, 2006, vol. 128, pp. 169–195.
19. Butkov P. P., Zaitsev A. I. *Terrorizm i problemy bezopasnosti v sovremennom mire* [Terrorism and security issues in the modern world]. St.-Petersburg: Polytekhnich University Publ., 2015. 336 p.
20. Azam J. P. Suicide-bombing as inter-generational investment. *Public Choice*, 2005, no. 122 (1-2), pp. 177–198.
21. Azam J. P., Thelen V. The roles of foreign aid and education in the war on terror. *Public Choice*, 2008, no. 135 (3-4), pp. 375–397.
22. Azam J. P., Thelen V. Foreign aid vs. military intervention in the war on terror. *Journal of Conflict Resolution*, 2010, no. 54 (2). pp. 237–261.
23. Azam J. P. Why suicide-terrorists get educated, and what to do about it. *Public Choice*, 2012, no. 153, pp. 357–373.
24. Ferrero M. Martyrdom contracts. *Journal of Conflict Resolution*, 2006, № 50 (6), pp. 855–877.
25. Wintrobe R. Extremism, suicide terror, and authoritarianism. *Public Choice*, 2006, no. 128, pp. 168–195.
26. *Suicide Attack Database. The Chicago Project on Security and Terrorism (CPOST)*. Available at: <https://dss.princeton.edu/catalog/resource1057> (accessed 24 March 2021).
27. *Global Terrorism Index. Report. 2019*. The Institute for Economics and Peace. Available at: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/GTI-2019web.pdf> (accessed 24 March 2021).
28. *Global Terrorism Index. Report. 2015*. The Institute for Economics and Peace. Available at: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/2015-Global-Terrorism-Index-Report.pdf> (accessed 24 March 2021).
29. *Browse By Perpetrator Group. The Global Terrorism Database*. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/BrowseBy.aspx?category=perpetrator> (accessed 24 March 2021).

Научное издание

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
экономика, политика, право**

Научный журнал

2021

№ 1

Главный редактор

А. И. Коробеев

Заместители главного редактора

В. В. Гаврилов, Н. В. Кузнецова, А. Ю. Мамычев

Ответственный секретарь

В. В. Короченцев

Председатель редакционного совета

С. Д. Князев

Редакционный совет

П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Д. Вандерхзвааг, А. Я. Капустин,
А. С. Кошель, В. И. Курилов, Ли Ик Хён, Пак Ноенг, И. В. Панова,
И. И. Рогов, С. В. Севастьянов, О. Н. Третьяк, Фу Куенчен, Хуан Даосю

Редакционная коллегия

К. В. Арановский, Л. Ю. Вотинцева, Е. П. Жариков,
Н. Н. Коротких, В. А. Номоконов, С. К. Песцов

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

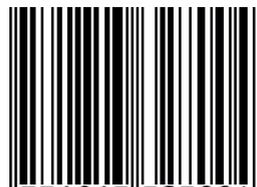
Дата подписания в печать 31.03.2021.
Дата выхода в свет 9.04.2021.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 12,42.
Тираж 500 экз. Заказ 074.
Цена свободная.

Издатель:
Дальневосточный федеральный университет
690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Отпечатано в типографии Издательства
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10

Index - 83612

ISSN 1813-3274

9 771813 327004 >